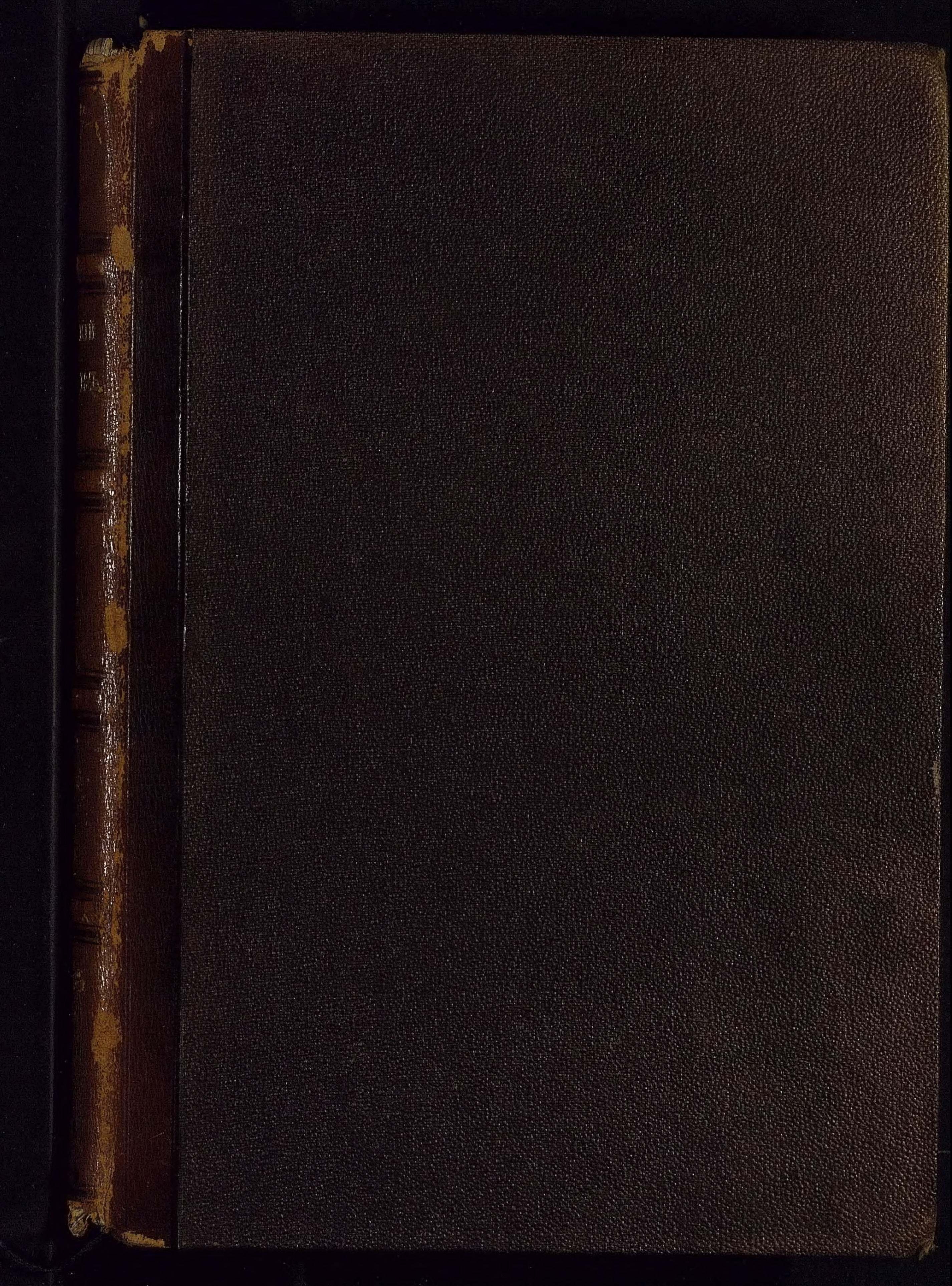

1266.

ЮРИДИЧЕСКІЙ

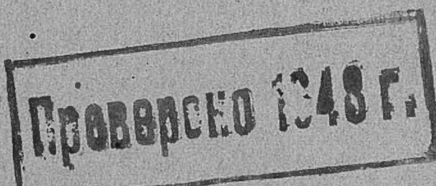
ВѢСТНИКЪ

1876

КНИЖКИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ,

ЯНВАРЬ и ФЕВРАЛЬ

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (Катковъ)
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКИ ПЕРВАЯ и ВТОРАЯ — ЯНВАРЬ и ФЕВРАЛЬ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

(см. на оборотѣ).

---

*) По случаю поздняго выхода 1 и 2 кн. Юрид. Вѣст. 1876 г. читанная В. Н. Лешковымъ рѣчь напечатана въ началѣ кн. журнала. *Ред.*

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ
МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1876

ГОДЪ ОСЬМЫЙ

ЯНВАРЬ и ФЕВРАЛЬ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

ПО УКАЗАМЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО. *)

Относя промышленность, какъ всякую человѣческую дѣятельность, къ области права, мы тѣмъ самымъ допускаемъ необходимость законовъ для промышленной дѣятельности, и законовъ различныхъ, по различію времени и мѣста, эпохъ и странъ, на томъ простомъ основаніи что эти законы должны вытекать изъ природы и состоянія, или степени развитія и промышленности. Только законы, соображенные съ природою дѣла, подлежащаго ихъ распоряженію, благотворны для дѣла и тѣмъ достигаютъ своего назначенія, или даже исполненія, такъ что ихъ не будутъ ни обходить, ни нарушать. Кромѣ отношенія человѣка ко внѣшней природѣ, въ промышленности существуютъ разнообразныя взаимныя отношенія лицъ и дѣятелей, входящія непремѣнно въ сферу права, тѣмъ болѣе, что даже отношенія человѣка ко внѣшней природѣ возможны въ формѣ распоряженія имуществомъ, также предметомъ права. Въ одномъ мѣстѣ нашей древней исторіи русскаго общественнаго права **), мы указали на

*) Читано 23 февраля 1876 года въ годичномъ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества. Ред.

**) Рус. Народъ и Госуд., стр. 331, 332.

тѣ стороны промышленности, которыя необходимо вызываютъ законъ къ дѣятельности, а именно: на свободу промышленности, требующую признанія,—на соперничество въ промышленности, оттуда вытекающее,—на разнообразіе дѣятелей, или факторовъ промышленности, вызывающее законъ къ установленію справедливыхъ отношеній между разносильными дѣятелями, — и на развитіе промышленности путемъ развитія промысловъ, при посредствѣ различныхъ мѣръ со стороны общества и закона. Тамъ же сказали мы, что такими установленіями закона образуется право народа на промышленность, или право народной промышленности, при чемъ мы видѣли въ предшествующихъ вѣкахъ множество законовъ, входящее въ область этого права промышленности отъ законовъ о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ внутри страны до торговыхъ товариществъ и до торговыхъ трактатовъ съ иноземными державами.

Такое же множество, доходящее до нѣсколькихъ тысячъ распоряженій о промышленности встрѣчаетъ того кто изслѣдуетъ смыслъ и духъ указовъ одного царствованія Петра В. въ области промышленности, такъ что почти невозможно обозрѣть всѣ эти распоряженія вполнѣ, тѣмъ болѣе, что повторяясь, часто противорѣча одни другимъ и перепутываясь между собой, они не могутъ сами изъ себя образовать что нибудь цѣлое, опредѣленное, а захватывая случайно различныя стороны жизни и права, отъ личной свободы и собственности до привилегій разныхъ сословій и до уголовной отвѣтственности по дѣламъ торговымъ, эти указныя распоряженія съ трудомъ поддаются общему критическому обзору. Это разнообразное множество есть первый фактъ, поражающій изслѣдователя, желающаго изучить указы Петра В. относительно промышленности. Второй фактъ, характеризующій эти указы Петра В., состоитъ въ томъ, что здѣсь промышленность является уже не правомъ народа, какъ въ старину, а по причинѣ принадлежности земли казнѣ, промышленность становится повинностію народа относительно государства, — повинностію натуральною, возложенною на простой народъ такъ же точно, какъ служба возложена на

дворянство, а потому указы не сообразуются съ природою, или со свойствомъ промышленности, а наоборотъ, съ интересами казны, или вотчинника и установляютъ промышленную дѣятельность народа по правиламъ и формамъ и началамъ, которыя не лежатъ въ природѣ промышленности, а навязываются ей извнѣ. Въ этомъ собственно состоитъ особенность указовъ Петра В. о промышленности и ихъ отличіе отъ всего, что называется регламентаціею. Если регламентація не произвольна, а согласна съ состояніемъ промышленнаго развитія страны, она будетъ заключать въ себѣ полезныя для промышленности постановленія, хотя временныя и мѣстныя; только произвольная, на существѣ дѣла не основанная регламентація будетъ затруднять промышленность и вредить ея развитію. Но, во всякомъ случаѣ, регламентація предполагаетъ существованіе промышленной дѣятельности, какъ самостоятельное явленіе народной жизни, тогда какъ система указовъ, предписывающихъ, установляющихъ, вызывающихъ самую дѣятельность, какъ особую работу волею и неволею, или по наряду, заходитъ далѣе регламентаціи и походитъ скорѣе на построеніе египетскихъ пирамидъ и напоминаетъ скорѣе египетскую работу. Это фискальная, а не меркантильная система. Но приступимъ къ самому дѣлу.

Указы Петра В. впервые раздѣляютъ промышленность по мѣсту производства, въ подражаніе западу, на сельскую и городскую, отдѣливъ воображаемыми стѣнами, или дѣйствительными рвами и валами, каковъ доселѣ Камеръ-Коллежскій валъ вокругъ Москвы, наше городское населеніе отъ сельскаго,—населенія, которыя даже въ наше время имѣютъ, допускаютъ и сохраняютъ разнообразныя связи родства, свойства и вообще единства происхожденія, въ противоположность западу, знавшему городскіе роды и различіе между старыми и новыми родами городскихъ жителей.

Городъ Петра В. получаетъ, по указамъ, особыя опредѣленія, его населеніе—особое устройство, его промыслы значеніе исключительнаго городскаго права, стѣснявшаго сельчанъ, да мѣшавшаго развитію ремеслъ и торговли умень-

шеніемъ соперничества. И это называлось, по указамъ, «собираніемъ разсыпанной храмины,» состоявшимъ въ слѣдующемъ устройствѣ городовъ, по силѣ IV гл. Регламента Главн. Магистрата, 1721 г., января 16, № 3708 полн. Собр. законовъ Р. И. Города раздѣляются, по величинѣ своего населенія, на пять разрядовъ, изъ которыхъ въ первый входятъ имѣющіе отъ 2000 до 3000 и болѣе дворовъ, во второй имѣющіе дворовъ отъ 1000 до 2000,—къ третьему приписываются города съ числомъ дворовъ отъ 500 до 1000,—къ четвертому въ 500, а къ пятому города съ еще меньшимъ числомъ дворовъ. При такомъ числовомъ опредѣленіи городовъ важнымъ единственно для обложенія податями, нельзя было отличить село съ сотнями дворовъ отъ города и приходилось искусственно, механически рвомъ или валомъ отдѣлять городское населеніе отъ сельскаго. Было и въ старину различіе между селами и городами, но то различіе основалось на естественномъ развитіи села въ рядъ, торгъ, торжокъ и городъ, а понятіе тогдашняго города, какъ и въ наше время, обнимало всѣхъ его жителей. Между тѣмъ, по VII гл. Регламента, жители городовъ не существенно отличаются отъ сельчанъ, а своимъ раздѣленіемъ на гильдіи и по формѣ управленія, такъ что даже среди ихъ живущія лица духовенства и шляхетства, равно какъ невписываемые въ гильдіи «подлые люди» не входятъ въ составъ собственно городскаго населенія. Гильдій положено составить въ городѣ двѣ, первую и вторую, относя къ первой —банкировъ, знатныхъ купцовъ, докторовъ (медицины), аптекарей, шкиперовъ, золотарей, т. е., золотыхъ дѣлъ мастеровъ, серебренниковъ, иконниковъ и живописцевъ, а ко второй всѣхъ мелочныхъ, мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, токарей и т. п. Такое механическое собираніе разсѣянной дотолѣ храмины, конечно, упростило устройство управленія надъ городами и облегчило сборъ податей и налоговъ, но за то лишило ихъ внутренней связи, такъ что съ этого времени наше купечество, подобно духовенству и крестьянству, не имѣя общаго интереса, разбитое на отдѣльныя общества, не могло получить сословнаго значенія, доселѣ принадлежащаго исключительно дворянству, съ его губернскими собраніями.

Указы Петра В. установляютъ извѣстную, опредѣленную цѣль для промышленности, именно добываніе золота для казны и денегъ для войны, которой онѣ считаются артеріею. Отсюда объясняется та система указныхъ требованій, по которой предписывалось какъ можно болѣе продавать своихъ товаровъ иноземцамъ, или какъ можно болѣе возить золота изъ-за границы, и, подъ страхомъ наказанія, не вывозить его за границу, равно какъ то предпочтеніе, которое указы давали вообще городскимъ промысламъ предъ сельскими, а изъ городскихъ — торговлѣ и изъ разныхъ ея видовъ, или формъ—торговлѣ иностранной, заграничной, въ формѣ казенной, ведомой чрезъ Петербургъ. Отсюда вышла особая конструкція, или организація всей народной промышленности, по указамъ Петра В., давшимъ въ этой организаціи первое мѣсто внѣшней торговлѣ казны и вообще торговлѣ,— поставившимъ фабричную промышленность выше сельской, а въ сельской—добываніе металловъ и всего торговаго, отпускнаго выше подлежащаго внутреннему потребленію, и все это по началу, высказанному въ указѣ времени, въ формѣ: «волею и неволею.»

По началу, что указы должны быть исполняемы, Петръ В., на основаніи такой конструкціи промышленности построяетъ администрацію, которой ввѣряетъ веденіе промышленности къ означенной цѣли, и которая, находясь подъ высшимъ надзоромъ, контролемъ и руководствомъ Прав. Сената, состоитъ, по указамъ времени, изъ разныхъ коллегій, преимущественно изъ Коммерцъ-Коллегіи, Мануфактуръ-Коллегіи, Адмиралтействъ-Коллегіи, Форшмейстеровъ, Камеръ-Коллегіи, Бергъ-Директоріума и Бергъ-Коллегіи и Главнаго Магистрата, для высшаго, государственнаго управленія, — и изъ мѣстныхъ губернаторовъ, магистратовъ и ратушъ, палатъ, гильдейскихъ и цеховыхъ старшинъ, по городамъ, да изъ ландкоммиссаровъ, форшт-и вальдмейстеровъ, помѣщиковъ и ихъ прикащиковъ, по селамъ, замыкаясь надзоромъ со стороны различныхъ спеціальныхъ коммиссаровъ и вообще фискаловъ. Очевидно, что при такомъ устройствѣ администраціи, народная промышленность не принадлежала болѣе народу, а

особымъ хозяевамъ—администраціи, и не должна была уклоняться отъ предписанной ей цѣли, такъ что народу оставалось только исполнять различныя указныя предписанія.

Переходя къ подробному изложенію этихъ указныхъ предписаній, мы держимся порядка и системы, принятыхъ для промышленности въ статистикѣ, раздѣляя ее на добывающую, обработывающую, или формующую и на доставляющую, или на торговлю. При чемъ, для уясненія нѣкоторыхъ общихъ явленій, укажемъ тутъ же, что добывающая, такъ называемая сельская основана преимущественно на работѣ, или на физическихъ усиліяхъ человѣка, тогда какъ обработывающая требуетъ, кромѣ работы, свѣдѣній, знаній, вообще труда, а торговля, какъ доставляющая почти исключительно основана на трудѣ, на умѣньи, знаніи соображеніи, разсчетѣ и т. п. Отсюда выводимъ то слѣдствіе, по которому прямое, требовательное вліяніе и воздѣйствіе администраціи на промышленность добывающую должно было явиться въ формѣ физическаго принужденія къ работѣ и въ видѣ крѣпостной зависимости, тогда какъ это вліяніе и воздѣйствіе администраціи на промышленность обработывающую должны были вызвать привилегіи, или принужденіе моральное, но въ томъ и другомъ случаѣ, волею и неволею, а въ торговлѣ—непосредственныя дѣйствія казны. Послѣ этихъ общихъ соображеній, мы считаемъ возможнымъ ввести читателя въ подробности указовъ Петра В. относительно промышленности, начиная

1. съ добывающей, гдѣ первый вопросъ—объ управленіи, которое въ значеніи обще-государственнаго, было вручено разнымъ коллегіямъ, напр., Камеръ-Коллегіи, частію Адмиралтействъ-Коллегіи, да Бергъ-Коллегіи, или Бергъ-Директоріуму, смотря по различію предметовъ сельскаго хозяйства. Общее значеніе такого государственнаго управленія уже опредѣляется тѣмъ, что Камеръ-Коллегія, вѣдавшая, по своей главной задачѣ государственные доходы и сборы, въ то же время стояла во главѣ сельско-хозяйственнаго дѣла, по акту своего учрежденія, 11 декабря, 1712, равно какъ

по 13 п. своего регламента *). По этимъ законамъ, Камеръ-Коллегія обязана была „накрѣпко увѣдомлятися о состояніи, натурѣ и плодородіи каждой провинціи,—наипаче старатися, чтобъ запустѣлые дворы и земли заселять, — чтобъ лѣса сохранять, вновь насаждать и возращать, а земледѣліе, скотскіе приплоды и рыбные ловы умножать“ и т. д., и съ этою цѣлію „съ губернаторы и воеводами прилежно корреспондовать,“ потому что, по законамъ времени, „каждое начальство должно въ провинціяхъ и городахъ прилежно исправлять, что къ общему исправленію и экономству принадлежитъ.“ Подъ словомъ начальство здѣсь должно разумѣть не только губернаторовъ, или воеводъ, но и помѣщиковъ и прикащиковъ, какъ то видно изъ указа 1723, февр. 27, **) которымъ предписывалось „помѣщикамъ и прикащикамъ накрѣпко смотрѣть за крестьянами, дабы они землю хорошенько снабдѣвали, и болѣе хлѣбнаго сѣву умножали.“ Понятно, что послѣ учрежденія такой широкой администраціи въ хозяйничествѣ по дѣламъ крестьянъ, или хлѣбопашества, луговодства, скотоводства и т. п., излишними почитались отдѣльныя распоряженія относительно земледѣлія и, дѣйствительно, мало находимъ мы такихъ отдѣльныхъ распоряженій, по этимъ отраслямъ хозяйства. Есть одно общее установленіе отъ 25 янв., 1709, ст. 2, ***) объ отдачѣ въ содержаніе пустопорожнихъ земель, да указъ отъ 11 мая, 1722 ****) запрещающій отнынѣ впредь жать хлѣбъ въ Россіи и повелѣвающій косить его, какъ то дѣлается въ Курляндіи, въ Лифляндіи, въ Пруссіи, что „предъ нашими (sic) серпами гораздо споряе и выгоднѣе, такъ что каждый косецъ за десять жницъ сработаетъ.“ Конечно, указъ не былъ исполняемъ и тогда, какъ онъ оказался неисполнимымъ доселѣ, потому что русскіе крестьяне не столько дорожатъ соломою, сколько зерномъ; но было бы любопытно знать,

*) № 3466 П. С. З.
**) № 4175.
***) № 2229.
****) № 3781.

чего въ то время стоило крестьянамъ отстоять свою пользу. Дѣло не могло обходиться безъ борьбы, и вотъ еще одно обстоятельство для объясненія малочисленности указовъ о земледѣліи, луговодствѣ, скотоводствѣ, вообще объ отрасляхъ хозяйства, вполнѣ извѣстныхъ населенію, равно какъ для объясненія того, что Петръ В. не столько хлопоталъ о старомъ, давно существовавшемъ, сколько о введеніи новаго, по новымъ манерамъ, небывалаго, гдѣ его указамъ было открыто широкое поле.

Переходимъ къ добывающей промышленности въ области ископаемаго царства, начиная съ указовъ о соли. До Петра В. соль, какъ условіе продовольствія и здоровья, или какъ все съѣстное, составляла свободный промыселъ и предметъ вольнаго торга, особенно по силѣ акта 1654, апр. 30, *) навсегда воспретившаго отдачу съѣстнаго на откупъ. Актъ называетъ себя Уставною Грамотою, въ которой царь Алексѣй Михайловичъ „заповѣдуетъ о Христѣ Бозѣ дѣтямъ своимъ и внучатамъ и всѣмъ, хранящимъ державу царствія русскаго, хранить сіе наше изображеніе, еже есть, Уставную Грамоту," ожиданія награды за исполненіе и ратованія отъ Бога за нарушеніе. Но уже 1697, марта 14 **), было повелѣно: зырянскіе соляные заводы, въ Великой Перми, съ крестьянами отдать Григорію Строгонову, подъ условіемъ, доставлять въ казну по 100.000 пудовъ соли безденежно и продавать остальную добычу по 3 алтына и по 2 деньги за пудъ, внося за продажу ежегодно 11.000 руб., въ видѣ пошлинъ. Указомъ 1705, янв. 1 ***) предписано: соль отобрать въ казну, предоставивъ ей исключительное право продажи соли народу,—право, оказавшееся, вѣроятно, только

*) № 122. Основаніемъ акта служили приложенія прежнихъ таможенныхъ грамотъ напр. Орѣшковской, отъ 1563, гдѣ запрещается брать тамгу съ хлѣба освобождается отъ пошлинъ торговля съѣстнымъ и всякая покупка для себя, а не для торговли. см. Рус. Нар. и госуд., стр. 493, прим.

**) № 1584.

***) № 2009.

тяжкимъ для населенія и не весьма прибыльнымъ для казны потому что вскорѣ потребовалось подвергнуть вопросъ о соли особому обсужденію, для чего указъ отъ 23 окт. 1713 *), предписалъ выслать въ Петербургъ изъ разныхъ городовъ по два человѣка лучшихъ, т. е. зажиточныхъ и съ ними установить порядокъ продажи соли. Лѣтъ черезъ десять послѣ того, въ указѣ 1724, отъ 13 янв., **) читаемъ новое положеніе, по которому, подъ страхомъ штрафа, соляные промышленники, Строгоновы и другіе обязуются варить соли побольше, а именно: Строгоновы должны вываривать ея не менѣе 3.000.000, а остальные не менѣе 1.000.000 пудовъ ежегодно. Наконецъ, соль стала регаліею казны, въ формѣ продажи, и собственностію, въ самыхъ своихъ источникахъ подобно рудамъ, металламъ и минераламъ.

1700, ноября 2 ***), повелѣно: всѣмъ искать руду по всей Россіи, не стѣсняясь правомъ владѣнія землею и ожидая за объявленіе руды награды, а за утаеніе—наказанія, 1716, іюня 22 ****), предписано искать „жемчугу, руды и красокъ Вельяминову и для того повелѣно повсюду давать ему знающихъ людей, охочихъ, или неволею, казенныя деньги и подводы,“ что частію подготовлено указомъ 1716, янв. 28, относительно красокъ. Но главное вниманіе было обращено на жемчугъ, потому, увѣряютъ указы, что его много въ русскихъ рѣкахъ и рѣчкахъ, да только не знаетъ народъ, какъ его ловить, и для успѣха дѣла, запрещается ловля жемчугу, по старинному, кому и какъ заблагоразсудится,—къ дѣлу приставляются особые офицеры, подъ присягою обязанные дозволять ловлю жемчугу только людямъ знающимъ и т. д., согласно и во исполненіе указа 1721, іюня 8 *****). Относительно добыванія рудъ были испытаны такъ же различные способы, послѣ чего дѣло было объявлено государ-

*) № 2724.
**) № 4410.
***) № 1815.
****) № 3030.
*****) № 3794.

ственнымъ и ввѣрено особому управленію, Бергъ-Коллегіума," по указу 1719, дек. 10 *) „на благо государству и подданнымъ." При этомъ постановлено, что „рудокопные заводы и оныхъ употребленіе принадлежатъ одному монарху," который милостиво дозволяетъ всѣмъ и каждому заниматься добываніемъ металловъ на своихъ и на чужихъ земляхъ, буде хозяева послѣднихъ сами того не дѣлаютъ, „дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не осталось, въ противность дотолѣ дѣйствовавшему началу, высказанному въ послѣдній разъ въ наказѣ Нерчинскому Воеводѣ 1697, марта 31 **). Въ чьей землѣ, говоритъ наказъ, откроется руда, и ту землю брать въ казну, отдавая за нее вдвое и втрое хозяину, въ видѣ вознагражденія, и такъ поступала казна въ Сибири, гдѣ конечно, земля имѣла меньше цѣны, чѣмъ въ Россіи Европейской. Впрочемъ, добываніе руды, по указу 1719, было привилегіею ищущаго только относительно частныхъ землевладѣльцевъ, относительно же казны совершалось подъ тяжкими условіями, состоя подъ указами и надзоромъ Бергъ-Коллегіума,—подъ указомъ вносить въ казну $^1/_{10}$ часть всей добычи,—подъ обязанностію продавать добытое только въ казну, но назначенной ею цѣнѣ. Разныя привилегіи, о которыхъ распространяется указъ, для заводчиковъ, для рабочихъ и для неприкосновенности хозяевъ, у которыхъ указъ обѣщаетъ не отбирать заводовъ въ казну, едва ли могли возбудить къ себѣ довѣріе, во первыхъ, въ виду предполагавшагося договора съ „Компаніей Миссисипи" о пріисканіи рудъ въ Россіи, по ук. 1720 ***), но особенно въ виду указовъ о лѣсахъ, разрушавшихъ—всякое убѣжденіе въ неприкосновенности для казны частной собственности. Перейдемъ къ хозяйству въ области царства органическаго, начиная съ растительнаго.

1701, марта 30 ****), состоялось запрещеніе расчищать лѣса,

---

*) № 3464.
**) № 1579.
***) № 3701.
****) № 1845.

или обращать занятыя ими земли въ поля, если эти лѣса находятся не далѣе 30 верстъ отъ сплавной рѣки, или на тридцативерстномъ разстояніи отъ обоихъ ея береговъ. По указу отъ ноября 19, въ 1703 г. *) повелѣно описать всѣ лѣса, заповѣдавъ, или запретивъ рубку ихъ, у рѣкъ большихъ на разстояніи 50, а у малыхъ, но сплавныхъ, на разстояніи 20 верстъ, такъ же по обоимъ берегамъ, и при томъ подъ страхомъ штрафовъ и даже казней. И такъ, лѣса въ Россіи становятся extra commercium, или лучше конфискуются въ пользу казны и при томъ самые прибыльные, по удобству сбыта и сплава. И только 1705, янв. 19 **), по жалобѣ на невозможность собрать крестьянскую телѣгу, достать ось, или оглоблю, разрѣшено рубить лѣсъ не толстый, именно на оси, на оглобли, на производство телѣгъ. Всѣ остальные лѣса, или весь остальной лѣсъ въ Россіи, безъ различія принадлежности, казенный и частный, будучи объявлены заповѣдными, поступили въ управленіе Адмиралтействъ Коллегіи, и указы обезпечили ихъ неприкосновенность, даже отъ хозяина, строгими мѣрами, грозя виновнымъ пиньками, морскими кошками, шпицрутенами, кнутомъ, казнію смертію, особенно, если порубка касалась дуба для сбереженія котораго запрещено было употребленіе даже дубовыхъ гробовъ. Отсюда явленіе особыхъ указовъ о гробахъ, начиная съ 1705, янв. 14 ***), когда запрещеніе дѣлать гробы изъ дуба вызвало первое распоряженіе о дубовыхъ гробахъ, сдѣланныхъ въ прежнее время и находившихся въ продажѣ ли, или частныхъ домахъ, ожидая употребленія. По этому указу велѣно всѣ существующіе дубовые гробы у частныхъ лицъ отобрать и передать въ казну, по ихъ настоящей цѣнѣ, или правильнѣе, по ихъ прежней цѣнѣ, съ тѣмъ, что отъ казны эти гробы будутъ продаваться желающимъ вчетверо дороже противъ ихъ стоимости для казны. Для успѣха подобныхъ мѣръ, 1723, дек. 2 ****), былъ изданъ указъ Синода, вос-

*) № 1950.
**) № 2017.
***) № 2014.
****) № 4377.

прещавшій священникамъ отпѣвать и погребать тѣла, положенныя въ дубовые гробы, стало быть, даже внесенные въ церковь съ покойниками. Въ то же время, для сбереженія лѣсовъ хвойныхъ, состоялось въ 1723, февр. 6 *), воспрещеніе дѣлать гробы, выдолбленные изъ сосны, разрѣшая приготовленіе такихъ гробовъ изъ ели, березы и т. п. деревъ, или изъ сосновыхъ досокъ, какъ это вошло съ того времени въ обычай у православныхъ, тогда какъ раскольники и здѣсь и доселѣ сохраняютъ старый порядокъ, при возможности *опрятывая* своихъ покойниковъ въ выдолбленные гробы. Теперь, конечно, такое явленіе само по себѣ не представляетъ для наблюдателя никакого особаго значенія, но, вспоминая про всѣ старыя и новыя наказанія Петровскихъ указовъ, да про всѣ сухопутныя и морскія истязанія, про кнуты, морскія кошки, шпицрутены, назначавшіяся виновнымъ въ нарушеніи лѣсныхъ, или гробовыхъ указовъ времени, невольно остановишся предъ силою убѣжденія переживающаго такую силу указовъ. Разнообразныя распоряженія о лѣсахъ, доходившія до уполномочія лѣсопромышленниковъ и дровянниковъ въѣзжать въ чужія дачи компаніями человѣкъ въ двадцать и въ пятнадцать, для рубки дровъ, и для принужденія хозяевъ къ сговорливости въ цѣнѣ **), закончились учрежденіемъ, сверхъ Адмиралтействъ-коллегіи, особаго управленія по этой части русскаго сельскаго хозяйства, поручено оберъ-вальдмейстеру, съ его особою инструкціею, отъ 3 дек. 1723, по силѣ которой онъ могъ, какъ бывало въ послѣдствіи, объявить всякое поле и всякую землю способными къ насажденію лѣса и такимъ образомъ изъять ихъ изъ области частнаго права, подобно тому, какъ это дѣлалось при объявленіи поля и земли рудоносными. Что у частнаго лица оставалось неотсужденнымъ въ казну, по случаю проложенія какой нибудь перспективной дороги, то отходило въ казну по закону о заповѣ-

---

*) № 4158.
**) 1720, апр. 14, № 3570.

ныхъ лѣсахъ, или подъ предлогомъ исканія руды на его полѣ, и засажденія лѣсомъ его пастбищъ и огородовъ.

Изъ другихъ видовъ растительнаго царства вниманіе указовъ было обращено на торговыя и аптекарскія, всегда съ цѣлью выращать въ Россіи такіе злаки и растенія, которые могутъ быть вывозимы для сбыта за границу. Скажемъ при этомъ слова два о табакѣ, нѣкогда столь гонимомъ въ Европѣ, напр., законами англійской королевы Елисаветы, парижскимъ медицинскимъ факультетомъ при Людовикѣ XIV и проклятіями Папъ, въ ихъ буллахъ отъ 1684 и 1690 годовъ,—проклятіями, подобными проклятіямъ, произнесеннымъ нашимъ Патріархомъ Филаретомъ, и потому вызвавшимъ преслѣдованіе табаку со стороны русскихъ свѣтскихъ законовъ *). Петръ В. въ первомъ указѣ о табакѣ 1700, іюня 2 **), не называетъ растенія его обычнымъ именемъ, а трактуетъ о травѣ никоціанѣ, подавшей, конечно, не одному раскольнику поводъ вооружаться противъ табаку, по самому созвучію названія съ ненавистнымъ ему Никономъ и Никоніанцами. Въ этомъ указѣ дозволяется привозъ въ Россію и торгъ травою никоціаной только иностранцамъ, и притомъ въ формѣ откупа, ненавистнаго народу, и только указъ 10 окт. 1716 ***), распространяетъ право участвовать въ торгѣ табакомъ на всѣхъ желающихъ. Насчетъ аптекарскихъ растеній припомнимъ указъ 1720 ****), дѣлающій распоряженіе о разведеніи въ Астрахани аптекарскаго сада и особенно Уставъ Медицинской Канцеляріи, по силѣ котораго это государственное учрежденіе, по части народнаго здравія, обязано было хлопотать и стараться о разведеніи лекарствъ, такъ же съ цѣлію вывозить ихъ за границу и тѣмъ „царству доставлять прибыль“.

Исключительность, или привилегіи, какъ средства, и прибыль царству, какъ цѣль, служили основаніемъ для указовъ

---

*) Юрид. Сборникъ Мейера, Казань, 1855, стр. 500, примѣч.
**) № 4479.
***) № 3043.
****) № 3668.

о рыбной ловлѣ и скотоводствѣ, или о добывающей промышленности въ царствѣ животномъ. Такъ, по указамъ 1704, января 6 *), и 1705, янв. 1 **), рыбныя ловли въ русскихъ рѣкахъ отдаются на откупъ, а по указу 1704, августа 13***), въ моряхъ, напр., въ Бѣломъ морѣ, въ исключительное пользованіе компаніи, составившейся изъ Меньшикова, Шафирова и другихъ подобныхъ оффиціальныхъ лицъ, съ поясненіемъ, „чтобы тѣмъ никто другой не промышлялъ", — съ поясненіемъ для того времени весьма нужнымъ, потому что въ прежніе вѣка морская рыбная ловля была открыта для всѣхъ вольныхъ людей. Въ 1721 г., указомъ отъ 30 окт.,****) вмѣсто Меншикова, Шафирова и К°, бѣломорскіе ловы рыбные и китовые передаются гостинной сотни Матвѣю Евреинову съ дѣтьми, на 30 лѣтъ, конечно, съ исключительнымъ правомъ производства, но исключительнымъ только относительно русскихъ людей, потому что уже 9 мая 1723 †) разрѣшалось иностранцамъ пріѣзжать сперва къ Кольскому острову, для рыбнаго промысла, хотя съ собственною ихъ солью, а ноября, 8 того же года†*) всѣ китовые ловы у Архангельска были открыты для всѣхъ иностранцевъ, которые прибудутъ туда съ собственными капиталами. И, кажется, съ этого времени должно начинать исторію упадка нашего мурманскаго берега и частію всего сѣвернаго поморья.

Переходимъ къ мѣрамъ разведенія улучшенныхъ домашнихъ животныхъ, начиная съ породистыхъ лошадей, которыхъ разведенію полагалось начало коннымъ заводамъ, въ томъ же указѣ †**) и въ той же Астрахани, гдѣ учреждался аптекарскій садъ, по причинѣ желанія размножить въ Россіи персидскихъ породистыхъ лошадей. Но особеное вни-

*) № 1956.
**) № 2007.
***) № 1988.
****) № 3841.
†) № 4217.
†*) № 4349.
†**) № 3668.

маніе царя Петра было обращено на разведеніе въ Россіи тонкорунныхъ овецъ, для выдѣлки суконъ—столь важнаго матеріала въ армейскомъ хозяйствѣ. По указу 1722, мая 11 *), повелѣно, выписавъ изъ за границы нѣсколько головъ шленскихъ овецъ, раздать ихъ подъ надзоръ, и для ухода многовотчиннымъ помѣщикамъ, по желанію, или даже противъ воли, а указомъ 1724, февр. 5 **), предписано отправить въ Силезію Майора Кологривова съ нѣсколькими другими дворянами, для изученія овцеводства на мѣстѣ. Очевидно, что образовавшіеся въ Россіи до этого изученія овчарные заводы могли, а частію, при насильственномъ устройствѣ, должны были оказаться неудачными, а между тѣмъ манифестомъ того же 1724, іюня 15 ***), объявляются виновными и законно-казненными нѣкоторые малороссійскіе начальные люди, напр., Полуботокъ, Савичъ, частію потому что не радѣли о шленскихъ овцахъ, и тѣмъ показали нерадѣніе объ отечествѣ. Такъ, возводя, народное хозяйство въ государственный интересъ и дѣлая изъ него вопросъ государственнаго права, логически или послѣдовательно разсуждая, указы должны были завершаться не только отрицаніемъ частной собственности и личной свободы, но штрафами, наказаніями и даже смертною казнію. Ясно, что мы заимствовали при Петрѣ В. не начала, а учрежденія и не съ цѣлію изучить то—другое дѣло, а исполнить его по приказу вальдмейстера, овчара и другихъ лицъ, снабженныхъ оффиціальною властію. И конечно, это не было только администраціею, а крѣпостною работою народа, наравнѣ съ канальнымъ „дѣломъ т. е. съ устройствомъ каналовъ“.

2) Промышленность обрабатывающая представляется въ двухъ, или даже въ трехъ формахъ и видахъ, а именно: въ видѣ ремеслъ, ручной обработки,—въ видѣ завода и въ видѣ фабрики, или мануфактуры, дѣйствующихъ посредствомъ машинъ. По указамъ Петра В. вся эта дѣятельность смыка-

*) № 4002.
**) № 4459.
***) № 4532.

лась въ понятіи городской промышленности, вызвавшей особое городское управленіе, по дѣлу ремеслъ, въ отличіе отъ другаго особаго городскаго управленія, по торговлѣ, по гильдіямъ,—особыя управленія въ противоположность устройству общаго управленія, по городамъ что касается до общаго городскаго управленія, то мысль о немъ издавна заботила Петра В., который еще въ 1699 г. предлагалъ русскому купечеству, буде оно пожелаетъ платить, казнѣ двойные поборы, съ него слѣдовавшіе, вѣдаться въ своей особой Бурмистерской палатѣ, а затѣмъ, недождавшись возраженій, согласія, или несогласія купечества подвергъ его двойнымъ поборамъ и подчинилъ Бурмистерской Палатѣ. На мѣсто Бурмистерскихъ Палатъ впослѣдствіи были учреждены ратуши, по городамъ, а наконецъ Магистраты, дѣйствовавшіе подъ водительствомъ и контролемъ главнаго Министерства въ Петербургѣ, съ его Оберъ-Президентомъ всѣхъ магистратовъ, К. Трубецкимъ, который, конечно засѣдалъ тутъ не для наблюденія за пользами городскаго населенія. По акту 1699, избиравшіеся отъ купечества предсѣдатели Бурмистерской Палаты отвѣчали предъ казною двойнымъ взносомъ всякаго недобора съ своего города, изъ собственныхъ средствъ, обезпечивая эту отвѣтственность всѣмъ своимъ состояніемъ, равно какъ состояніемъ своего семейства и своею личною свободой, равно какъ личностію членовъ своей семьи. Это начало проводится и въ послѣдующихъ городскихъ учрежденіяхъ, по купеческому управленію. По акту Регламента Главнаго Магистрата, согласно VI его главѣ, въ большихъ городахъ должны быть магистраты, а въ малыхъ ратуши,—магистраты и ратуши, состоявшіе изъ выборныхъ отъ гостей, отъ купцовъ гостинной сотни и ихъ дѣтей. Важнѣйшіе, или лучшіе изъ городскихъ выборныхъ, предъ вступленіемъ въ должность, должны были являться въ Петербургъ, для утвержденія въ званіи со стороны Главнаго Магистрата. Понятно, что, при громадности разстояній, да при дурныхъ сообщеніяхъ того времени, такая явка была тяжкою обязанностію, но избѣжать ея было невозможно, при системѣ полнаго недовѣрія къ выборному началу. Подъ вліяніемъ этого

общаго въ городѣ управленія состояли гильдіи, для особаго управленія по дѣламъ купечества, и цехи, для особаго управленія по дѣламъ ремеслъ, съ которыхъ начинаемъ свое изложеніе.

Подобно земледѣлію, полеводству и т. д., ремесла нѣкогда составляли занятіе и промыселъ всего народа, который изстари любилъ ихъ и распространилъ по всей своей землѣ, по селамъ, деревнямъ и городамъ, сообразно мѣстнымъ нуждамъ и потребностямъ. По требованію самаго климата, заставлявшаго народъ прекращать полевыя работы на 8, или на 9 мѣсяцевъ, всѣ занимались ремеслами, дорожа самостоятельнымъ хозяйствомъ у себя дома, среди своей семьи,—избѣгая зависимаго положенія рабочаго на заводѣ или на фабрикѣ, особенно, если у кого было досужество и скоплялся какой-нибудь капиталъ. Занимаясь ремеслами въ розницу по заказу, и оптомъ, въ ожиданіи ярмарки, или пріѣзда скупавшихъ произведенія купцовъ, откуда объясняется происхожденіе въ Россіи многихъ деревень и селъ, издавна извѣстныхъ производствомъ разныхъ ремеслъ. Петръ В. сосредоточиваетъ ремесла въ городахъ, объявляя ремесленный промыселъ, привилегію города, а въ городѣ—привилегіею цеха, въ цехѣ же—привилегіею альдермана (въ противность идеѣ русской артели, гдѣ прежде всего свобода), какъ то явно вытекаетъ изъ распоряженій VII гл. Регламента главнаго Магистрата и изъ указовъ о цехахъ. Каждое ремесло, по этимъ актамъ, должно имѣть въ городѣ цунфты, съ альдерманами, книгами, регулами. Всѣхъ ремесленныхъ, или ремесленниковъ писать, впрочемъ по желанію, въ цехи вѣчно или временно, изъ русскихъ людей и изъ иноземцевъ, изъ свободныхъ и даже изъ помѣщичьихъ, подъ условіемъ отпускныхъ писемъ, или удостовѣреній о согласіи помѣщиковъ, заявленномъ законно и формально. Записка въ цехъ совершалась тѣмъ, что желавшій заниматься ремесломъ являлся къ альдерману и вносилъ въ книгу свое имя. Такъ образовались мастера стоявшіе во главѣ извѣстнаго производства и получавшіе слѣдующія преимущества: они одни могли учить мастерству, содержать учениковъ, образуя изъ нихъ своихъ

подмастерьевъ и съ помощью тѣхъ и другихъ производить продукты, допускаемые къ продажѣ. Только мастера могли налагать на продукты свои клейма, а безъ клеймъ не могли продукты быть въ продажѣ, иначе подвергались закону, по которому все неклейменое должно быть сломано, распоро-то, изрѣзано, изрубленно и т. д. Очевидно, что выраженіе указовъ: писать въ цехи, по желанію, на дѣлѣ обращалось въ рѣшительное принужденіе и ремесло становилось монополіею мастеровъ, какъ то явно утверждаютъ указы, хотя опять, на дѣлѣ, ремесло было монополіею альдермана. И вотъ почему, мастера, имѣвшіе право налагать клейма на свои издѣлія, обязаны были предварительно представлять эти издѣлія альдерману, который также клеймилъ ихъ своимъ клеймомъ, а безъ этого клейма даже издѣлія мастеровъ подвергались на рынкѣ, въ лавкѣ, или въ продажѣ уничтоженію. Такъ привилегія городовъ перешла въ руки альдермановъ, болѣе или менѣе безотвѣтственныхъ распорядителей судьбы и ремесленниковъ ремеслъ. Тѣмъ, болѣе, что, хотя по закону мастера имѣли право держать учениковъ, которые раньше семилѣтняго ученья не могли оставить мастера, но всѣ отношенія между мастерами и учениками, равно какъ между мастерами и закащиками, или публикою, рѣшались альдерманомъ безапелляціонно. Это—нѣчто въ родѣ помѣщика, среди ремесленниковъ, или хозяина, среди рабочихъ. Поэтому думаемъ, что цехи Петра В. только стѣснили ремесленное производство, втискавъ его въ стѣны, или правильнѣе, во рвы города и едвали много содѣйствовали качественному развитію ремеслъ, которое со всѣмъ успѣхомъ могло развиваться путемъ древнихъ артелей. Извѣстія, подобныя, напр. сообщаемому Бергманомъ о томъ, что когда-то царь повелѣлъ собрать въ Россіи до 315 молодыхъ людей, для обученія ихъ кузнечному мастерству, немного говорятъ въ пользу развитія да и относятся, очевидно, къ военному наряду *). Между тѣмъ ремесла служатъ условіемъ

*) Бергманъ III, 224—25.

для развитія заводовъ и фабрикъ, о которыхъ такъ много издано постановленій, касательно управленія и дѣятельности, изложенныхъ нами въ прежнемъ сочиненіи *). Предполагая извѣстнымъ это изложеніе, мы займемся здѣсь двумя-тремя общими вопросами о свойствѣ и результатѣ регламентаціи по этой части, опираясь на примѣры, существовавшихъ тогда фабрикъ. И прежде всего уяснимъ различіе между заводомъ, извѣстнымъ въ Россіи съ давнихъ временъ и фабрикою, появляющеюся въ ней съ Петра В. Заводъ и фабрика имѣютъ между собою то общаго, что отличаетъ ихъ отъ ремесла, а именно: машины, приводимыя въ движеніе преимущественно силами стихій, воздуха, воды, паровъ и т. п. Различаются же заводъ и фабрика не только названіемъ, но частію существомъ, потому что заводъ предполагаетъ матеріалъ для обработки отечественный, даже мѣстный, относительно завода, а фабрика ищетъ и беретъ свой матеріалъ отовсюду и преимущественно на первыхъ порахъ своего появленія въ странѣ изъ за границы. Такъ, руды и металлы въ Нерчинскѣ, Олонцѣ, Тулѣ даютъ основаніе для заводовъ чугунныхъ, литейныхъ, ружейныхъ,—соль, въ озерахъ, фарфоровая и простая глина извѣстной мѣстности вызываютъ заводы солеваренные, фарфоровыхъ издѣлій, кирпичные, тогда какъ ячмень, рожь, свекловица служатъ матеріаломъ и поводомъ къ дѣйствію, вблизи ихъ добыванія, заводовъ пивоваренныхъ, винокуренныхъ, свеклосахарныхъ и т. д. и т. д. Напротивъ, матеріалъ для фабрикъ шелковыхъ, бумажныхъ, даже первоначально суконныхъ, а особенно парчевыхъ, должно было Россіи пріобрѣтать за границею, вывозить изъ-за границы, размѣщая производство или фабрики въ мѣстахъ болѣе удобныхъ для торговли заграничной, напр., въ столицахъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Отсюда вытекали новыя точки различенія между заводомъ и фабрикою, потому что какъ хозяева такъ и рабочіе на заводѣ не походятъ на хозяевъ и рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ, равно какъ тамъ и здѣсь требуются и разные капиталы и разныя свѣдѣнія. Весьма есте-

*) Рус. Народъ и Госуд., 374—79.

ственно, что сосѣдніе съ заводомъ крестьяне составляютъ среду, изъ которой набираются заводскіе рабочіе, съ дѣтства привыкающіе обращаться съ предметомъ обработки и даже съ работами на заводахъ и охотно посвящающіе этимъ работамъ все долгое время, остающееся у нихъ празднымъ послѣ полевыхъ трудовъ. Но также естественно, что хозяевами заводовъ обыкновенно бывали мѣстные землевладѣльцы, казенныя управленія, или вотчиники и помѣщики, которые не могли слишкомъ стѣснять положеніе своихъ рабочихъ крестьянъ, зависѣвшихъ, конечно, отъ платы за работу на заводѣ, но невполнѣ и не всецѣло, опираясь на свое крестьянское хозяйство. Отношенія между такими хозяевами завода и рабочими должны были опредѣляться договорами, взаимными соглашеніями, условіями и судомъ. Совершенно другой образъ предоставляли введенныя Петромъ В. фабрики, или мануфактуры, для которыхъ матеріалъ выписывался изъ-за границы,—мѣстоположеніе установлялось произвольное, по столицамъ, а рабочіе должны были набиратся по всей Россіи, или изо всей Россіи; сходясь отовсюду на фабрикѣ и скучиваясь тутъ, безъ всякой связи между собою, вдали отъ своей земли, своего села и своей семьи и безъ всякой другой поддержки въ другихъ промыслахъ, такъ что они уже вполнѣ и всецѣло зависѣли отъ хозяина, капиталиста, не имѣвшаго съ ними ничего общаго. Понятно, что этими рабочими не охотно становились наши крестьяне, а ставши ими, не охотно повиновались такимъ хозяевамъ. И должно было для фабрикъ создать особый классъ крестьянъ и крѣпостныхъ, на поссессіонномъ и на крѣпостномъ правѣ, а не на взаимномъ договорѣ. Прибавимъ наконецъ, что для дѣйствія первыхъ нашихъ фабрикъ у насъ не было нистолько и такихъ познаній, сколько было нужно, ни столько и такихъ свободныхъ капиталовъ, сколько требовалось и пришлось вмѣстѣ съ матеріаломъ выписывать и вызывать изъ за границы самихъ фабрикантовъ, разумѣется обѣщая, сообщая и закономъ обезпечивая имъ возможныя льготы, преимущества, исключительныя привилегіи, монополіи, особенно же право собственности въ рабочихъ. Вотъ общій

смыслъ указовъ Петра В. о фабрикахъ и общее содержажаніе Регламента Мануфактуръ-коллегіи, о чемъ подробно говорили мы въ указанномъ мѣстѣ, такъ что здѣсь для ясности общихъ положеній позволимъ себѣ только вкратцѣ повторить главнѣйшія распоряженія Регламента Мануфактуръ-Коллегіи.

По Регламенту, всякій могъ завести фабрику, давая знать о томъ Мануфактуръ-Коллегіи, которая, съ своей стороны, была обязана „смотрѣть о пожиткахъ", т. е. о состоятельности предпринимателя,—снабдить «привилегіею», или узаконить его монополію, остерегаясь открытіемъ новыхъ фабрикъ дѣлать подрывъ преждеустроеннымъ. Впрочемъ, при недостаткѣ средствъ у предпринимателя, казна дѣлала ему денежныя вспоможенія и особенно щедро надѣляла льготами отъ пошлинъ. Первые заводчики, т. е. открывшіе фабричное производство, дотолѣ неизвѣстное въ Россіи, пользовались привилегіями особаго рода, по которымъ не токмо сами лично, но и мастера ихъ даже рабочіе освобождались отъ всѣхъ службъ, повинностей и пошлинъ. Отсюда общее стремленіе къ открытію фабрикъ, все болѣе новыхъ, болѣе рѣдкихъ, болѣе куріозныхъ; отсюда же бѣгство разныхъ лицъ, особенно крестьянъ на фабрики, въ рабочіе и притомъ съ лишеніемъ вотчинника и помѣщика права требовать этихъ бѣглыхъ крестьянъ своихъ обратно. Далѣе Регламентъ разрѣшаетъ фабрикантамъ выписывать иностранныхъ мастеровъ на-счетъ казны,—воспрещаетъ рабочимъ переходить съ одной фабрики на другую, а наконецъ дозволяетъ хозяевамъ пріобрѣтать крестьянъ рабочихъ въ собственность, со всѣми правами помѣщиковъ надъ этими новаго рода крѣпостными. Все это тѣмъ удобнѣе было совершить, что первоначально фабрики были или вполнѣ казенными, или учреждались на казенныя средства, или русская казна и русская администрація легко обращали своихъ рабочихъ въ крѣпостныхъ, а потомъ пріучивъ ихъ къ подчиненію и, такъ сказать, приручивъ, естественно, передавали свои права на рабочихъ тѣмъ частнымъ хозяевамъ, которымъ уступали свои фабрики и заводы, что видѣли мы выше въ исторіи зырянскихъ со-

ляныхъ заводовъ, отданныхъ Григорію Строгонову съ крестьянами. Такъ фабриканты становятся людьми оффиціальными, по оффиціальной своей дѣятельности и входятъ въ классъ лицъ привилегированныхъ, подобно вотчиникамъ, дворянамъ, шляхтичамъ, часто оставаясь иноземными подданными, не имѣвшими ничего общаго съ рабочимъ русскимъ людомъ.

Заимствуемъ изъ указовъ нѣсколько примѣровъ, для болѣе опредѣленнаго понятія о фабрикахъ и ихъ состояніи во время Петра В. По указу 1715, янв. 9, *) было предписано передать казенныя суконныя фабрики купецкимъ людямъ, согласно ихъ желанію и просьбѣ, а въ указѣ 1720, февр. 17, **) объяснены правила такой передачи. Здѣсь повелѣно московскую суконную фабрику передать частной компаніи, состоявшей изъ купца Щеголина, изъ москвитянина гостиной сотни Култопина, изъ купцовъ Болотина, Пушникова и другихъ. Компанія обязуется „умножать заводъ“ и довести его до такого состоянія, дабы впредь можно было запретить ввозъ суконъ изъ-за границы, но уже до того здѣсь запрещается вывозъ шерсти изъ Россіи, слѣдовательно установляется, хоть съ одной стороны, важная для компаніи монополія. Далѣе компанія получаетъ право вызывать мастеровъ изъ-за границы, конечно, съ обязанностію, тщетно повторяемою въ указахъ времени, чтобы эти мастера русскихъ учениковъ учили своему мастерству. Для обезпеченія сбыта русскихъ суконъ, указъ отъ 13 янв. 1724 ***) повелѣваетъ снабжать войско сукнами исключительно русскихъ фабрикъ, по подрядамъ, которые должны совершаться въ Камеръ-Коллегіи, а не въ полкахъ, для легчайшаго надзора за ихъ правильностію. Само собою понимается, что сверхъ всего этого, суконныя фабрики пользовались всѣми другими льготами, обѣщанными въ Регламентѣ Мануфактуръ-Коллегіи.

Тѣ же средства употреблены были для развитія писчебу-

---

*) № 2875.

**) № 3562.

***) № 4408.

мажнаго дѣла, напр. запрещеніе вывоза бумаги изъ-за границы, снабженіе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ бумагою русскаго производства, и весьма легко теперь наглядно убѣдиться въ состояніи этого производства во времена Петра В., по документамъ той эпохи. Мы отмѣтимъ здѣсь только указъ 1720, Апр. 13 *) для показанія процесса, которымъ дѣло начинала казна своими средствами, при дѣйствіи своихъ административныхъ лицъ и учрежденій. „Понеже, говоритъ указъ, бумажная мельница, въ Петербургѣ, приходитъ къ окончанію, а на дѣло матеріаловъ, т. е. тряпья еще нѣтъ, то повелѣвается приносить тряпье въ Канцелярію Оберъ-Полиціймейстера, гдѣ будетъ за то уплата производиться изъ суммъ кабинета Государя.“ Итакъ, сначала строится зданіе фабрики, — затѣмъ пріискивается матеріалъ и потомъ рабочіе, можетъ быть, далѣе мастера и знающіе люди — иноземцы.

Болѣе подробны распоряженія указовъ о шелковыхъ и парчевыхъ фабрикахъ, которыя по указу 1721, Марта 14 **) сообщаютъ хозяевамъ свободу отъ службъ и отъ платежа въ казну пошлинъ. Для поясненія важности этой послѣдней льготы, должно припомнить, что неосвобожденныя отъ пошлинъ заведенія, платили въ казну $^1/_{10}$ часть всей валовой выручки, такъ что одна эта льгота могла обогатить хозяевъ привилегированной фабрики. Въ это время изъ шелковыхъ парчевыхъ фабрикъ особенною извѣстностію пользовались фабрики Шафирова и Толстаго, получившихъ по указу 1717, Іюня 8, ***) исключительное право на это производство и даровые дворы, т. е. цѣлыя поселенія крестьянъ-рабочихъ. Прибавимъ, что 50 лѣтъ было обыкновеннымъ срокомъ, на который привилегіи выдавались. Итакъ вообще монополія производства,—запрещеніе ввоза фабрикатовъ изъ-за границы, запрещеніе вывоза матеріала изъ Россіи, обезпеченіе состоятельности казенными капиталами, да крѣпостною работою,

*) № 3569.

**) № 3758.

***) № 3089.

въ формѣ даровыхъ дворовъ, — снабженіе казенныхъ учрежденій продуктами исключительно русскаго издѣлія, да привилегированное положеніе хозяевъ, — вотъ что называлось средствомъ къ развитію русской обработывающей промышленности, тогда какъ естественное, необходимое условіе развитія ученье, наученье и образованіе остается на второмъ планѣ, и, по свидѣтельству указовъ Петра В., неисполнимымъ. Иноземцы хорошо знали свой интересъ и ничему русскихъ не учили. Намъ приходилось заимствовать не начала, правила, знанія, а результаты, добытые изъ нихъ иноземцами и покупать эти результаты дорого и вѣчно, все болѣе и болѣе бѣднѣя отъ такого богатства.

3. Указы Петра В. о торговѣ такъ многочисленны и на первый взглядъ, при чтеніи въ хронологическомъ порядкѣ, такъ разнообразны, что только послѣ тщательнаго изученія открываемъ связь между ними; за то эта связь поражаетъ изучающаго указы, представляя собою цѣлую систему, положительно рѣшающую слѣдующіе вопросы: 1, объ администраціи, по части торговли, — 2, о томъ, чего отъ торговли указы требовали, — 3, объ ея казенномъ характерѣ, — 4, о направленіи къ западу, — 5, о стремленіи обогащать казну деньгами, — 6, о происхожденіи изо всего этого зависимости Россіи отъ Запада и 7, объ усиленіи въ Россіи недоимокъ и недоборовъ, какъ признакъ общаго обѣдненія страны. Въ управленіи дѣломъ торговли въ Россіи главное мѣсто, какъ почти во всемъ, занималъ Сенатъ, какъ это между прочимъ видно изъ указа 1723, *) въ силу котораго, для обозрѣнія губерніи въ этомъ отношеніи, былъ отправленъ одинъ Сенаторъ съ членомъ Коммерцъ-Коллегіи, — другаго высшаго спеціальнаго учрежденія по торговой администраціи, обязаннаго, по указу 1723, Ноября 3, **) „тщатися, чтобъ болѣе наши товары на деньги продавать, — умножать свою коммерцію на своихъ корабляхъ, — у Архан-

*) № 4348.
**) № 4453.

гельска китовые ловы производить компаніями, но безъ лишняго эхо, — кто что придумаетъ къ умноженію доходовъ, присуждать тому 1/43 или 1/3 какъ изобрѣтателю и т. п. Для полнаго установленія вѣдомства Коммерцъ-Коллегіи ей былъ данъ особый Регламентъ 31 Янв. 1724 *). Послѣ того слѣдуетъ Главный Магистратъ, дѣйствовавшій по Регламенту 1721, Янв. 16, особенно съ цѣлію „собрать разсыпанную храмину", т. е. забрать города, городскихъ жителей и дѣла торговли въ руки своего Оберъ-Президента Кн. Трубецкаго, такъ что даже выборные по городамъ члены мѣстныхъ магистратовъ и ратушъ должны были получать свое утвержденіе лично въ Петербургѣ отъ этого Главнаго Магистрата, или его Оберъ-Президента. Что до мѣстнаго, городскаго управленія, ввѣреннаго магистратамъ и ратушамъ, то, по ихъ инструкціи отъ 1724, **) они состоя изъ Президента, двухъ бурмистровъ и четырехъ ратмановъ, съ секретаремъ и канцелярскими служителями, подчинялись указамъ Главнаго Магистрата, и должны были: 1, давать судъ безволокитный, по уложенію и указамъ, — 2, возвращать въ посадскіе, или городскіе жители всѣхъ, кто бы когда ни вышелъ изъ городскаго званія въ разные чины, въ крестьяне, въ закладчики, якобы за долги, — 3, вести всему населенію переписи, равно какъ вѣдомости объ умершихъ родившихся, — 4, собирать съ горожанъ подати,—5, учреждать опеки надъ малолѣтними, вмѣсто старинныхъ душеприкащиковъ,— 6, вѣдать школы при церквахъ, равно какъ бѣдныхъ, гулящихъ, и дѣла о паспортахъ, — 7, размножать промыслы,—8, дѣйствуя, при посредствѣ гильдій, гильдейскихъ старшинъ и старостъ, избираемыхъ, какъ всѣ служившіе по выборамъ, погодно, т. е. на одинъ годъ, преимущественно для обложенія жителей города податями, а потому именовавшихся „окладчиками". Мы уже знаемъ, какой отвѣтственности подвергались выборные городскіе чины за всякій недоборъ, и теперь скажемъ только, что эта отвѣтственность не была

---

*) № 3708.
**) № 4624.

мертвою буквою, а ложилась тяжелымъ гнетомъ на неисправныхъ, по бѣдности, плательщиковъ. Мѣра отвѣтственности старшинъ предъ правительствомъ опредѣляла степень зависимости отъ нихъ всего низшаго населенія города, тѣмъ болѣе, что все это подкрѣплялось, надзоромъ какъ со стороны извѣстнаго Оберъ-Фискала, такъ особенно Оберъ-Инспекторовъ коммерціи, по указу 1722, Янв. 19, *) и разныхъ фискаловъ, надзиравшихъ за сборами, начиная съ указа 1711. Недаромъ посадскіе, городскіе жители уходили въ разные чины, въ крестьяне и въ закладчики, *якобы за долги.* Существо администраціи и торговой регламентаціи еще яснѣе высказывается въ разнообразныхъ, отдѣльныхъ учрежденіяхъ, подобныхъ, напр. Ижерской Канцеляріи, существовавшей для „сбора съ бань, по данному уставу", при чемъ указъ 1720, Марта 3, **) формально воспрещаетъ подлымъ, т. е. небогатымъ, бань въ Петербургѣ не держать." Къ этимъ же учрежденіямъ должно отнести Семеновскую Канцелярію, для мельничнаго сбора, — Ингерманландскую, для сбора съ рыбныхъ ловель и другія, дѣйствовавшія, говорятъ указы, „по банному уставу. ***)"

Торговля, какъ всякая промышленная дѣятельность времени, служила только казнѣ для сборовъ, и Петръ В. еще 1700, Іюня 2 ****) изъ всего Новоторговаго Устава Царя Алексѣя Михайловича, подтвердилъ одно его положеніе: „въ Архангельскѣ съ иноземцевъ пошлину собирать ефимками и золотыми угорскими, по опредѣленной въ Уставѣ цѣнѣ," или стоимости, полагая ефимокъ въ полтину, а золотой въ рубль. Актъ этотъ ясно доказываетъ, что еще 1700 г. нашъ рубль содержалъ $13^5/_7$ золотника и что только послѣдующими распоряженіями Петра В. былъ доведенъ до вѣсу въ 5 золотниковъ съ долями. 13 февраля того же года введено клейменіе серебряныхъ и золотыхъ издѣлій въ Россіи, съ

*) № 3886.
**) № 3536.
***) Бергеманъ, II, 91 и слѣд.
****) № 1795.

приказаніемъ торговать ими только въ одномъ „серебряномъ ряду,“ подъ надзоромъ старшины этого ряда; Апрѣля же 23, въ 1711, *) учреждена особая Купецкая Палата съ исключительнымъ правомъ покупать золото и серебро, и притомъ по указной цѣнѣ, равно какъ мѣнять деньги въ Москвѣ, Нижнемъ и въ Архангельскѣ, состоя изъ „двухъ купчинъ и одного гостя“, и руководствуясь, въ оцѣнкѣ дорогихъ металловъ, указомъ отъ 12 Іюня того же года **). Понятно, послѣ такой заботливости о золотѣ и серебрѣ, повелѣніе 1719, Окт. 29, ***) осматривать ѣдущихъ за границу торговыхъ людей, разумѣется, безъ различія — будутъ то русскіе, или иноземцы, для предупрежденія вывоза изъ Россіи золота и серебра, которыя нужны были во что бы то ни стало казнѣ и правительству.

Понятно, что нашей торговлѣ сообщается значеніе государственнаго дѣла и особенный видъ — торговли иноземной, только не въ старинномъ направленіи къ востоку, куда постоянно стремился нашъ торговый людъ, а къ западу, и тутъ не въ древней формѣ совмѣстнаго народнаго движенія, сосредоточеннаго въ одномъ пограничномъ пунктѣ, ****) а въ новомъ образѣ торговли казенной, казною. Восточная торговля такъ мало занимала русское правительство, что оно не обращало вниманія на заявленія, напр. объ открытіи новаго, лучшаго, удобнѣйшаго пути въ Китай, и хлопотало о сосредоточеніи иноземной торговли въ Петербургѣ, соединяя каналами внутренніе центры съ Петербургомъ, даже формально воспрещая возить въ Архангельскъ отпускные товары въ прежнемъ размѣрѣ. Сказавъ сейчасъ о торговлѣ иноземной въ старинной формѣ, я упомянулъ о совмѣстномъ народномъ торговомъ движеніи, и, сверхъ ссылки на свое прежнее сочиненіе, считаю необходимымъ скасать здѣсь же нѣсколько словъ въ поясненіе этой формы. Начиная съ ак-

---

*) №№ 2351, 2357 и друг.

**) № 2371.

***) № 3441.

****) Рус. народъ и Госуд. стр. 394, 395 — 397.

та XII в. объ Иванскомъ торгѣ, при содѣйствіи его пошлыхъ купцовъ и особой торговой коллегіи, въ Новгородѣ, для продажи за границу воску, переходя затѣмъ къ извѣстной просьбѣ Псковичей, домогавшихся въ XVII стол. права вести торговлю способомъ, весьма похожимъ на описанный въ упомянутомъ актѣ XII стол. и, наконецъ, соображая духъ и смыслъ Новоторговаго Устава Царя Алексѣя, установившаго извѣстные пункты, на окраинахъ Россіи для внѣшней торговли и передавшаго торговлю въ этихъ пунктахъ, или городахъ, ихъ купцамъ: нельзя не видѣть, что встарину, наши предки дѣйствовали, въ сношеніяхъ съ иноземцами, не разрозненными силами и средствами отдѣльныхъ своихъ купцовъ, а товариществомъ, такъ сказать, всероссійскимъ, стягивавшимъ, напр. воскъ въ Новгородъ въ руки пошлыхъ купцовъ, — ленъ во Псковъ, въ руки также наиболѣе богатыхъ его гостей. И такимъ образомъ противополагавшимъ силѣ иноземной Ганзы, или компаніи свое сосредоточенное могущество ума и капитала. И не могли въ то время иноземцы — ни основать въ Россіи факторій, столь разрушительно дѣйствовавшихъ, напр., въ Индіи на туземную промышленность, ни содѣлать наше производство и нашу торговлю зависимыми отъ ихъ иноземныхъ капиталовъ и разсчетовъ.

И Петръ В. сосредоточиваетъ торговлю русскую въ однѣхъ рукахъ, но казны, и въ одномъ пунктѣ, но въ Петербургѣ, — въ рукахъ и пунктѣ не промышленно-народныхъ. Такъ еще февр. 7, въ 1704, *) подъ смертною казнью запретилъ онъ частнымъ людямъ торговать ревенемъ, съ порученіемъ надзора за исполненіемъ запрещенія Ларіону Сенявину, получившему тутъ же, какъ бы въ задатокъ, 200 ведеръ вина, конечно, хлѣбнаго, чтобы „видя надъ собой царскую милость, казнѣ учинилъ прибыль". По указу 1707, Іюля 25, **) подъ страхомъ пени и штрафа, запрещенъ вольный торгъ дегтемъ, коломазью, мѣломъ и т. п. и повелѣно

*) № 1967.
**) № 2153.

всѣ эти продукты передавать въ казну. 1713, февр. 17, *) одна казна уполномочивается на то, чтобы торговать щетиною, а 1716, Дек. 22, **) предписано продать въ казну 100,000 пудовъ юфти для того, чтобы казна могла пріобрѣсти векселя на иностранцевъ, слѣд. юфть шла въ казну по ея оцѣнкѣ. Понятно, послѣ этого, изданіе такихъ указовъ, каковъ, напр. указъ 1718, янв. 15, ***) по которому производители въ Россіи были обязаны дѣлать юфть новую, не съ дегтемъ, а съ саломъ, а жители, подъ страхомъ ссылки, дѣлать и носить обувь изъ прежней юфти. Сюда же должно отнести указъ 1715, окт. 21 ****), о томъ, чтобы полотно дѣлать по европейскимъ правиламъ, шириною въ 1½ аршина съ ¼, съ порученіемъ надзора за этимъ производствомъ иноземцу Тамесу, по указу 1720, марта 10, †) равно какъ и указъ 1721, іюня 18, †*) воспретившій вывозъ за границу нашей стамеди, коломенки, полуколоменки и т. п. Припомнимъ при этомъ указы 1714, дек. 29 †**) и 1715, сент. 1, †*** запрещавшее подъ страхомъ каторги, продавать и дѣлать русскія платья и русскую обувь, по прежнимъ обычаямъ, да не забудемъ указа 1718, отъ 14 февр., †****) о томъ чтобы чулки продавать только въ Петербургѣ, въ Москвѣ же торговать этимъ товаромъ одному иностранцу Мавріону, за чѣмъ смотрѣть фискалу зорко.

Указъ о чулкахъ не былъ только предпочтеніемъ Петербурга передъ Москвой, въ этомъ одномъ отношеніи, но выраженіемъ стремленія правительства къ созданію въ Петербургѣ новаго исключительнаго пункта русской торговли съ иноземцами. Мы уже видѣли, что по указамъ того времени,

---

*) № 2666.
**) № 3056.
***) № 3141.
****) № 2943.
†) № 3543.
†*) № 3795.
†**) № 2874.
†***) № 2929.
†****) № 3163.

напр. по указу 1721, Дек. 2, *) или по указу 1722, апр. 4, **) было предписываемо возить товары для заграничнаго отпуска только въ порты, соединенными съ этими портами рѣками и каналами, а не сухопутными сообщеніями, изъ чего уже выходило само собою требованіе везти отпускные товары болѣе въ Петербургъ, чѣмъ въ Архангельскъ, тѣмъ болѣе, что еще нѣсколько раньше указами 1713, окт. 31 ***) и ноября 11, ****) формально повелѣвалось везти пеньку и юфть „не въ Архангельскъ, а въ Петербургъ". Но вѣроятно, указы были обходимы, подъ тѣми, или другими предлогами, давая поводъ къ толкованію, напр. въ случаѣ подвоза товаровъ къ Архангельску путемъ зимнимъ, а потому указъ 1716, декабря 12, †) прибѣгнулъ къ числовому способу опредѣленія своихъ положеній, повелѣвъ шестую часть всего русскаго отпуска за границу непремѣнно отправлять чрезъ Петербургъ, гдѣ особенно сподручно было дѣйствовать Г. „Оберъ-Комисару, для торговли государственными товарами", согласно его назначенію, по указу 1713, Мая 22 †*).

Но въ Петербургѣ было такъ удобно селиться, дѣйствовать и усиливаться иноземнымъ купцамъ, особенно коммиссіонерамъ богатыхъ заграничныхъ фирмъ и домовъ, а на конецъ ихъ конторамъ и факторіямъ, съ прикащиками, могшими разъѣзжать по Россіи, и на мѣстѣ, иногда, въ ту другую лихую для русскихъ производителей годину неурожаевъ, или гнетущихъ недоимокъ за безцѣнокъ покупать и скупать продукты и товары. Зависимость русской торговли не была облегчаема и не могла быть устраняема казною, которая сама была въ зависимости отъ обстоятельствъ и состоянія внѣшнихъ политическихъ событій и постоянно терпѣла нужду въ деньгахъ, какъ въ артеріи войны. Недаромъ, со временъ

*) № 3800.
**) № 3930.
***) № 2732.
****) № 2737.
†) № 3051.
†*) № 2681.

Петра В., старинный способъ сбора податей и пошлинъ самимъ народомъ, при помощи его выборныхъ окладчиковъ и сборщиковъ, отмѣненъ и дѣло сосредоточено въ Камеръ-Коллегіи, при посредствѣ губернаторовъ и воеводъ, съ камерирами, и земскими комисарами, да съ военною силою комендантовъ, офицеровъ, драгунъ и солдатъ, содержавшихся отъ міра, какъ бы за облегченіе міра отъ его дѣла. *) И не одному міру было тяжело отъ такого способа сбора; казна отъ этого также теряла и рѣшалась иногда отдавать сборъ государственныхъ податей на откупъ откупщикамъ,— этимъ „врагамъ Богу и человѣкомъ"; по словамъ акта 1654, апр. 30, какъ напр. по указу за № 3113, какимъ-то Шемякину и Яковлеву. Вообще же долго оставалось и тайной и загадкой для казны, или для Камеръ-Коллегіи,—какъ устроить дѣло, чтобы весь сборъ шелъ именно въ казну, не говоря уже о томъ, что съ этого времени начались и неизвѣстно когда кончатся недоимки, съ 1719 года только умножавшіяся отъ экзекуцій, правежей и доимочныхъ канцелярій. Императрица Екатерина II уничтожила Камеръ-Коллегію, какъ бы въ наказаніе за ея злоупотребленія и безпорядки, безъотчетно тамъ господствовавшіе; но сколько зла успѣла Коллегія совершить и въ теченіе своего шестидесятилѣтняго существованія? И не лежала ли причина недоимокъ глубже, въ самомъ существѣ тѣхъ указовъ о промышленности, по которымъ эта народная дѣятельность производилась по казенному наряду, какъ бы натуральною повинностію, и въ тоже время облагалась податями и денежными сборами? недаромъ Екатерина I, въ актѣ 1727, февр. 24, почти надъ свѣжею могилою Петра В. говоритъ, что въ это время не точію крестьяне, въ крайнее разореніе приходятъ, но и коммерція и юстиція скорѣйшаго исправленія требуютъ.

В. Лешковъ.

Москва 1876, февр. 23.

---

*) Гр. Толстаго, Финанс. Учрежд. Россіи, стр. 41—48, С.-Пбургъ, 1848.

О репризахъ нейтральныхъ кораблей.

Въ какомъ положеніи находится собственникъ нейтральнаго корабля, если этотъ послѣдній во время морской войны будетъ захваченъ корсаромъ или каперомъ и, потомъ, до приговора надъ нимъ призоваго суда, отбитъ другой воюющей стороною?

Вопросъ этотъ, не смотря на всю свою важность, разрѣшался очень долгое время совсѣмъ неудовлетворительно; и не только международная практика, но и теорія дѣлала по этому поводу грубыя ошибки, публицисты, постоянно ратовавшіе о правахъ нейтральныхъ государствъ, нарушали эти права, когда брались отвѣчать на поставленный выше вопросъ; подобная аномалія объясняется смѣшиваніемъ нейтральныхъ репризовъ съ репризами, принадлежащими тому же государству, въ составѣ котораго находится корсаръ или каперъ, совершившій отбой корабля.

Но при внимательномъ разборѣ дѣла, оказывается большой несправедливостью примѣненіе одинаковыхъ правилъ на случай разрѣшенія судьбы отбитаго нейтральнаго и туземнаго корабля: стоитъ лишь обратить вниманіе на то, чтобы отбой у непріятеля корабля, принадлежащаго воюющей сторонѣ, всегда спасителенъ для него, между тѣмъ, какъ корабль нейтральнаго государства, захваченный непріятельскимъ каперомъ, по приговору призоваго суда, долженъ быть не только освобожденъ отъ конфискаціи, но и получить еще отъ капера, незаконнымъ образомъ его задержавшаго,

извѣстное вознагражденіе за причиненные убытки (dommages interéts). Изъ этихъ соображеній ясно, что смѣшивать нейтральные репризы съ репризами туземными — значитъ стать на дорогѣ къ несообразностямъ и грубымъ ошибкамъ.

Однакожъ, всѣ древніе публицисты, занимавшіеся вопросами морскаго права и судопроизводста, постоянно смѣшивали эти два рода репризовъ. Другіе публицисты вовсе некасаются вопроса о репризахъ, *) или же разсматриваютъ его мимоходомъ—вскользь **).

Первымъ публицистомъ, разсмотрѣвшимъ внимательно интересующій насъ вопросъ, былъ Ф. Г. Мартенсъ, издавшій въ концѣ прошлаго столѣтія свой знаменитый трактатъ о каперахъ или арматорахъ. ***) Взгляды Мартенса очень скоро были приняты другими французскими учеными, между прочими — Ленге и Жуффруа; однакожъ, большинство нѣмецкихъ публицистовъ, даже новѣйшихъ, не приняло во вниманіе знаменитой идеи Мартенса, попрежнему считаетъ тождественными репризы нейтральные и репризы, принадлежащіе воюющимъ. Таковы мнѣнія Клюбера ****; Кальтен борна †) и, даже, Геффтера. †*)

Нельзя, однакожъ, считать взгляды Мартенса во всѣхъ отношеніяхъ непогрѣшимыми; новѣйшія произведенія французской и англійской литературы представляютъ теоріи болѣе драгоцѣнныя по отношенію къ вопросу о нейтральныхъ репризахъ, чѣмъ мнѣнія ученыхъ, усвоившихъ себѣ цѣликомъ взгляды Мартенса.

Задачу настоящаго изслѣдованія составитъ, такимъ образомъ, изложеніе теорій всѣхъ ученыхъ, касающихся вопроса

---

*) Hubner, galiani, Lampredi.

**) Steck u Chevalier de Habreu, послѣдній писатель исчисляетъ только испанскія постановленіи о репризахъ.

***) Essai concernant les armateurs, les prises et surtout les reprise gott. 1795.

****) Klüber § 254.

†) Kaltenborn стр. 378 этотъ писатель открыто заявляетъ—„Fremde und Einheimiche sollten überall gleich behandelt werden“.

†*) Heffter, стр. 245. D. Eur. Folk.

о репризахъ нейтральныхъ кораблей и, затѣмъ, указаніе на главнѣйшіе принципы призоваго права и судопроизводства по этому вопросу у морскихъ державъ западной Европы.

I. Вопросъ о репризахъ вообще, какъ извѣстно, очень тѣсно связанъ съ jus postliminii, которое имѣетъ свой корень въ возрѣніяхъ римскаго права; у Римлянъ подъ jus postliminii разумѣлась та юридическая фикція, по которой лица, и вещи, взятыя непріятелемъ, считались возвращенными къ своему прежнему состоянію, какъ скоро попадали опять во власть той націи, которой они принадлежали первоначально; такимъ образомъ, если захваченное непріятелемъ имущество было отбито, то, согласно jus postliminii, оно возвращалось прежнему его владѣльцу *)

Гроцій, разсматривая это положеніе римскаго права, замѣчаетъ, что согласно началамъ древняго морскаго права европейскихъ государствъ всякое имущество, захваченное непріятелемъ, теряетъ право на jus postliminii, если оно этимъ послѣднимъ (непріятелемъ) будетъ помѣщено въ безопасномъ мѣстѣ. **) Подобное же парализующее значеніе въ отношеніи jus postliminii имѣетъ, по мнѣнію Гроція и новѣйшимъ законодательствамъ морскихъ державъ Европы, фактическое обладаніе захваченнымъ имуществомъ въ теченіи 24 часовъ. Бенкерсгукъ также считаетъ для собственника захваченнаго непріятелемъ имущества всякіе разсчеты на jus postliminii потерянными, если это имущество помѣщено въ безопасномъ мѣстѣ—infra praesidia ***) Подобныя же мнѣнія высказываетъ по этому поводу Пуффендорфъ и Ваттель.

Такимъ образомъ, практика средневѣковаго морскаго права, пропагандируемая первыми публицистами, освѣщаетъ въ

*) Dig. l. XLIX tit. XV.

**) Локценій также подтверждаетъ это положеніе, говоря, что всѣ морскіе законы его времени считаютъ 24-часовое обладаніе за время достаточное для пріобрѣтенія непріятелемъ права собственности на захваченное имущество и, слѣдовательно, для устраненія дѣйствія jus dostliminii.—Loccenius, de jure marit. L. II. cap. IV, § 4.

***) Quaest. L. I. c. V.

отношенiи захваченнаго на морѣ имущества (кораблей) принципы древняго права—occupatio bellica sit modus acquirendi dominium, назначая по чему-то срокъ 24-хъ часоваго обладанiя, какъ условiе прiобрѣтенiя каперомъ или корсаромъ права собственности на захваченный корабль! *) Этотъ срокъ является какъ бы давностью, погашающею право первоначальнаго собственника на вещь, находящуюся внѣ его обладанiя, подобно тому, какъ это мы видимъ въ гражданскомъ оборотѣ всѣхъ образованныхъ народовъ. Но эти ограниченiя благодѣтельнаго влiянiя jus postliminii не могутъ во всякомъ случаѣ считаться справедливыми. Въ самомъ дѣлѣ, почему такой небольшой промежутокъ времени, какъ однѣ сутки оказываютъ такое невыгодное влiянiе на право собственника захваченнаго непрiятелемъ корабля? Ясно, что въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ фискальныя—недоброжелательныя соображенiя. Но если приложенiе сроковъ, парализующихъ дѣйствiе jus postliminii, нужно считать несправедливымъ даже въ отношенiи кораблей, отбитыхъ у непрiятеля и принадлежащихъ другой воюющей сторонѣ, то тѣмъ болѣе оно преступно въ томъ случаѣ, когда рѣшается судьба нейтральнаго корабля, захваченнаго непрiятелемъ и, потомъ отбитаго у этого послѣдняго; а между тѣмъ очень долгое время отбитый у непрiятеля нейтральный корабль (reprise des neutres) испытывалъ такую судьбу, какъ и репризъ принадлежащiй воюющей сторонѣ; къ нему призовая практика примѣняла со всею строгостью сроки, погашающiе право его на возвращенiе первоначальному собственнику; призовые законы не знали правилъ спецiально относящихся къ разрѣшенiю судьбы нейтральныхъ репризовъ, и даже въ концѣ 18 ст. англiйскiй призовый судья Вильямъ Скоттъ (Лордъ Стоуэлль), не смотря на успѣхи, сдѣланные законодательствомъ въ пользу нейтральныхъ государствъ, считалъ за пустую химеру возвращенiе нейтральныхъ репризовъ ихъ собственникамъ, если при этомъ не были приняты во вни-

*) Конечно, право собственности въ этомъ случаѣ прiобрѣтаетъ не каперъ, а то государство, къ которому онъ принадлежитъ

маніе тѣ сроки, которые освящаютъ каперу или корсару право собственности на захваченный корабль.

Мы уже видѣли, что репризы нейтральныхъ государствъ нуждаются для своего опредѣленія въ спеціальныхъ правилахъ, основанныхъ на соображеніи особаго ихъ характера. Нейтральный корабль долженъ быть захваченъ только подъ предлогомъ нарушенія имъ обязанности нейтралитета; въ послѣднемъ случаѣ военное право допускаетъ полную конфискацію корабля и груза; ясно, что при отбоѣ такого преступнаго корабля никакое just postliminii не можетъ имѣть мѣста. Если же нейтральный корабль захваченъ незаконно, то онъ по приговору призоваго суда освобождается отъ конфискаціи, а иногда еще и получаетъ вознагражденіе за испытанныя имъ потери и убытки. Всѣ эти соображенія показываютъ, какъ несправедливо поступаютъ тѣ государства, которыя безъ предварительнаго обсужденія обстоятельствъ, сопровождавшихъ захватъ корабля, прилагаютъ къ нейтральнымъ репризамъ правила, служащія для опредѣленія судьбы репризовъ, принадлежащихъ тому же государству, которое и совершило отбой.

Каковы же эти правила, которыя слѣдуетъ наблюдать при разрѣшеніи участи отбитаго у непріятеля нейтральнаго корабля? Всѣ публицисты, занимавшіеся вопросами морскаго права и судопроизводства по своимъ взглядамъ на нейтральные репризы раздѣляются на двѣ группы: къ одной принадлежитъ — Готфель, *) Жуффруа **) Уитонъ, ***) Филлиморъ ****) и Геснеръ †), другую составляютъ — Азуни, †*) Мартенсъ, †**)Валенъ †***) и Массе †****).

*) Hautefeuille,—Dr. d. neutres; IV p. 378.

**) Joufroi,—Droit marit. p. 313.

***) Wheaton,—Elèm. II. 26.

****) Phillimore—III. 505.

†) Gessner—droits des neutres p. 344.

†*) Martens—Essai. § 40.

†**) Azuni—Droit marit t. II. ch. 4.

†***) Valin traitè des prises ch. 6.

†****) Massè Drcit. commercial II. t. I. cap. 2.

Публицисты, принадлежащіе къ первой группѣ, придерживаются того взгляда, что отбитые корабли нейтральныхъ государствъ, на основаніи нравственныхъ принциповъ естественнаго права, должны быть постоянно возвращаемы своимъ прежнимъ владѣльцамъ, если они были отбиты прежде произнесенія надъ ними приговора призоваго суда; если же этотъ приговоръ уже состоялся, и захваченный нейтральный корабль конфискованъ—отбой такого, уже отсужденнаго корабля, по мнѣнію разсматриваемыхъ нами публицистовъ, имѣетъ совершенно иное значеніе: отбитый при такихъ обстоятельствахъ корабль уже нельзя считать за репризъ, а на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на простой призъ, какъ на отнятое непріятельское имущество, ибо права нейтральнаго владѣтеля на такой корабль считаются во всякомъ случаѣ погашенными приговоромъ; самый же фактъ захвата непріятельскимъ каперомъ нейтральнаго корабля не передаетъ ему на него права собственности, ибо такой корабль можетъ быть и отпущенъ на свободу по приговору адмиралтейскаго суда; если принять во вниманіе, что репренеръ находится въ такомъ же положеніи относительно отбитаго корабля, какъ и первоначальный капторъ, то ясно, что и репренеру не принадлежитъ право собственности на отбитый корабль, находящійся во все это время, какъ бы въ состояніи опеки; но тѣ положенія, которыя позволяютъ первоначальному каптору выставлять доводы въ пользу конфискаціи нейтральнаго корабля, вовсе не приложимы въ случаѣ отбоя этого корабля, ибо они основаны на оскорбленіи началъ нейтралитета, вслѣдствіи явнаго стремленія корабля помочь той воюющей сторонѣ, которая и совершила отбой; ясно, что было бы величайшей несправедливостію со стороны репренера претендовать на пріобрѣтеніе въ собственоость имущества того корабля, который стремился помочь его интересамъ или интересамъ той страны, которой онъ принадлежитъ. Если, затѣмъ, предположить, что нейтральный корабль захваченъ воюющимъ не по подозрѣнію въ томъ, что онъ принадлежитъ другой враждебной націи, то фактъ отбоя и въ

этомъ случаѣ, разсѣявъ всякія подозрѣнія, становиться спасительнымъ для реприза.

Таковы въ общихъ чертахъ положенія о нейтральныхъ репризахъ, высказанныя уже извѣстными намъ публицистами, принадлежащими, согласно нашему раздѣленію, къ первой группѣ. Эти положенія, основанныя, по видимому, на почвѣ благочестивыхъ пожеланій, имѣютъ за себя очень много серьезныхъ соображеній; нравственный характеръ ихъ принципа имѣетъ неотразимое значеніе, новѣйшая призовая практика нѣкоторыхъ морскихъ державъ сознала это и укрѣпила примѣрами благодарнаго разрѣшенія частныхъ случаевъ разумность началъ разсматриваемой нами теоріи.

Другой очень важный вопросъ, вяжущійся съ вопросомъ о возвращеніи нейтральныхъ репризовъ—это вопросъ о вознагражденіи репренера. Хотя необходимость вознаграждать репренера за его трудъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, однакожъ, для полнаго обезпеченія нейтральнаго собственника размѣръ этого вознагражденія не долженъ быть слишкомъ высокимъ, чтобы не сравняться съ полной конфискаціей корабля.

Всѣ писатели разсматриваемой нами группы согласны съ тѣмъ, что точное опредѣленіе вознагражденія за совершеніе реприза должно составлять не послѣднюю заботу для призоваго законодательства; для этого, они полагаютъ, что возвращеніе нейтральнаго реприза его первоначальному собственнику должно постоянно совершаться по приговору особаго трибунала, который долженъ заставить нейтральнаго владѣльца уплатить репренеру его издержки и, кромѣ того, извѣстную сумму въ видѣ вознагражденія за его трудъ. Размѣръ вознагражденія долженъ всегда соотвѣтствовать важности услуги, оказанной репренеромъ собственнику отбитаго нейтральнаго корабля. Если есть основаніе предполагать, что корабль, не будучи отбитъ, доженъ былъ бы подвергнуться конфискаціи, то ясно, что услуга репренера равна полному возвращенію корабля и, слѣдовательно, размѣръ его вознагражденія долженъ быть больше, чѣмъ при отсутствіи этого предположе-

нія *). Но во всякомъ случаѣ размѣръ вознагражденія долженъ быть умѣренный и не переходить границъ, разъ навсегда установленныхъ законодательствомъ **). Новѣйшіе публицисты осуждаютъ призовую практику морскихъ державъ— назначать въ пользу репренера ⅓ и даже ½ всей стоимости отбитаго имъ корабля, называя въ этихъ случаяхъ самое право возвращенія нейтральному его имущества фиктивнымъ. Дѣйствительно такъ, слѣдуетъ лишь хорошенько разсмотрѣть размѣръ всѣхъ тѣхъ потерь и опасностей, которыя испытываетъ корабль при самомъ фактѣ отбоя: онъ постоянно рискуетъ быть разбитымъ ядрами своего спасителя, который не разбирая ни врага, ни нейтральнаго экипажа, каждую минутъ подвергаетъ его опасности пойдти на дно моря; послѣ всего этого ясно, что даже самая умѣренная плата вознагражденія за репризъ должна считаться очень тягостною для нейтральнаго собственника, и если еще съ натяжкою можно согласиться съ необходимостью вознагражденія для частнаго реппера (капера) въ виду поощренія дальнѣйшей его дѣятельности, то во всякомъ случаѣ нельзя простить притязаній на вознагражденіе государству, обязанному освобождать отъ захвата нейтральные корабли не ради вознагражденія, а ради стремленія помогать осуществленію справедливыхъ началъ международнаго права.

Хотя всѣ публицисты, какъ мы видѣли, согласны съ тѣмъ, что вопросъ о вознагражденіи репренера по своей важно-

*) Готфель, однакожь, думаетъ, что судъ того государства, которому принадлежитъ репренеръ не въ состояніи вѣрно оцѣнить услуги, оказанной репренеромъ нейтральному кораблю — ce n'est pas eux, говоритъ онъ, mais les tribunaux du capteur, qui peuvent determiner si la prise devait être liberée on condamnée.“ Но такое предположеніе едва ли вѣрно: руководясь одними и тѣми же правилами, призовый судья страны репренера всегда можетъ болѣе или менѣе вѣрно сказать, какъ поступилъ бы въ данномъ случаѣ непріятельскій адмиралтейскій судъ. Hautefeuille, IV, p. 380.

**) Жуффруа считаетъ уплату издержекъ умѣстною только въ томъ случаѣ, когда отбой совершенъ каперомъ или арматоромъ, для правительственнаго же флота онъ исключаетъ всякую возможность на притязанія подобнаго рода. Jouffroit, droit marit. p. 362.

сти долженъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду вопросовъ призоваго права и судопроизводства, однакожь, не говоря уже о томъ, что въ частностяхъ они не выработали по этому вопросу опредѣленныхъ принциповъ, самое основаніе, которое проводится большинствомъ изъ нихъ для разрѣшенія вопроса о вознагражденіи, не лишено нѣкотораго пристрастія: какъ мы уже видѣли выше, приведенные нами публицисты замѣчаютъ, что размѣръ вознагражденія долженъ всегда соотвѣтствовать важности услуги, оказанной нейтральному кораблю, если есть основаніе предполагать конфискацію отбитаго у непріятеля имущества въ томъ случаѣ, еслибъ не послѣдовало отбоя, то услуга репренера больше, самое вознагражденіе значительнѣе, чѣмъ при отсутствіи подобнаго предположенія; понятно почему? — въ первомъ случаѣ отбой корабля равняется его полному спасенію, а во второмъ онъ не приноситъ не только никакой пользы, но можетъ быть еще и вреднымъ для нейтральнаго собственника. Нельзя сказать, чтобы выставленное положеніе было безупречно: если стать на эту точку зрѣнія и увеличивать размѣръ вознагражденія за репризъ въ случаѣ предположенія непремѣнной конфискаціи, то съ другой стороны необходимо согласиться и съ тѣмъ, что при отсутствіи этого предположенія не только не слѣдуетъ требовать отъ нейтральнаго корабля никакого вознагражденія, но еще необходимо заплатить этому послѣднему приблизительно столько, сколько онъ долженъ былъ бы получить отъ захватившаго его капера по приговору непріятельскаго призоваго суда (dommages interèts) за безосновательный арестъ.

Теорія, какъ мы видѣли, требуетъ отъ собственника реприза вознагражденія репренеру во всякомъ случаѣ, даже тогда, когда отъ отбоя произошелъ явный вредъ. Есть между публицистами и такіе, которые полагаютъ, что вознагражденіе за репризъ должно быть только тогда, когда основаніе первоначальнаго захвата имущества законно, когда, слѣдовательно, услуга, оказанная репренеромъ несомнѣнна; *)

*) Таковы мнѣнія Массе, droit commercial, II. t. 1. cap. 2. Sect. 356. и Мартенсъ; Essai ch. 3, § 52.

но они не пошли дальше, они только отвергаютъ необходимость вознагражденія въ случаяхъ, противоположныхъ вышепоставленнымъ, но ничего не говорятъ о вознагражденіи самого отбитаго корабля за излишнія и вредныя для него услуги и за лишеніе его тѣхъ dommages interês, которыя уплатилъ бы ему непріятельскій каперъ. Если бы кто нибудь замѣтилъ, что всякій интересъ совершить отбой будетъ разсѣянъ для капера, если его заставлять платить нейтральному кораблю dommages interês, то на это можно отвѣтить, что во 1) подобные случаи очень рѣдки, такъ какъ каперъ, арестующій корабль, какъ призъ, имѣетъ случай хорошо удостовѣриться въ законности основанія для захвата, а во 2) та сумма вознагражденій которую получаетъ репренеръ за услуги отбоя, будетъ неизмѣрима въ сравненіи съ той, которую требуется заплатить самому: между тѣмъ подобная постановка вопроса въ теоріи будетъ удовлетворять требованіямъ права и справедливости.

Не всѣ однакожь, публицисты, занимавшіеся вопросами морскаго права, придерживаются вышеизложенныхъ взглядовъ разобранной нами теоріи о нейтральныхъ репризахъ. Азуни, Валенъ, Мартенъ и Массе по своимъ воззрѣніямъ на этотъ предметъ представляютъ другую группу ученыхъ. Эти четыре публициста согласны между собою въ томъ, что судьба нейтральнаго реприза зависитъ отъ того, была ли законна причина первоначальнаго захвата нейтральнаго корабля; если основаніе захвата раціонально, то въ такомъ случаѣ къ репризамъ нейтральнымъ слѣдуетъ прилагать тѣже правила, какія, обыкновенно, прилагаются практикою адмиралтейскихъ судовъ къ отбитымъ кораблямъ воюющихъ сторонъ; что, далѣе, въ этомъ послѣднемъ случаѣ должно существовать полное вознагражденіе репренера, а если нейтральный репризъ до совершенія отбоя находился во владѣніи непріятеля столько времени, сколько нужно для пріобрѣтенія по закону на него полнаго права собственности, то онъ долженъ подвергнуться конфискаціи. Если же нейтральный корабль захваченъ по основаніямъ незаконнымъ, то онъ, будучи отбитъ, долженъ получать полную сво-

боду и освобождается отъ всякихъ платежей въ пользу репренера.

Но, спрашивается, какіе же законы слѣдуетъ прилагать для разрѣшенія вопроса о законности первоначальнаго захвата? — тѣ ли, которые дѣйствуютъ въ странѣ первоначально захватившаго корабль капера, или тѣ, которые прилагаются въ государствѣ репренера? Мартенсъ очень осторожно замѣчаетъ, что ни тѣ, ни другіе законы не должны быть прилагаемы для разрѣшенія этого вопроса; но что онъ долженъ всегда разрѣшаться «согласно съ духомъ постановленій общаго международнаго права.» Но и приложеніе нормъ международнаго права не можетъ разрѣшать удовлетворительно судьбу отбитаго нейтральнаго корабля, ибо этотъ послѣдній, нарушивъ свои обязанности по отношенію къ захватившей его воюющей сторонѣ, согласно постановленіямъ трактатнаго права, конечно, заслуживаетъ конфискацію, между тѣмъ справедливость не позволитъ другой воюющей сторонѣ, въ пользу которой дѣйствовалъ корабль и которая совершила отбой, объявлять конфискованнымъ подобный корабль, не только не преступившій ея интересовъ, но, напротивъ стремившійся помочь этимъ послѣднимъ. Ясно слѣдовательно, что осторожное замѣчаніе Мартенса не исчерпываетъ всего содержанія вопроса.

Съ особенною энергіею опровергаетъ это замѣчаніе Мартенса Готфель, *) называющій, вообще, всѣ мысли разсматриваемыхъ нами ученыхъ о нейтральныхъ репризахъ противорѣчащими здравому смыслу, такъ какъ, по его мнѣнію, уже несообразно самое основаніе мыслей этихъ ученыхъ — чтобы государство, совершившее отбой корабля дружественной съ нимъ державы, прилагало при разрѣшеніи судьбы его нормы, усвоенныя практикой враждебнаго ему государства.

Еще убѣдительнѣе взглядъ Гесснера **) по поводу разбираемаго нами мнѣнія онъ замѣчаетъ, что «если призовый

*) Hautefeuille, droits des neutres. IV p. 407.
**) Gessner droit des neutres p. 353.

судья націи, совершившей отбой, для разрѣшенія вопроса— кому принадлежитъ отбитый корабль — первоначальному ли собственнику или репренеру, станетъ доискиваться законности первоначальнаго его захвата, то въ такомъ случаѣ онъ будетъ приписывать себѣ вовсе не принадлежащіе ему аттрибуты; нейтральный корабль нарушилъ свои международныя обязанности въ отношеніи врага отбившей корабль державы, и этому врагу принадлежитъ право наказать нейтральный корабль; если же репренеръ, противъ котораго ничего не имѣлъ нейтральный корабль, присвоитъ себѣ это право, онъ совершитъ актъ насилія по отношенію къ правамъ нейтральнаго государства.» Публицисты, составляющіе по нашему раздѣленію вторую группу ученыхъ, соглашаясь съ основною мыслію Мартенса о нейтральныхъ репризахъ, въ частностяхъ представляютъ по этому предмету отдѣльныя теоріи.

Валенъ *) этотъ знаменитый комментаторъ ордонанса Людовика XIV, разсматривая положенія французскихъ законовъ о репризахъ вообще, замѣчаетъ, что этихъ постановленій нельзя прилагать относительно нейтральныхъ призовъ, первоначальная причина захвата которыхъ была законна, т. е. основана на нарушеніи кораблемъ своихъ нейтральныхъ обязанностей; въ этомъ послѣднемъ случаѣ Валенъ разсматриваетъ подобный корабль, какъ имущество, принадлежащее, вслѣдствіи необходимой конфискаціи не нейтральному собственнику, но своему непріятелю; отбой такого корабля долженъ составить призъ для репренера, какъ имущество, принадлежавшее врагу и насиліемъ отнятое у этого послѣдняго. Отбитый при этихъ условіяхъ корабль долженъ во всякомъ случаѣ быть конфискованъ и присужденъ въ пользу репренера безъ отношенія къ тому былъ ли этотъ корабль во власти непріятеля столько времени, сколько необходимо по закону для пріобрѣтенія на него полнаго права собственности, а также безъ отношенія къ характеру са-

---

*) Valin, traité des prises. ch. 6.

маго репренера — былъ ли то военный корабль или частный арматоръ (каперъ). Эти свои мнѣнія Валенъ не считаетъ нужнымъ обставить достаточными теоретическими доказательствами; для этого ученаго, по мнѣнію Готфеля, единственнымъ основаніемъ въ этомъ случаѣ служатъ начала французской призовой практики, преимущественно же положенія ордоннанса Людовика XIV (1681), не назначающаго никакихъ спеціальныхъ правилъ на случай отбоя нейтральныхъ кораблей; изъ этого ордоннанса (art. 8). Валенъ заключаетъ, что тѣ ограниченія, которыя существуютъ въ видѣ назначенія сроковъ 24-хъ часовой давности для пріобрѣтенія права собственности на призъ, вовсе не должны относиться къ нейтральнымъ репризамъ и, выходя изъ этихъ положеній, такъ строго и относится къ участи отбиваемыхъ у непріятеля нейтральныхъ кораблей. Однакожъ, по мнѣнію Валена, приложеніе такихъ строгихъ правилъ къ нейтральнымъ репризамъ допускаетъ весьма знаменательныя ограниченія, и французскій законъ о репризахъ національныхъ кораблей со всѣми его смягчающими условіями можно прилагать къ тѣмъ нейтральнымъ репризамъ, которые были первоначально захвачены непріятелемъ за ихъ явное стремленіе помочь интересамъ Франціи. На сколько строги правила Валена о нейтральныхъ репризахъ въ случаѣ законности ихъ первоначальнаго захвата, на столько въ противномъ случаѣ они гуманны и справедливы. Валенъ говоритъ, что если основаніе захвата корабля непріятелемъ незаконно, если есть, слѣдовательно, вѣроятность предполагать, что такой корабль былъ бы отпущенъ на свободу по приговору непріятельскаго призоваго суда, репризъ такого рода долженъ быть возвращенъ его собственнику и изъятъ отъ всякихъ платежей въ пользу репренера, какого бы свойства ни былъ этотъ послѣдній и сколько бы времени ни находился корабль въ рукахъ непріятеля; это должно дѣлать въ силу того, что незаконный захватъ непріятелемъ нейтральнаго корабля есть ничто иное, какъ морской грабежъ, которому во всякомъ случаѣ не долженъ никто подражать. Почти со всѣми положеніями Ва-

лена соглашается Азуни.*) Этотъ писатель спеціально разсматриваетъ вопросъ о репризахъ воюющихъ державъ; относительно же нейтральныхъ онъ не высказываетъ своего оригинальнаго мнѣнія и ограничивается однимъ перечисленіемъ трактатовъ. Нѣкоторые писатели приписываютъ этому молчанію Азуни полное соглашеніе съ тѣми правилами, которыя усвоены международною практикою.**) Впрочемъ Азуни отличается отъ остальныхъ публицистовъ разсматриваемой нами категоріи тѣмъ, что считаетъ необходимымъ для репренера вознагражденіе во всякомъ случаѣ — даже тогда, когда первоначальная причина захвата корабля была незаконна; и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ назначаетъ репренеру $^1/_3$ всей стоимости реприза, если же отбой совершенъ военнымъ кораблемъ, то $^1/_{12}$ часть его.

Мартенсъ, съ именемъ котораго связана блестящая заслуга отдѣленія въ теоріи нейтральныхъ репризовъ отъ репризовъ воюющихъ сторонъ, стоитъ во главѣ разсматриваемыхъ нами публицистовъ. Этотъ знаменитый писатель въ своемъ классическомъ изслѣдованіи о каперахъ и репризахъ ***) по поводу отбоя кораблей нейтральныхъ государствъ высказалъ идею, которая и лежитъ въ основаніи разбираемыхъ нами взглядовъ — что конфискація нейтральнаго корабля возможна только при существованіи законной причины первоначальнаго захвата, при отсутствіи же этого условія отбитый корабль долженъ быть въ цѣлости возвращенъ своему первоначальному собственнику безъ всякаго вознагражденія со стороны этого послѣдняго въ пользу репренера. Правда, идея Мартенса далеко небезупречна, но все же она имѣетъ громадное значеніе уже потому, что ей обязаны своимъ происхожденіемъ другія, болѣе вѣрныя мнѣнія, а равнымъ образомъ и болѣе благодѣтельныя постановленія морскихъ законовъ о нейтральныхъ репризахъ. Массе, ****)

*) Azuni, droit marit. de l'Europe, t. II, ch. 4. art. 5.
**) Hautefeuille, IV p. 402.
***) Martens. Essai concernant les armateurs et. ch. 3 § 52.
****) Droit commercial l. II. t. I. ch. 2. § 3. § 6.

разсматривая призовую практику европейскихъ государствъ, относится не сочувственно къ весьма многимъ ея положеніямъ касательно нейтральныхъ репризовъ; онъ болѣе склоняется къ принципамъ естественнаго права, по которымъ всегда слѣдуетъ возвращать отбитый нейтральный корабль его первоначальному собственнику. Но, уступая практикѣ, Массе проводитъ то положеніе, которое съ особенною полнотою развилъ Г. Ф. Мартенсъ.

Таковы мнѣнія о нейтральныхъ репризахъ всѣхъ извѣстныхъ публицистовъ, занимавшихся вопросами призоваго права и судопроизводства.*) Какъ видно изъ этого краткаго очерка, теоретики еще не пришли къ одинаковымъ выводамъ по вопросу о нейтральныхъ репризахъ; ихъ воззрѣнія на этотъ предметъ носятъ на себѣ отпечатокъ крайняго разногласія,**) самыя точки зрѣнія на репризы совершенно различны: одни ученые считаютъ возможнымъ смѣшивать нейтральные репризы съ репризами воюющихъ державъ и, притомъ, спорятъ о томъ, достаточно ли одного факта завладѣнія непріятельскимъ и нейтральнымъ имуществомъ для пріобрѣтенія на него законнаго права собственности, или для этого необходимы еще извѣстныя условія въ видѣ назначенія 24-хъ часовой давности или помѣщенія захваченнаго имущества infra praesidia; другіе писатели, напротивъ, утверждаютъ, что для нейтральныхъ репризовъ нужно установить еще особыя правила; какъ мы уже видѣли, и эти послѣдніе публицисты по своимъ мнѣніямъ также раздѣляются на двѣ совершенно различныя группы, и даже, далѣе, ученые, защищающіе одни и тѣже общія положенія о репризахъ, въ частностяхъ также весьма не рѣдко не соглашаются; словомъ, можно сказать утвердительно, что вопросъ о репризахъ нейтральныхъ кораблей, несмотря на всю свою важ-

*) Я не упоминаю о тѣхъ ученыхъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ, и то мимоходомъ, высказываютъ отрывочные взгляды, основываясь слѣпо на выводахъ Мартенса (Блунтчли и др.)

**) Съ особою энергіей заявляетъ объ этомъ Геффтеръ.—Das Europ. Volkerrecht. p. 346.

ность въ международной области, далеко еще не разрѣшенъ удовлетворительно даже въ теоріи. *) Однакожъ, знаменитыя идеи Мартенса, положившія начало дальнѣйшимъ стремленіямъ ученыхъ разъяснить этотъ вопросъ, дали благодѣтельные результаты. Ученые **) обратились къ серьезному анализу этого важнаго вопроса и пришли къ болѣе или менѣе благодѣтельнымъ выводамъ, опираясь на общіе принципы естественнаго и международнаго права. Во всякомъ случаѣ, можно сказать утвердительно, что взгляды на нейтральные репризы ученыхъ и публицистовъ 19 ст. дали бы благодѣтельные результаты, если бы они были усвоены призовою практикой и морскимъ законодательствомъ. Но практика, какъ это случается почти всегда, оказалась еще упорнѣе и неуступчивѣе, чѣмъ теорія въ проведеніи и приложеніи здравыхъ и гуманныхъ принциповъ, выработанныхъ наукою международнаго права, и прошло очень долгое время пока появилась система Порталиса, до настоящаго времени могущая назваться одной изъ самыхъ лучшихъ системъ морскаго законодательства о нейтральныхъ репризахъ.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію занимающаго насъ вопроса согласно съ постановленіями призоваго права различныхъ морскихъ державъ Европы.

I. Обращаясь къ практикѣ европейскихъ государствъ касательно нейтральныхъ репризовъ, нужно замѣтить, что почти до конца 17 ст. судьба отбитыхъ у непріятеля ней-

---

*) Отвергать важность вопроса о репризахъ нейтральныхъ кораблей послѣ уничтоженія каперства (1856 г.) нельзя; такъ какъ и послѣ этого событія во время морской войны встрѣчаются такъ часто случаи захвата и отбоя нейтральныхъ кораблей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, подъ предлогомъ нарушенія этими кораблями началъ и обязанностей нейтралитета.

**) Уже Жуффруа замѣчаетъ, что право войны не освящаетъ права собственности на отбитый корабль, будетъ ли онъ принадлежать воюющему или же третьей—нейтральной сторонѣ; по этому во все продолженіе войны права первоначальнаго собственника никѣмъ не могутъ быть разрушены ни первоначально захватившимъ каперомъ, ни тѣмъ — кто совершилъ отбой корабля. Iouffroi, droit marit. p. 392.

тральныхъ кораблей всегда разрѣшалась на основаніи постановленій закона, дѣйствовавшаго въ странѣ репренера; въ это время не было ни у одного морскаго государства правилъ спеціально предназначенныхъ для разрѣшенія судьбы нейтральныхъ кораблей; отбитый нейтральный корабль всегда ставили на одну точку съ кораблемъ, принадлежащимъ подданнымъ того же государства, которое и совершило отбой. Только въ концѣ 17 ст. благодаря установленію и развитію болѣе вѣрныхъ и твердыхъ началъ нейтралитета, между морскими державами Европы появляются трактаты, стремящіеся поставить вопросъ о репризахъ нейтральныхъ кораблей на болѣе вѣрныя основанія и способствовавшіе благодѣтельнымъ измѣненіямъ по этому вопросу въ призовомъ судопроизводствѣ. При разрѣшеніи вопроса о репризахъ внутренніе законы государствъ принимаютъ во вниманіе во 1) время, въ теченіе котораго оставался корабль во власти непріятеля; 2) былъ ли захваченный корабль помѣщенъ до совершенія отбоя въ безопасное мѣсто — eductio infra praesidia; 3) кто совершилъ самый отбой—каперъ или государственный военный корабль.

Всѣ эти обстоятельства оказываютъ очень важное вліяніе на судьбу реприза, на размѣръ вознагражденія репренеру согласно постановленіямъ, дѣйствующимъ въ государствахъ Европы.

Древнѣйшимъ законодательнымъ памятникомъ по вопросу о репризахъ является Consolato del mare; *) правила этого сборника морскаго права тѣмъ болѣе важны, что они очень долгое время имѣли практическое значеніе у народовъ, усвоившихъ себѣ морскіе средневѣковые обычаи. Изъ главы 287 Cons. del. mare видно, что отбитый корабль всегда возвращался его первоначальному собственнику, если онъ до совершенія отбоя не былъ помѣщенъ непріятелемъ въ безопасное мѣсто (infra praesidia); при возвращеніи корабля съ

---

*) Что касается другихъ памятниковъ древняго морскаго права, то ни одинъ изъ нихъ не касается вовсе вопроса о репризахъ. Phillimor III p. 506.

собственника взималось вознагражденіе въ пользу репренера, размѣръ этого вознагражденія опредѣляется степенью труда, употребленнаго во время отбоя. Если же репризъ совершенъ надъ кораблемъ, захваченнымъ каперомъ и имъ помѣщеннымъ въ безопасномъ мѣстѣ, то онъ принадлежитъ въ цѣлости репренеру.

О репризахъ нейтральныхъ кораблей Cons. del mare не упоминаетъ, но во всякомъ случаѣ надо согласиться, что его правила, за неимѣніемъ другихъ, примѣнялись и къ этимъ послѣднимъ.

Какъ ни кажутся съ перваго взгляда суровыми постановленія о репризахъ Cons. del mare, но они блѣднѣютъ предъ тѣми, которые дѣйствовали въ новѣйшее время у народовъ просвѣщенныхъ.

1. Древнія постановленія французскихъ призовыхъ законовъ предписывали возвращать отбитые у непріятеля корабли ихъ первоначальнымъ собственникамъ, если эти корабли не оставались во владѣніи непріятеля 24 часа; въ этомъ случаѣ съ собственника корабля взималась въ пользу репренера плата въ размѣрѣ $^1/_3$ стоимости всего багажа; размѣръ платы за отбой корабля по древнимъ законамъ одинъ и тотъ же безъ различія кто совершилъ самый отбой—частное лицо (каперъ) или государственный военный корабль. *)— Знаменитый ордоннансъ Людовика XIV (1681 г.) **) также сохраняетъ полное молчаніе относительно качествъ репренера; размѣръ вознагражденія и по этому закону остается одинъ и тотъ же—$^1/_3$ стоимости багажа. Ордоннансъ 15 Іюня 1779 года подтверждаетъ повидимому правила ордоннанса 1681 года. При существованіи подобныхъ постановленій о репризахъ очень трудно согласиться съ мнѣніемъ Валена, ***) который говоритъ, что практика французскихъ призовыхъ судовъ еще со времени Людовика XIV усвоила себѣ очень гуманныя правила, по которымъ, за удовлевореніемъ репренера, слѣ-

---

*) Ord. 1584, art. 61.
**) Ord. 1681. L. III, t. IX, art. 8.
***) Comment. L. III- t. IX, art. 3.

довало возвращеніе отбитаго корабля первоначальному собственнику даже въ томъ случаѣ, когда корабль находился болѣе 24 часовъ во владѣніи непріятеля, лишь бы отбой былъ совершенъ государственнымъ военнымъ кораблемъ, а не частнымъ лицомъ.

Постановленія французскихъ призовыхъ законовъ временъ первой республики *) предписываютъ возвращать въ цѣлости отбитый корабль его собственнику, съ платой въ пользу репренера $1/_{30}$ всей стоимости имущества, если этимъ послѣднимъ репренеромъ, былъ государственный военный корабль, и если отбитый корабль не находился у непріятеля 24 часовъ; если же отбой совершенъ по истеченіи 24 часовъ, то по возвращеніи корабля взималось въ пользу репренера $1/_{10}$ часть всего имущества. Если же репренеромъ было частное лицо, тогда въ первомъ случаѣ плата ему равняется $1/_{3}$ всего имущества, а во второмъ отбитый корабль весь принадлежитъ каперу. Французскій законъ предписываетъ также возвращеніе приза даже и послѣ 24 часовъ, въ томъ случаѣ, когда корабль попадаетъ въ свою страну безъ военнаго отбоя: ордоннансъ **). Людовика XIV говоритъ: „Если корабль, не будучи отбиваемъ, оставляется на морѣ самимъ непріятелемъ и попадаетъ какимъ бы то ни было образомъ опять во власть французскихъ подданныхъ, то онъ возвращается своему первоначальному собственнику даже и въ томъ случаѣ, когда будетъ доказано, что онъ находился у непріятеля болѣе 24 часовъ. Вотъ законодательныя постановленія, примѣнявшіяся въ теченіи очень долгаго времени къ разрѣшенію судьбы репризовъ воюющихъ сторонъ, нейтральныхъ и союзныхъ государствъ.

По поводу репризовъ Франція заключала договоры только съ двумя державами—Англіей и Голландіей; въ этихъ договорахъ приведены тѣже принципы, которые мы уже видѣли во французскихъ призовыхъ законахъ: такъ, въ трактатахъ

---

*) L'arreté du 2 prairial an 11.

**) Liv. III. tit. IX. art. 9

1781 года съ Голландіей и 1786 съ Англіей говорится: «если отбой корабля будетъ совершенъ до истеченія 24 часовъ со времени его захвата, то репризъ возвращается его первоначальному собственнику съ удержаніемъ $^1/_3$ всей его стоимости въ видѣ платы репренеру (каперу). Конфискація всего реприза имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ когда отбой уже совершенъ послѣ 24 часовъ. Если отбой совершенъ военнымъ кораблемъ, то онъ во всякомъ случаѣ возвращается, съ удержаніемъ, однакожъ, въ первомъ случаѣ $^1/_{13}$ части всей стоимости корабля, а во второмъ—$^1/_{12}$ *). Что же касается новѣйшихъ трактатовъ, заключенныхъ Франціей съ государствами Европы и Америки, то ни одинъ изъ нихъ не касается спеціально репризовъ, но тѣ начала, которыя въ нихъ приводились, установляя болѣе раціональныя отношенія между государствами, несомнѣнно должны были повліять и на болѣе удовлетворительное разрѣшеніе занимающаго насъ въ настоящее время вопроса. Доказательствомъ служитъ новѣйшая практика французскихъ призовыхъ судовъ. Еще съ начала настоящаго столѣтія Французскій призовый судья, Порталисъ находитъ неудовлетворительными правила, служащія руководствомъ при разрѣшеніи судьбы отбитыхъ нейтральныхъ кораблей. Этотъ знаменитый человѣкъ формулируетъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: «французскіе призовые законы не заключаютъ въ себѣ спеціальныхъ постановленій относительно нейтральныхъ репризовъ, надо въ такомъ случаѣ въ отношеніи ихъ руководствоваться общими принципами международнаго права, въ силу которыхъ нейтральный корабль долженъ быть всегда сохраняемъ во время войны обоими воюющими державами. Если же одна изъ воюющихъ сторонъ позволитъ въ отношеніе его насиліе, то другая должна стараться противодѣйствовать и уничтожить это насиліе; поэтому если нейтральный корабль будетъ отбитъ французами у непріятеля то онъ долженъ быть отпущенъ на свободу, если будетъ доказано, что онъ дѣйствительно принадлежитъ нейтральному государ-

*) Martens, Recueilt. t. II. p. 27.

ству» *). Далѣе Порталисъ задаетъ вопросъ—почему же нейтральный репризъ требуетъ отъ правилъ, къ нему примѣняемыхъ даже большей снисходительности, чѣмъ репризъ французскаго національнаго корабля? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ точно такимъ образомъ, какъ отвѣчали уже разобранные нами въ предыдущей главѣ публицисты: «отбой французскаго корабля всегда равняется полному его спасенію, такъ какъ онъ, будучи захваченъ непріятелями погибъ бы безвозвратно, еслибъ не былъ отбитъ; слѣдовательно, репризъ въ этомъ случаѣ есть вещь, принадлежавшая непріятелю и завоеванная у него; тогда какъ захватъ непріятелемъ нейтральнаго корабля не влечетъ за собой несомнѣнной конфискаціи, такъ какъ онъ можетъ быть и отпущенъ на свободу по приговору адмиралтейскаго суда». Однакожъ Порталисъ не слѣдуетъ въ точности тѣмъ предположеніямъ которыя высказалъ; на практикѣ онъ примѣняетъ то правило, что нейтральный репризъ есть собственность репренера не только тогда, когда онъ отбитъ уже послѣ осужденія его непріятельскимъ призовымъ судомъ, но и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это осужденіе можно предполагать, хотя въ дѣйствительности его и не послѣдовало. Такимъ образомъ, Порталисъ на практикѣ слѣдуетъ тѣмъ взглядамъ, которые высказаны писателями, отнесенными въ предыдущей главѣ нашего изслѣдованія ко второй группѣ.

Взгляды Порталиса имѣютъ громадное практическое значеніе. Они и до сихъ поръ примѣняются французской призовой практикой **).

2. Древнія правила англійскихъ призовыхъ законовъ предписываютъ возращать первоначальному собственнику всѣ репризы совершенные военными кораблями; при этомъ взыскивается въ пользу этихъ послѣднихъ плата, размѣръ которой опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ. Когда же отбой корабля совершался ка-

*) Pistoyé et Duverdy, II, p. 121.

**) Gessner—Droit des neutres. p. 350. Pistoyé et Duverdy II, p. 120.

перомъ или корсаромъ, репризъ возвращался только въ томъ случаѣ, когда захваченный корабль не былъ помѣщенъ въ безопасномъ и укрѣпленномъ мѣстѣ (infra praesidia); въ послѣднемъ же случаѣ онъ въ цѣлости переходилъ въ собственность капера-репренера. Такъ поступали въ Англіи до конца XVI ст., съ этого же времени въ англійской призовой системѣ правилъ произошла существенная перемѣна: репризъ возвращается во всякомъ случаѣ своему собственнику; размѣръ платы за отбой неодинаковъ: если репризъ совершенъ военнымъ кораблемъ, то онъ возвращался собственнику съ платою въ пользу репренера $^1/_8$ части всей стоимости, безъ различія сколько времени корабль до отбоя находился во власти непріятеля. Если же репризъ совершенъ каперомъ или корсаромъ, то, по возвращеніи корабля, взымалась въ пользу репренера $^1/_8$ часть всей стоимости, если отбитый корабль находился у непріятеля менѣе 24 часовъ;—$^1/_5$ часть, если корабль былъ во власти непріятеля болѣе 24 часовъ но менѣе 48;—$^1/_3$, если онъ находился у непріятеля болѣе 48 часовъ, но менѣе 96; и, наконецъ, $^1/_2$ всего реприза, если отбой корабля совершенъ спустя 96 часовъ послѣ захвата имущества*). Эти постановленія были много разъ укрѣпляемы новыми актами парламента; особенно же актомъ 1740 года, который разнообразитъ до мелочей размѣръ платы за репризъ въ томъ случаѣ, если онъ совершенъ частнымъ лицомъ или корсаромъ.

Война за независимость американскихъ колоній произвела существенныя перемѣны въ призовыхъ законахъ Англіи; въ началѣ ея парламентъ двумя актами предписалъ возвращать всѣ отбитые у американцевъ англійскіе корабли ихъ собственникамъ и взымать съ этихъ послѣднихъ въ пользу репренера $^1/_8$ часть всей стоимости имущества безъ различія того, кѣмъ былъ совершенъ отбой—каперомъ или военнымъ кораблемъ **). Но и по окончаніи этой войны вышеизложенныя

---

*) Act. du parl. 1692.

**) Lau of the admiralty I. I. p. 513. Voy. Runnington. t. VI у Готфеля—Droits de neutres IV p. 394.

правила стали распространяться на всѣ репризы безъ различія качествъ репренера *). Хотя всѣ постановленія англійскаго парламента отличаются характеромъ временнымъ, однкожъ, нельзя предположить, чтобъ гуманныя постановленія законодательнаго акта 1776 года были вытѣснены тою системою, которая господствовала прежде **).

Какъ видно изъ этого краткаго очерка, англійскія постановленія о репризахъ слишкомъ разнообразны въ частностяхъ, но они всегда остаются вѣрны общему принципу, что репризъ долженъ возвращаться своему собственнику съ платою вознагражденія репренеру. Правила эти примѣнялись одинаковымъ образомъ къ репризамъ кораблей союзныхъ и нейтральныхъ государствъ. Въ то время, какъ французская призовая практика уже въ началѣ 19 ст. сознала неудовлетворительность постановленій, касательно нейтральныхъ репризовъ, Англійскій призовый судья Вильямъ Скоттъ (Лордъ Стоуэль), современникъ Порталиса, открыто заявилъ, что онъ считаетъ за пустую химеру возвращеніе отбитыхъ нейтральныхъ кораблей ихъ собственникамъ, если при этомъ не были приняты во вниманіе тѣ сроки времени (24 ч.), которые освящаютъ каперу право собственности на отбитое имъ имущество. Между тѣмъ В. Скоттъ находитъ неудовлетворительными правила, служащія нормой для разрѣшенія судьбы репризовъ, принадлежащихъ союзническимъ государствамъ. Вотъ что замѣчаетъ онъ по этому поводу: «если меня спросятъ, каковы должны быть правила, которыя слѣдуетъ прилагать при разрѣшеніи участи союзническихъ репризовъ, то я отвѣчу, что самый раціональный процессъ требуетъ въ этомъ случаѣ приложенія тѣхъ правилъ, которыя дѣйствуютъ въ странѣ собственника отбитаго корабля; хотя практика государствъ и не слѣдуетъ этому правилу, но я думаю, что приложеніе ихъ будетъ вполнѣ отвѣчать требованіямъ справедливости. Согласіе собственника реприза на приложеніе

*) Runnington XIII. p. 463 у Мартенса, Essai sur les armat. ch. III. § 64.

**) Hautefeuille, VI p. 395.

подобныхъ правилъ къ его имуществу несомнѣнно, ибо оно объясняется сочувствіемъ законодадательной мудрости его страны; для государства же совершившаго отбой приложеніе этихъ правилъ тоже не будетъ во всякомъ случаѣ предосудительнымъ—и въ томъ, когда они опредѣляютъ освобожденіе реприза; здѣсь всегда предполагаются разсчеты на взаимность и будущія выгоды, а также и въ томъ, когда эти правила предписываютъ конфискацію (выгоды ея здѣсь очевидны). Когда же въ странѣ собственника реприза нѣтъ никакихъ законодательныхъ постановленій по поводу репризовъ, то тогда слѣдуетъ прилагать правила, дѣйствующія въ странѣ репренера, въ силу предположенія, что эти правила будутъ впослѣдствіи усвоены и этимъ союзническимъ государствомъ» *).—Изъ этихъ замѣчаній В. Скотта видно, на сколько формально онъ отнесся къ важному вопросу о возвращеніи репризовъ: начало взаимности въ примѣненіи законодательныхъ правилъ къ репризамъ, изглаживающее, по его мнѣнію, разнообразныя и противорѣчивыя постановленія практики и замѣняющіе трактатныя соглашенія, идетъ въ разрѣзъ съ содержаніемъ самаго вопроса, ибо та точка зрѣнія, которую должно установить государство, совершившее отбой корабля дружественной страны и та, съ которой смотритъ законодательство этой страны, совершенно различны**).

По поводу репризовъ Англія заключила, кромѣ извѣстныхъ уже намъ договоровъ съ Франціей, договоры съ Голландіей. Но эти соглашенія отличаются слишкомъ кратковременнымъ характеромъ; въ силу ихъ репризы, совершенные военнымъ кораблемъ возвращаются своимъ собственникамъ съ платою репренеру $1/_8$ части всего багажа, безъ различія времени, которое оставался корабль до отбоя у непріятеля, лишь бы онъ не былъ помѣщенъ infra praesidia. Если же репризъ совершенъ корсаромъ, то, по возвращеніи корабля, съ собственника взымалась плата, размѣръ которой опредѣлялся,

---

*) Robinson's Admiralty Reports, vol I. p. 58—63 а также выдержка въ соч. Витона—Eléments d. droit internat. p. 28—32. t. 2.

**) См. стр. 7 и 8.

смотря по обстоятельствамъ; но онъ никогда не превышалъ $^1/_2$ всей стоимости реприза. Съ Испаніей и Португаліей Англія не заключила ни однаго трактата, въ которомъ гово-ворилось бы о репризахъ; и это продолжалось до 1814 года, когда появился знаменитый договоръ 5 февраля между Англіей и Испаніей. Этотъ трактатъ нужно считать наиболѣе либеральнымъ въ англійской международной практикѣ. Его положенія выражаютъ то правило, что репризъ слѣдуетъ всегда возвращать его собственнику безъ всякаго отношенія къ тому, сколько времени прошло между захватомъ корабля и совершеніемъ реприза. При возвращеніи реприза размѣръ платы платы постоянный—$^1/_8$ часть имущества военному, кораблю и $^1/_6$ каперу. Этотъ трактатъ предписываетъ возвращеніе реприза даже послѣ осужденія его призовымъ судомъ *).

3. Согласио акту конгреса 3 Марта 1800 года **) американская призовая практика усвоила себѣ правило возвращать отбитые у непріятеля корабли американскихъ подданныхъ (Соед. Шт.) ихъ первоначальнымъ собственникамъ, если они были отбиты до осужденія ихъ призовымъ судомъ; при возвращеніи взымалось съ собственника корабля въ пользу репренера $^1/_8$ часть реприза; половина всей стоимости имущества оставлялась репренеру только тогда, когда захваченный непріятелемъ корабль до совершенія отбоя обращенъ имъ въ военный корабль.

Относительно нейтральныхъ репризовъ нѣтъ особыхъ постановленій, но въ актѣ 3 Марта 1800 года ***) есть статья, которая говоритъ, что въ отношеніи ихъ надо руководствоваться принципомъ взаимности (principe de la réprocité). Въ трактатѣ 1783 года, заключеннымъ С. Штатами съ Швеціей, проводится то положеніе, что нейтральные корабли, будучи

---

*) Martens. t. II. p. 240—Recueil.

**) Act. of congres. 3 Mars 1800 ch. 118 § 351, Wheaton, Elements. p. 32.

***) Ch. 168. § 3.

отбиты одной изъ договаривающихся сторонъ, должны быть въ цѣлости возращены своимъ собственникамъ.

4. Испанія, со времени восшествія на престолъ Бурбоновъ, усвоила себѣ правила французской призовой практики. Но ордоннансъ 20 іюня 1801 года уже устанавливаетъ особыя правила для нейтральныхъ репризовъ; въ силу его постановленій всякій нейтральный корабль, ненагруженный предосудительными по военнымъ соображеніямъ предметами, послѣ отбоя долженъ быть возвращаемъ своему собственнику, съ платою въ пользу репренера $^1/_8$ часть всего багажа, если же репренеромъ былъ корсаръ то—$^1/_6$.

Кромѣ уже извѣстныхъ намъ договоровъ Испанія заключила еще трактаты по поводу репризовъ съ двумя державами съ Голландіей въ 1676 году и Австріей 1725. Оба эти трактата не отличаются особенною гуманностью: по возвращеніи реприза собственнику съ этого послѣдняго, согласно этимъ договорамъ, платится репренеру $^1/_5$ часть всего имущества, если репризъ совершенъ спустя 48 часовъ послѣ захвата; размѣръ вознагражденія достигаетъ половины, если отбой совершенъ болѣе чѣмъ 96 часовъ послѣ непріятельскаго ареста.

5. Португалія въ своихъ призовыхъ постановленіяхъ 1704—1796 года усвоила себѣ правила Французской и Испанской призовой практики. Но съ 1797 года она опять возобновила свои старинные призовые законы, по которымъ права первоначальнаго собственника реприза считаются разрушенными, въ случаѣ нахожденія корабля до совершенія отбоя у непріятеля болѣе 24 часовъ; если же нѣтъ этого условія, то репризъ возвращается съ уплатою репренеру $^1/_8$ части багажа; если же репризъ совершилъ каперъ то вознагражденіе увеличивалось до $^1/_6$ части.

6. Голландскіе призовые законы предписываютъ возвращать репризы во всякомъ случаѣ, но съ платою вознагражденія репренеру; размѣръ этого вознагражденія опредѣляется продолжительностью времени, въ теченіи котораго находился репризъ у непріятеля. Эти положенія изданы 6 іюня

1702 года (art. 8); они подкрѣпляются также законоположеніями 1781 и 1793 года. Далѣе, 28 іюля 1705 года они стали распространяться и на репризы нейтральные.

Кромѣ уже извѣстныхъ намъ договоровъ, Голландія заключила еще трактатъ 1782 года съ С. Штатами; въ этомъ договорѣ она выражаетъ правила, очень близкія къ французской призовой системѣ: такъ, здѣсь существуетъ даже то правило, по которому репризъ переходитъ въ собственность репренера, если онъ совершенъ спуста 24 часа послѣ первоначальнаго захвата; но это правило примѣняется только въ томъ случаѣ, если репренеромъ было частное лицо (каперъ). Если же репризъ совершилъ военный корабль, то онъ во всякомъ случаѣ возвращался собственнику съ платою $^1/_{30}$ части, если отбой совершенъ въ теченіи 24 часовъ, а $^1/_{10}$ — если въ болѣе продолжительное время.

7. Швеція въ постановленіяхъ 1788 года говоритъ только объ отбоѣ Шведскихъ кораблей и предписываетъ возвращать ихъ первоначальному собственнику съ уплатою $^1/_2$ всей стоимости корабля репренеру, безъ различія того, сколько времени корабль находился у непріятеля. Но правило 28 марта 1810 года значительно смягчило суровость этого постановленія: оно предписываетъ взымать съ собственника только $^1/_3$ всей стоимости реприза и распространяетъ это правило и на нейтральные репризы.

8. Древнія постановленія Даніи осуждаютъ на конфискацію всякій репризъ, если онъ находился во власти непріятеля больше 24 часовъ, въ противномъ же случаѣ они позволяютъ возвращать его собственнику съ платою репренеру $^1/_2$ всей его стоимости. Но регламентъ 28 марта 1810 года, освящая право возвращенія реприза собственнику, требуетъ также съ этого послѣдняго вознагражденія репренеру въ размѣрѣ $^1/_3$ всей стоимости имущества, безъ различія времени, которое находился репризъ у непріятеля. Эти постановленія распространяются на репризы кораблей Даніи и ея союзниковъ.

Трактатъ, заключенный Даніей съ Женевской республикой въ 1789 году отличается чрезвычайно либеральнымъ характеромъ: онъ позволяетъ возвращать репризъ его первоначальному собственнику во всякомъ случаѣ и, притомъ, безъ всякаго вознагражденія для репренера. Основаніе этого трактата было положено еще въ договорѣ 1756 года.

А. Евецкій.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

ПО ЧАСТНОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ. *)

Раціональныя начала.—Единство, универсальность несостоятельности.—Конкурсъ.

Ошибочно было бы утверждать, что истинные принципы формулируются сначала наукой, а потомъ переходятъ въ область фактовъ. Человѣчество въ своемъ развитіи не рѣдко слѣдуетъ совершенно противоположнымъ путемъ. Это именно должно сказать о принципахъ международнаго права: между тѣмъ какъ наука высказываетъ еще въ отношеніи ихъ сомнѣнія и колебанія, въ жизни народовъ уже предвидится неудержимое стремленіе къ ихъ практическому примѣненію.

Въ настоящее время совершается двоякій процессъ: съ одной стороны разъединенныя и разчлененныя народности стремятся къ образованію изъ себя націй и къ возстановленію своей независимости; съ другой стороны, наука и промышленность совершаютъ чудеса для того, чтобы соединить всѣ народы на землѣ; разстоянія изчезаютъ, сношенія умно-

---

*) Подъ этимъ заглавіемъ Джузеппе Карле адъюнктъ Туринскаго университета, издалъ мемуаръ, удостоенный преміи отъ Неаполитанской академіи наукъ: „la dottrina juridica del falliamento vel diritto privato internazionale, Napoli 1872, 119 p. in 8.“ Мы помѣщаемъ извлеченіе изъ этого сочиненія.

жаются, связь между народами все болѣе и болѣе скрѣпляется. Какой готовится новый порядокъ вещей и гдѣ остановится это движеніе? Это проблемма, разрѣшеніе которой принадлежитъ будущему. Тѣмъ не менѣе изъ высказываемыхъ жизнею требованій возможно вывести слѣдующія два положенія: первое, что народы судь дѣло творчества природы, а не результатъ человѣческаго произвола; второе, что природа, создавая самостоятельные союзы въ тоже время и стремится въ высшему ихъ объединенію. Надъ отдѣльными народами господствуетъ общечеловѣческій союзъ.

Индивидуальность каждаго народа, взятая за единственное и исключительное основаніе международнаго права, привела въ политическихъ сношеніяхъ между собою различныхъ государствъ сначала къ системѣ *завоеваній*, потомъ къ системѣ *равновѣсія*; въ коммерческихъ сношеніяхъ къ *протекціонной* системѣ и въ частныхъ сношеніяхъ между гражданами разныхъ націй къ признанію права казны на наслѣдство послѣ иностранцевъ (droit d'aubaine.)

Напротивъ того излишнее увлеченіе идеею *солидарности* народовъ возвысило подъемъ притязаній властолюбцевъ и философской мысли до концепціи всемірной монархіи, концепціи ложной, потому что она погубила бы индувидуальную жизнь народовъ.

Но если бы эти принципы привести къ взаимодѣйствію, то, съ одной стороны, принципъ національности будетъ способствовать образованію націй, подобно тому, какъ кровная связь послужила къ образованію *семьи* и общность мѣстныхъ интересовъ къ образованію *общины*; съ другой стороны, идея абсолютной индивидуальности, которая уже должна была утратить свою силу, для того чтобы могли образоваться сначала семейство, потомъ община и народность,—перестанетъ оказывать преобладающее вліяніе на международныя сношенія.

Неограниченная свобода и уединеніе, гибельныя для отдѣльнаго лица, вредны также и для народовъ. Нечего опасаться что при совмѣстномъ дѣйствіи народовъ къ удовлетворенію общихъ ихъ потребностей, народы утратятъ самобытность

свойственнаго каждому изъ нихъ духа. Подобно тому, какъ отдѣльный человѣкъ ничего не теряетъ, но много пріобрѣтаетъ живя въ гражданскомъ обществѣ, такъ и для народа полезно и необходимо, но никогда не вредно, жить въ общеніи съ другими.

Эти начала, служащія основаніемъ для разрѣшенія различныхъ вопросовъ международнаго права вообще, должны также быть принимаемы въ основаніе *частнаго* международнаго права.

Въ этомъ послѣднемъ, также какъ и во всѣхъ другихъ частяхъ международнаго права, противостоятъ идеи: *аутономіи*, каждаго государства и *союза народовъ*. Вмѣсто того, чтобы взаимно уничтожать другъ друга, эти идеи должны умѣрять одна другую. Высшее начало, объединяющее ихъ, состоитъ въ томъ, что *международное* общество, также какъ и общество *гражданское*, должно быть устроено такимъ образомъ, чтобы доставить отдѣльной личности возможно лучшую среду для ея усовершенствованія.

.... Всякій законъ, даже къ сферѣ *частнаго* права относящійся, непремѣнно содержитъ въ себѣ постановленія имѣющія основаніемъ не одну частную пользу, но и вызванныя интересами общественными. Послѣднія входятъ въ кругъ дѣйствія верховной власти, въ той мѣрѣ, въ какой необходимо подчинить частную дѣятельность и направить ее, согласовать съ движеніемъ общественнаго развитія. Вслѣдствіе чего такія постановленія и именуются нормами общественнаго порядка (ordre public) и служатъ выраженіемъ аутономіи различныхъ государствъ, властныхъ, по своему усмотрѣнію, заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ и возводить свои предписанія, законы на степень принциповъ общественнаго порядка, морали, религіи, безопасности, самосохраненія, которымъ гражданинъ другаго государства не можетъ противопоставить законъ своей страны. Такіе законы одни называютъ законами порядка общественнаго (lois d'ordre public), другіе—законами положительными строго обязательными (lois positives rigoureusement obligatoires).

Не должно однако думать чтобы вопросы *частнаго* междуна-

роднаго права могли разрѣшаться приведенною классификаціею. Къ ней можно прибѣгнуть только тогда, когда идетъ дѣло о законахъ частнаго порядка (lois d'orde privé) причемъ, разумѣется, автономія государствъ не противодѣйствуетъ требованіямъ, чтобы на законы одного государства можно бы ссылаться въ другомъ; но ею не разрѣшается вопросъ о способѣ примѣненія; будучи, безъ сомнѣнія, вполнѣ правильною, вышеприведенная классификація служитъ скорѣе отрицательнымъ, нежели положительнымъ критеріумомъ. И такъ необходимо обратиться къ высшему принципу. Этотъ принципъ, какъ сказано выше, состоитъ въ томъ, чтобы жизнь отдѣльныхъ лицъ и народовъ подчинялась такому порядку, который бы дѣлалъ общество какъ *гражданское*, такъ и *международное* возможно лучшимъ средствомъ для индивидуальнаго усовершенствованія.

Такъ какъ всѣ творческіе элементы общественной жизни привходятъ въ *частное* международное право, то всѣ они должны оказывать здѣсь свое вліяніе: 1) *національная связь*, потому что національными законами преимущественно опредѣляются: права состоянія и правоспособность и семейныя отношенія; 2) *воля частнаго лица*, въ той мѣрѣ, на сколько ей принадлежитъ регулированіе частныхъ отношеній, (lois supplétives) какъ то въ сферѣ законовъ, относящихся къ договорамъ и обязательствамъ, гдѣ преимущество должно быть отдано тому закону, которому отдѣльное лицо имѣло намѣреніе подчиниться; 3) *автономія* различныхъ государствъ, такъ какъ каждое государство имѣетъ право примѣнять свой собственный законъ, если онъ касается порядка общественнаго, полиціи, общественной безопасности, территоріальнаго устройства, интересовъ религіи и морали); 4) наконецъ *солидарность народовъ*, когда дѣло касается потребностей общихъ всему человѣчеству, и слѣдовательно когда автономія государствъ должна преклониться передъ необходимостью совокупнаго дѣйствія всѣхъ, въ виду общей цѣли.

Силы одной націи недостаточны для удовлетворенія общихъ и всемірныхъ потребностей, возникающихъ непрестан-

но съ улучшеніемъ средствъ сношеній, расширеніемъ торговли и умноженіемъ обмѣна.

Общее дѣйствіе всѣхъ становится необходимостью, напримѣръ, въ наше время, отправленіе правосудія, кара преступниковъ, огражденіе свободы мореплаванія и торговли.... суть дѣло солидарное всѣхъ націй.

Вотъ почему въ этихъ различныхъ отношеніяхъ народы, даже не санкціонировавъ принципа высшаго надъ автономіей отдѣльныхъ государствъ и руководствуясь лишь чувствомъ собственной *пользы*, мало по малу отдѣлились отъ прежней своей обособленности, ограниченности. Такимъ образомъ государства достигли до взаимныхъ уступокъ относительно *исполненія рѣшеній* иностранныхъ судовъ, *выдачи преступниковъ, свободы мореплаванія и торговли.* Безпрерывно умножаясь, эти уступки необходимо должны привести къ союзу и содѣйствію всѣхъ народовъ для удовлетворенія всемірныхъ потребностей.

Институтъ *несостоятельности* имѣетъ одну цѣль: покровительство кредиту, который есть душа торговли.

..... Интересы торговли требуютъ, чтобы въ междугосударственныхъ отношеніяхъ установлена была единая судебная власть, *компетентная* объявлять несостоятельность и рѣшать дѣла до нея относящіяся по мѣсту, гдѣ находится главное обзаведеніе должника: національность его кредиторовъ, мѣсто нахожденіе его имущества и многообразіе обзаведеній не должны имѣть вліянія на подвѣдомственность несостоятельности потому что указанный принципъ имѣетъ какъ съ точки зрѣнія утилитарной, такъ и раціональной, значеніе *универсальнаго* и въ примѣненіи своемъ требующаго совокупнаго дѣйстія всѣхъ государствъ.

Нужно устранить критеріумъ *вещности* и *личности* въ статутахъ и замѣнить его критеріумомъ общей пользы торговли.

...... Слѣдующія правила приведутъ къ практическому примѣненію теоритическаго начала единства и универсальности института несостоятельности:

Компететнымъ судьею въ дѣлахъ объ объявленіи несо-

стоятельности слѣдуетъ признать естественнаго судью должника, т. е. судью, въ вѣдомствѣ котораго должникъ имѣетъ домицилъ.

2) *Законная сила рѣшенія* такого судьи, по отношенію къ другимъ государствамъ, можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ: а) какъ *актъ*, которымъ констатируется извѣстное *состояніе* дѣлъ и установляются извѣстныя послѣдствія: какъ то, лишеніе несостоятельнаго должника права распоряжать своимъ имуществомъ, пресѣченіе къ преслѣдованію должника кредиторами, каждымъ отдѣльно, уничтоженіе или возможность уничтоженія извѣстныхъ гражданскихъ дѣйствій, актовъ. Это констатированіе факта имѣетъ обязательную силу для несостоятельнаго должника, для всѣхъ его кредиторовъ и для всего его имущества, небудучи обращено къ *исполненію* (sans être rendue éxecutoire); оно можетъ быть противопоставлено всякому желающему что либо совершить противное или какъ exceptio rei judicatae, или какъ средство для уничтоженія акта, несогласнаго съ констатированными судьею событіями. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія *объявленіе* несостоятельности не даетъ разумѣется мѣста исполнительнымъ дѣйствіямъ, но имѣетъ отрицательную функцію (efficacité negative), устраняющую всякую сдѣлку, хотя бы заключенную за границею, какъ скоро она клонится къ устраненію послѣдствій, возникающихъ изъ факта признанія должника несостоятельнымъ; интересъ торговли и особенность существа несостоятельности требуютъ, чтобы это такъ и было. б) Это *исполнительный листъ*, служащій основаніемъ къ производству объ обращеніи взысканія на движимое и недвижимое имущество, принадлежащее несостоятельному должнику, и находящееся внѣ предѣловъ того государства, въ которомъ послѣдовало судебное рѣшеніе. Въ этомъ отношеніи, исполнительная сила должна исходить отъ мѣстной власти, во время производства въ которой дѣла, она должна ограничиться разсмотрѣніемъ вопроса о соотвѣтствіи рѣшенія съ публичнымъ правомъ и правилами о подсудности.

Нужно уничтожить то рѣзкое глубокое различіе проводи-

мое учеными между двумя предметами, и которые напротивъ должны подчиняться однимъ и тѣмъ же правиламъ.

Когда дѣло касается публичныхъ актовъ, совершенныхъ за границею у нотаріуса или другаго компетентнаго должностнаго лица, то принято что эти акты, до обращенія ихъ установленнымъ порядкомъ къ исполненію, тѣмъ неменѣе сохраняютъ силу въ той мѣрѣ, чтобы устранить сдѣлки, посредствомъ которыхъ стороны могли бы обойти разъ установленныя между ними договорныя отношенія. Напротивъ того, когда идетъ дѣло о законной силѣ судебнаго рѣшенія, постановленнаго иностраннымъ трибуналомъ, оно до тѣхъ поръ не имѣетъ никакого значенія и силы, пока со стороны властей государства, гдѣ должно быть исполненіе, не послѣдуетъ на то разрѣшенія (pareatis), хотя бы рѣшеніемъ по частному дѣлу и не затрогивались интересы публичнаго права. Такое разномысліе лишено всякаго основанія.

Есть принципъ, господствующей надъ принципомъ аутономіи государства: это начало въ силу котораго государства должны помогать одно другому въ дѣлѣ правосудія.— Отсюда вытекаетъ послѣдствіе, что законное предположеніе, по которому судебное рѣшеніе принимается за истину, не должно ограничиваться предѣлами государственной территоріи. Рѣшенія иностранныхъ судовъ, какъ постулятъ какъ бы судебнаго договора (quasicontrat judiciaire) должны, наравнѣ съ актами совершенными за границею, имѣть даже прежде разрѣшенія ихъ къ исполненію, обязательную силу въ другихъ государствахъ,—силу достаточную для того, чтобы устранить возможность для контрагентовъ уклониться отъ принятыхъ обязательствъ. Когда же дается *разрѣшеніе* на приведеніе въ дѣйствіе рѣшенія иностраннаго суда (pareatis), то вѣдь не оно даетъ бытіе рѣшенію: истинно только то, что существующій и правомѣрный актъ, рѣшеніе, регулирующее частный интересъ, получаетъ санкцію общественной власти, силу (imperium) и значеніе исполнительное, вслѣдствіе котораго и возникаетъ возможность исполнительнаго судопроизводства, въ тѣсномъ смыслѣ его.

Конкурсъ... правила учрежденія конкурса, собраніе, въ ко-

торомъ оно должно состояться, большинство необходимое для изъявленія согласія, возраженія, которыя при этомъ могутъ быть допущены, ихъ форма, поводы къ разрѣшенію или уничтоженію конкурса, судебное утвержденіе и его послѣдствія,—составляютъ предметы публичнаго права: слѣдовательно каждое государство, въ которомъ принято объявленіе несостоятельности, имѣетъ право примѣнять въ этихъ случаяхъ свои собственные законы.

По какимъ законамъ долженъ быть разрѣшаемъ вопросъ о правоспособности несостоятельнаго должника для учрежденія надъ нимъ конкурса? Должно ли въ этомъ случаѣ руководствоваться законами того государства, къ которому принадлежитъ несостоятельный, или того, въ которомъ открылась его несостоятельность? Сомнѣніе возникаетъ здѣсь оттого, что по началамъ справедливости *правоспособность* лица должна опредѣляться его *національными* законами. Но если принять въ соображеніе что законами разныхъ государствъ извѣстныя лица лишаются права пользоваться льготою конкурса, единственно на основаніи мотивовъ нравственныхъ, то очевидно что каждое государство, гдѣ объявляется несостоятельность, вправѣ руководствоваться своими законами.

Самые важные вопросы относительно конкурса относятся къ дѣйствію въ другихъ государствахъ конкурса открытаго и утвержденнаго *мѣстнымъ* трибуналомъ страны, въ которой производится дѣло о несостоятельности. Будетъ ли онъ обязателенъ для кредиторовъ націи и иностранныхъ, не принимавшихъ участія ни въ собраніи, ни въ обсужденіи причинъ, его вызвавшихъ, ни въ самомъ учрежденіи его?

Несостоятельный должникъ, который въ силу сдѣлки съ своими заимодавцами, возстановленъ въ распоряженіи имуществомъ, находящимся въ предѣлахъ его отечества, получитъ ли подобное право на имущество, состоящее внѣ предѣловъ государства? Для того, чтобы конкурсъ имѣлъ такое дѣйствіе за границею, долженъ ли онъ предварительно, установленнымъ порядкомъ, быть разрѣшеннымъ къ исполненію.

Прежде разрѣшенія этихъ сомнительныхъ вопросовъ, разсмотримъ различныя системы, предлагаемыя писателями.... Системы, по которымъ конкурсъ не можетъ быть утвержденъ и получить исполнительную силу внѣ страны, въ которой онъ учрежденъ, не могутъ быть приняты, такъ какъ онѣ дѣлаютъ не возможною *универсальность* несостоятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе конкурса могущаго имѣть дѣйствительное, а не фиктивное значеніе. Интересъ всѣхъ народовъ, требуетъ, чтобы конкурсъ былъ возможенъ и обязателенъ, что бы дѣйствіе его было универсальное, какъ по отношенію къ имуществу, такъ и по отношенію къ кредиторамъ. Необходимо отвергнуть также и доктрину тѣхъ, которые, увлекаясь исключительно мыслью, что несостоятельность опредѣляется *вещнымъ* статутомъ, хотя и считаютъ конкурсъ обязательнымъ для всѣхъ кредиторовъ, какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ, но только въ отношеніи къ имуществу, находящемуся въ отечествѣ должника, но что же касается случая, когда имущество состоитъ въ другихъ странахъ, требуютъ что бы въ послѣднихъ конкурсъ былъ обращенъ предварительно къ исполненію. Однажды допустивъ что иностранные кредиторы должны сами подчиниться конкурсу, необходимо, вмѣстѣ съ тѣмъ, допустить что претензіи ихъ приведены конкурсомъ до извѣстнаго размѣра по удовлетворенію и что кредиторы не могутъ требовать съ должника болѣе. Это ограниченіе ихъ претензій сдѣлалось бы *призрачнымъ* если бы они сохраняли всю полноту своихъ правъ на имущество, находящееся внѣ государства и могли бы, прежде обращенія судебнаго объявленія несостоятельности къ исполненію, самостоятельно преслѣдовать должника и обращать взысканіе на его имущество, подвергая его продажѣ, въ мѣстѣ его нахожденія въ другомъ государствѣ.

Послѣ всего этаго справедливо ли что для распространенія дѣйствія конкурса на иностранныхъ кредиторовъ и на имущество должника и находящееся за границею, должно предварительно получить разрѣшеніе о приведеніи конкурса въ исполненіе. Въ этомъ можно сомнѣваться, потому что

распоряженіе суда, которымъ утверждается конкурсъ, хотя и квалифицируется судебнымъ рѣшеніемъ, но въ дѣйствительности составляетъ лишь *охранительную* мѣру, предпринимаемую со стороны суда въ интересахъ кредиторовъ, мѣру, имѣющую двоякое дѣйствіе, какъ *частнаго договорнаго акта* и какъ *публичнаго*, возводящаго конкурсъ до установленія, обязательнаго даже для тѣхъ, кто не изъявилъ согласія на учрежденіе его. Конкурсъ есть ничто иное какъ *специальная юридическая сдѣлка*, откуда, безъ сомнѣнія, прежде всего слѣдуетъ, что если одинъ изъ иностранныхъ кредиторовъ согласился на нее, то это согласіе можетъ быть противопоставлено ему на случай требованія о предварительномъ разрѣшеніи къ исполненію. Гораздо важнѣе сомнѣніе относительно тѣхъ кредиторовъ, которые не принимали участія въ конкурсѣ. На первый взглядъ кажется не возможнымъ, что бы судебное утвержденіе одного государства могло быть обязательно для кредиторовъ другаго государства, которые не давали своего согласія. Тѣмъ не менѣе, если принять во вниманіе, что даже и иностранные кредиторы должны подчиняться юрисдикціи о несостоятельности, что только *компетентному* о несостоятельности суду принадлежитъ надзоръ по производству дѣла, въ лицѣ назначеннаго для того судьи,— коммисара, только тотъ же судъ можетъ рѣшить вопросъ объ утвержденіи конкурса или объ отказѣ въ томъ, что наконецъ иностранный кредиторъ можетъ тому же суду представить возраженія противъ конкурса и требовать уничтоженія его, то можно съ основательностію заключить, что какъ скоро постановленіе объ объявленіи несостоятельности получило *исполнительную силу* въ тѣхъ государствахъ, гдѣ должны происходить исполнительныя дѣйствія, то уже не предстоитъ надобности въ разрѣшеніи о приведеніи въ дѣйствіе позднѣйшихъ постановленій, опредѣленій того суда, служащихъ дальнѣйшемъ развитіемъ конкурснаго процесса. Въ самомъ дѣлѣ, вопросы въ дѣлѣ несостоятельности могущіе затрогивать публичное право другаго государства, сводятся въ сущности къ вопросу о *компетентности* открытія, объявленія несостоятельности. Такъ какъ всякая опас-

ность въ этомъ отношеніи устраняется необходимостью разрѣшенія на приведеніе въ *дѣйствіе* по мѣсту нахожденія имущества должника, *опредѣленія* объ его несостоятельности, то требованіе *exequatur*, относительно опредѣленія суда, касающихся частныхъ интересовъ кредиторовъ, внесло бы лишь запутанность въ такой процессъ, достоинство котораго прежде всего заключается въ скорости и во взаимномъ довѣріи государствъ. Этотъ взглядъ согласуется и съ вышеизложенными принципами: конкурсъ есть договоръ, каждыйвъ немъ участвующій въ правѣ противопоставить его—путемъ эксцепціи и нѣтъ по этому надобности въ спеціальномъ exequatur.

Эта теорія не согласна съ духомъ многихъ положительныхъ законодательствъ, а между тѣмъ, она всего лучше соотвѣтствуетъ *всеобщей пользѣ* государствъ, выгодѣ самихъ кредиторовъ и природѣ предмета. Самое авторитетное подтвержденіе этаго мнѣнія представляютъ слѣдующія слова Ансальда, одного изъ великихъ авторитетовъ торговаго права:

«Concordia bona fide et ad utilitatem omnium geritur res creditores, nec respicitur utrum effectus debitoris sint in ditione vel extra; quia aes alienum uninversum patrimonium respicit, nec restringitur ad facultates certi loci, sed bona omnia ubique existentia, favore omnium creditorum amplectitur.»

На этихъ именно началахъ зиждется юриспруденція двухъ государствъ, по преимуществу торговыхъ, Англіи и Америки.

(*Jour. du droit intern. privé.*)

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ

ЗАСѢДАНІЕ СЪѢЗДА РУССКИХЪ ЮРИСТОВЪ ВЪ МОСКВѢ 6 ІЮНЯ 1875 ГОДА. *)

(продолженіе.)

По обсужденіи реферата профессора В. Н. Лешкова „*о правѣ промышленности, какъ основаніи для отличенія правъ торговаго и вексельнаго отъ гражданскаго*" о которомъ мы сообщили нашимъ читателямъ подробный отчетъ (Юрид. Вѣст. 1875 кн. 7,8 и 9 Совр. отд.), приступлено было по предложенію председателя Съѣзда Сенатора Н. В. Калачова къ выслушанію предложеній: 1) сенатора С. И. Заруднаго, „*объ изданіи т. X. свод. зак. дополненнаго въ самомъ текстѣ статей всѣми узаконеніями, вошедшими въ продолженія законовъ*"; 2) Оберъ Прокурора Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената А. А. Книрима „*о необходимости новой кодификаціи гражд. права матеріальнаго, въ замѣнъ 1 ч. X. т. свод. зак. граж. и большей части статей торговаго устава съ указаніемъ, какъ совершить эту работу;*" и 3) присяж. пов. А. М. Фальковскаго и М. П. Соловьева, „*объ изданіи гражданскаго уложенія Россійской имперіи съ изложеніемъ причинъ необходимости отмѣны мѣстныхъ сводовъ гражданскихъ узаконеній, нынѣ дѣйствующихъ, и указаніемъ основныхъ положеній, могущихъ служить къ объединенію въ Россіи гражданскаго права*".

---

*) Въ изложеніи нашего отчета мы старались сохранить лишь сущность преній, отступая наичаще отъ формы ихъ выраженія, такъ какъ труды съѣзда будутъ особо изданы редакціонной коммиссіею.

Докладъ этихъ кодификаціонныхъ вопросовъ возложенъ былъ на одного изъ секретарей съѣзда, а именно, на А. М. Фальковскаго. Какъ извѣстно изъ прежнихъ нашихъ отчетовъ, отъ Сенатора С. И. Заруднаго прислано было мотивированное предложеніе (Юрид. Вѣст. 1874 г. кн. 5 и 6 совр. отд. стр. 8 и 9), по второму же изъ предложеній, т. е. А. А. Книрима, не было доставлено письменнаго изложенія мотивовъ; докладъ А. М. Фальковскаго и М. П. Соловьева представленъ въ день засѣданія съѣзда. Содержаніе этого доклада уже извѣстно читателямъ Юридическаго Вѣстника (Юрид. Вѣстн. 1875 г. кн. 4, 5 и 6, Совр. отд. стр. 1—12).

Начавъ съ доклада предложенія Сенатора С. И. Заруднаго, референтъ прежде всего замѣтилъ, что предлагаемое изданіе зак. гражд. едва ли необходимо, въ виду того, что при новомъ изданіи законовъ эта работа будетъ выполнена II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и что сотрудничество книгопродавцамъ и ожиданіе отъ предпріятія денежной выгоды *неумѣстно* по отношенію къ собранію, если только не раздѣлять мнѣнія одного Петербургскаго публициста, насчитавшаго въ Россіи только двухъ ученыхъ юристовъ. На сколько бы ни было практично и на сколько бы предлагаемое частное изданіе Гражд. Зак. ни вело къ облегченію занятій судьи, адвоката и т. д. обсужденіе его съѣздомъ, задача и цѣль котораго заключаются въ указаніи возможныхъ улучшеній, измѣненій въ нашемъ частномъ правѣ и въ сообщеніи новаго направленія отечественной юриспруденціи, представляется дѣломъ неудобоисполнимымъ. Все это, заключилъ докладчикъ, нисколько не роняетъ лицо, предложившее изданіе, не можетъ быть поставлено въ какую либо вину уважаемому автору предложенія, тѣмъ болѣе, что это послѣднее принято было Коммиссіею и внесено въ программу занятій съѣзда.

Предсѣдатель Съѣзда **Н. В. Калачовъ** замѣтилъ, что, на сколько ему извѣстно, мысль С. И. Заруднаго заключается въ томъ, чтобы дать всѣмъ юристамъ такой сводъ, который бы могъ быть полезенъ всѣмъ безъ исключенія и потому онъ предлагаетъ лицамъ компетентнымъ, не такимъ какими можно считать Анисимова и К°, вовсе неимѣющихъ надлежащихъ юридическихъ познаній, занятся соединеніемъ продолженій законовъ съ текстомъ закона, которые часто находятся въ противорѣчіи и II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи еще не согласованы между собою.

М. П. Соловьевъ, ссылаясь на то, что предложеніе Сенатора С. И. Заруднаго было разсмотрѣно и принято Коммиссіею по устройству Съѣзда, которая не могла не дорожить однимъ изъ первыхъ заявленій отъ лица столь компетентнаго, выражавшимъ одну и ту же общую мысль, приводимую во всѣхъ вопросахъ гражданскаго отдѣленія съѣзда: о неудовлетворительности свода гражданскихъ законовъ, полагалъ, что вопросъ объ умѣстности предложенія С. И. Заруднаго не только совершенно устраняется, но что и становится очевидною необходимость серьезнаго и полнаго вниманія и обсужденія программы предлагаемаго изданія. Обращаясь къ существу предложенія, М. П. Соловьевъ, выразивъ сочувствіе къ дѣлу Свод. Зак. Гражд., дополненнаго въ текстѣ постановленіями вошедшими въ продолж. зак., находилъ, что вѣроятно, С. И. Зарудный имѣлъ въ виду работу, подобную его изданію Итальянскаго уложенія, вторая часть котораго заключаетъ комментаріи. Въ заключеніе своей рѣчи М. П. Соловьевъ дополнилъ что, въ принципѣ, онъ противъ проектируемаго изданія, такъ какъ оно не устраняетъ ни одного изъ недостатковъ нашего гражданскаго закона.

В. Д. Спасовичъ, находилъ что, предложеніе С. И. Заруднаго вызвано было отчасти и недовѣріемъ къ тому что бы новое изданіе законовъ, если бы оно было предпринято II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, могло устранить затрудненія въ примѣненіи свода зак. съ его продолженіями, потому, что всѣ подобнаго рода редакціонныя работы, въ послѣднее время, оказывались весьма неудовлетворительны; что появленіе оффиціальнаго изданія свод. зак. гражд., едвали желательно, а, напротивъ того, можно скорѣе надѣяться достиженія цѣли въ изданіи частнаго лица. Конечно, продолжалъ В. Д. Спасовичъ, что обращеніе по этому предмету къ съѣзду составляетъ небольшую ошибку, такъ какъ оно могло имѣть и такой смыслъ: „*не найдутся ли на съѣздѣ цивилисты, которые согласились бы принять на себя трудъ изданія св. зак. гражд. и распредѣлить между собою и работу*“ Но, закончилъ г. Спасовичъ, дѣлать предложеніе предметомъ обсужденія съѣзда едвали удобно, не смотря на практическое его значеніе въ настоящую минуту.

К. А. Рихтеръ. Обращаясь къ содержанію предложенія С. И. Заруднаго, распадающагося на двѣ части, изъ которыхъ въ первой указывается на необходимость изданія св. зак. гражд.,

дополненнаго въ текстѣ всѣми постановленіями и дополненіями по продолж. зак., безъ измѣненія нумераціи статей, и во второй на то, не найдутся ли члены съѣзда желающіе принять на себя трудъ и издержки самого изданія, выразилъ, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія А. М. Фальковскаго о неумѣстности предложенія. Необходимость предлагаемаго изданія ясно доказывается обращеніемъ юристовъ практиковъ къ частнымъ изданіямъ. Едвали, возможно видѣть что либо оскорбительное въ предложеніи почтеннаго труда, отъ котораго можно ожидать общей пользы.

М. Г. Шимановскій (Членъ Казанскаго Окружнаго Суда) прежде всего остановилъ вниманіе съѣзда на томъ, даетъ ли С. И. Зарудный какія либо указанія о способахъ приведенія въ исполненіе его предложенія. По мнѣнію г. Шимановскаго, легко поставить задачу о соединеніи текста гражд. узак. съ дополненіями и измѣненіями по продолж. зак., но найдется ли такой юристъ, который бы рѣшился принять на себя такой трудъ, тогда какъ наиболѣе компетентное учрежденіе —II Отдѣл. Собственной Его Величества Канцеляріи не всегда находитъ возможнымъ опредѣлить точно, что такая-то статья гражд. закон. отмѣнена или измѣнена тѣмъ или другимъ постановленіемъ по продолж. законовъ. Но допуская даже возможность успѣшнаго частнаго изданія Зак. Гражд. въ предлагаемой формѣ, спрашивается какое же практическое значеніе можетъ имѣть подобный трудъ для судьи, адвоката и т. д., трудъ зависящій отъ болѣе или менѣе удачныхъ умозаключеній составителя такого свода, ни для кого необязательнаго. На этомъ основаніи г. Шимановскій, признавая подобныя работы полезными для законодательныхъ соображеній, пришелъ къ отрицанію пользы ихъ для судебной практики и наконецъ выразилъ сомнѣніе и въ томъ, что бы могли оказаться желающіе осуществить предлагаемое изданіе.

А. В. Соколовъ началъ съ заявленія полнаго уваженія къ предложенію Сенатора С. И. Зарудпаго, какъ къ мѣрѣ *паллiативной* до будущаго изданія гражданскаго уложенія, возражая затѣмъ противъ односторонности мнѣнія тѣхъ, которые находили, что предлагаемое изданіе могло бы принести пользу лишь юристамъ теоретикамъ, А. В. Соколовъ доказывалъ и практическое значеніе предложенія С. И. Заруднаго.

По этому, частная инціатива русскихъ юристовъ посредствомъ образованія изъ среды своей коммиссіи, которая не

механически, но по предварительномъ изслѣдованіи недомолвокъ, противорѣчій и несходства въ ст. гражд. закон. съ продолженіями къ нимъ, устранила бы затрудненія въ примѣненіи законовъ, представляется въ высшей степени полезною и желательною и сверхъ того такая работа могла бы послужить въ будущемъ важнымъ пособіемъ и для законодательныхъ учрежденій. Наконецъ вслѣдствіе того, что II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, сверхъ редакціи уполномочено и въ отношеніи соотвѣтственности издаваемыхъ продолж. зак. съ общимъ духомъ отечественнаго права и что этимъ путемъ, многія новыя положенія проникли въ сводъ, а другія были отмѣнены, не подлежитъ сомнѣнію, что означенное учрежденіе, воспользовавшись частнымъ изданіемъ зак. гражд. и исправя его чисто редакціоннымъ способомъ, не замедлило бы санкціонировать совершенное частными усиліями предпріятіе и сообщить ему практическое значеніе. Разумѣется, заключилъ А. В. Соколовъ, что все это не можетъ быть предметомъ обсужденія съѣзда, въ полномъ его составѣ; но ничто не мѣшаетъ заняться дѣломъ отдѣльнымъ членамъ собранія, сообщить свои изслѣдованія и замѣчанія напр. Юридическому Обществу, которое въ свою очередь могло бы представить исполненныя работы на благоусмотрѣніе II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи.

Ѳ. Ф. Балашевичъ, признавая полезнымъ предлагаемое С. И. Заруднымъ изданіе, съ своей стороны высказалъ предложеніе объ изданіи св. гражд. зак. дополненнаго болѣе подробными цитатами изъ полнаго собранія законовъ. По мнѣнію его, какъ ни трудна подобная работа, но она дала бы возможность юристамъ практикамъ изучать русское частное право по его источникамъ и послужило бы къ устраненію многихъ споровъ о смыслѣ и примѣненіи гражд. закон.

А. М. Фальковскій, выразивъ сожалѣніе что рѣчь его дала поводъ къ возраженіямъ основаннымъ на не вполнѣ, какъ ему кажется, понятой основной его мысли, дополнилъ, что онъ не имѣлъ намѣренія высказать что либо касавшееея лично автора предложенія, а только желалъ опредѣлить отношеніе вопроса къ собранію, къ средствамъ, которыми оно располагаетъ для осуществленія проэкта С. И. Заруднаго, и къ ожидаемымъ отъ исполненія результатамъ. Затѣмъ, въ виду предстоящихъ обсужденію съѣзда кодификаціонныхъ вопросовъ, Г. Фальковскій об-

ратился съ просьбою не признаетъ ли Съѣздъ возможнымъ постановить свою резолюцію одновременно по всѣмъ предложеніямъ, требующимъ пересмотра гражд. зак. и устава торговаго?

А. И. Морозовъ обратился съ предложеніемъ не признаетъ ли съѣздъ возможнымъ постановить мнѣніемъ: «чтобы оффиціальное изданіе законовъ гражданскихъ и торговыхъ совершалось въ менѣе продолжительные періоды времени». Извѣстно всѣмъ, что оно должно совершаться чрезъ каждые 10 лѣтъ, а между тѣмъ послѣднее изданіе имѣетъ дѣйствіе въ продолженіи 18 лѣтъ, что крайне затрудняетъ изученіе нашего положительнаго гражданскаго и торговаго права.

Г. Предсѣдатель, сенаторъ **Н. В. Калачовъ** замѣтилъ, что предложеніе Г. Морозова не можетъ быть принято къ обсужденію, какъ совершенно новое и не вошедшее въ программу занятій съѣзда.

Г. Морозовъ возразилъ, что не возможно отрицать необходимость слiянія статей св. зак. съ продолженіями, не отрицая въ тоже время пользу опредѣленнаго и хорошо составленнаго свода.

Затѣмъ Г. Предсѣдатель предложилъ собранію, прежде нежели приступить къ обсужденію другихъ предложеній постановить заключеніе *по выслушанному*—С. И. Заруднаго, которое, по мнѣнію г. Предсѣдателя, *вполнѣ основательно, но съѣздъ не можетъ принять на себя его исполненіе.*

В. Д. Спасовичъ находилъ необходимымъ для устраненія всякаго недоразумѣнія дополнить редакцію предложенія объясненіемъ, что оно относится не къ *оффиціальному* изданію св. зак. гражд. а къ *частному,* на что г. Предсѣдатель замѣтилъ, что это само собою понятно.

Большинство членовъ съѣзда, относительно выслушаннаго предложенія сенатора С. И. Заруднаго, согласилось съ заключеніемъ Предсѣдателя сенатора Н. В. Калачова.

Переходя ко второму изъ предложеній А. А. Книрима «*о необходимости новой кодификаціи гражданскаго права матеріальнаго въ замѣнъ 1 ч. X т. св. зак. гражд. и большей части статей торговаго устава съ указаніемъ какъ совершить эту работу*», референтъ остановилъ особенное вниманіе съѣзда на то, что это предложеніе, подобно предшествовавшему, исходитъ также отъ лица вполнѣ компетентнаго и занимающаго высокій постъ въ магистратурѣ, отъ человѣка науки и опыта, признаю-

щаго съ своей стороны потребность въ пересмотрѣ всей системы нашего частнаго права и стремящагося къ единству и цѣльности его. Кажется, продолжалъ А. М. Фальковскій, нѣтъ надобности передъ собраніемъ юристовъ распространяться о характерѣ и значеніи нашего торговаго устава, получившаго свое начало въ такое время, когда въ Россіи бытовыя условія коммерціи далеко были не тѣ какъ нынѣ, когда многія формы торговаго кредита игнорировались, въ особенности банковыя, акціонерныя, биржевыя; что по этому самая неполнота дѣйствующаго у насъ торговаго права неизбѣжно ведетъ къ пересмотру торговаго устава для согласованія его съ настоящими потребностями и общества и государства. Къ числу недостатковъ, на которые можно указать въ торговомъ уставѣ, по мнѣнію референта, относятся напр. отсутствіе опредѣленій о договорѣ купли и продажи, сухопутной и по желѣзнымъ дорогамъ перевозки; недостаточное разграниченіе между повѣреннымъ и коммиссіонеромъ; неудовлетворительность узаконеній, относящихся до несостоятельности, существованіе, на ряду съ судебными уставами, порядка судопроизводства во многомъ противоположнаго съ основными началами нашей судебной реформы и проч. Далѣе утверждалъ референтъ, вслѣдствіе одинаковости условій и системы кодификаціи матеріальнаго права, относительно торговаго, онъ можетъ ограничиться тѣми же соображеніями, какія имъ будутъ высказаны въ предложеніи объ изданіи гражданскаго уложенія для Россіи и въ настоящую минуту позволяетъ себѣ обратить вниманіе гг. юристовъ, что самая многочисленность кодификаціонныхъ вопросовъ, предложенныхъ съѣзду, уже показываетъ жизненное значеніе для нашего времени полнаго и общаго пересмотра нашихъ гражд. зак.

Затѣмъ А. М. Фальковскій доложилъ съѣзду, извѣстное уже нашимъ читателямъ, предложеніе *объ изданіи гражданскаго для Россіи уложенія* *).

М. П. Соловьевъ счелъ необходимымъ въ дополненіе выслушаннаго доклада сказать нѣсколько словъ о государственномъ значеніи общаго для Россіи гражданскаго уложенія.

Приведя высказанныя имъ соображенія по поводу реферата В. Н. Лешкова, имѣвшія цѣлью напомнить, что содержаніе граж-

*) Книжка 4, 5 и 6 Юридич. Вѣстн. 1875 г. Соврем. Отд. стр. 1—12.

данскаго права не исчерпывается одними только имуществен-ными отношеніями, но въ него входятъ и опредѣленія *граждан-скаго значенія личности* человѣка, г. Соловьевъ продолжалъ, что если, съ одной стороны, гражданское право есть продуктъ, въ которомъ высказывается народный характеръ, то съ другой сто-роны нельзя не допустить, что гражданское право, дѣлаясь за-кономъ, обще-обязательной нормой гражданскихъ дѣйствій, не-зависимой отъ произвола отдѣльной личности, воздѣйствуетъ въ свою очередь на народный характеръ.

Такъ, тогда какъ своебразная система англійскихъ законовъ создала замѣчательныя различія въ имущественномъ и индиви-дуальномъ развитіи Англичанъ, Наполеоновъ кодексъ, возвед-шій личность на высшую ступень самостоятельности, оказалъ значительное вліяніе на характеръ французскаго народа. Отсю-да, по мнѣнію г. Соловьева, возможно придти къ общему поло-женію, что та или другая система гражданскаго законодатель-ства имѣетъ культурное значеніе въ жизни народа, воздѣйст-вуетъ на него извѣстнымъ образомъ, въ особенности же поста-новленіями семейнаго права, создающими первую общественную завязь, среду, отъ свойства которой зависитъ и развитіе каж-дой отдѣльной человѣческой личности и образованіе новыхъ союзовъ. Формируя общество, законы налагаютъ и на него и на личность особую, свойственную ихъ духу, единообразную печать. Внѣшнее политическое объединеніе всегда должно сопровож-даться внутреннимъ, сглаживающимъ безполезныя вредныя внут-реннія различія, установляющимъ возможность одинаковаго бу-дущаго внутренняго развитія и сліянія. Таковымъ прежде всего должно считаться объединеніе гражданскаго права. Переходя къ Россіи, г. Соловьевъ находилъ, что цѣльность гражданскаго законодательства является дѣломъ неотложнымъ; но что дости-женіе этой цѣли можетъ совершиться разными путями. Ближай-шій изъ нихъ, который въ тридцатыхъ годахъ, правительство имѣло мысль избрать и состоявшій въ распространеніи нашего т. X закон. гражд. на другія части государства и между про-чимъ, на царство польское въ отмѣну дѣйствующаго тамъ на-полеонова кодекса, едва ли можетъ нынѣ заслуживать серьез-наго вниманія. Опытъ распространенія нашего свода граждан-скихъ законовъ на царство польское неудался именно потому, что дѣйствующіе тамъ французскіе законы были неизмѣримо выше русскихъ. Наше положительное право не имѣетъ той ясной юриди-

ческой основы, которая положена въ кодексѣ Наполеона, но представляетъ собою неполный, несвязный несложный сводъ институтовъ, выработанныхъ или заимствованныхъ во время исторической жизни великорусскаго племеннаго государства; въ нашемъ правѣ мы видимъ чрезмѣрное, неоправдываемое болѣе дѣйствительной жизнью преобладаніе каноническихъ началъ въ институтахъ семейнаго права и притомъ весьма одностороннее, ибо устранены, напр. каноническія правила объ усыновленіи, восприятіе которыхъ и теперь было бы весьма желательно; съ другой стороны подъ видомъ обще русскихъ институтовъ постановленія наслѣдственнаго и поземельнаго права въ сущности являются ничѣмъ инымъ, какъ правомъ сословнымъ, продуктомъ дружинныхъ и помѣстныхъ отношеній, сложившихся въ московскій періодъ русской исторіи, которыя привлекали на себя весьма понятное особое вниманіе государственной власти, которые оставили потому слѣды въ большемъ количествѣ письменныхъ законодательныхъ актовъ и благодаря этому обстоятельству въ эпоху кодификаціи получили ошибочное значеніе общерусскихъ правовыхъ институтовъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ юридическая жизнь великорусскаго народа никогда не исчерпывалась этими нормами. Вслѣдствіе такого *бумажнаго* отношенія въ системѣ гражданскихъ законовъ, просмотрѣны были институты величайшей важности, искони существовавшіе въ Россіи и у всего славянства, напр. общинное землевладѣніе. Далѣе въ нашъ сводъ, кромѣ каноническихъ и дворянскихъ постановленій, были приняты впослѣдствіи немногія положенія римско-французскаго договорнаго права. Эти элементы стоятъ безъ внутренней связи другъ съ другомъ. Нормы гражданской дѣятельности, выражающія по мнѣнію составителей свода, продуктъ юридическаго развитія русскаго народа, ставшія тѣсными и неудобными и для русскаго народа очевидно не могли безъ государственнаго вреда вытѣснить болѣе совершенное законодательство провинцій русской имперіи, имѣвшихъ свои мѣстные законы. Потому мысль о распространеніи нашего свода гр. зак. на эти провинціи должна быть оставлена. Затѣмъ другой путь, который можно бы избрать есть составленіе *своднаго* уложенія *изъ нашего X т. ч. I и мѣстныхъ* узаконеній долженъ быть отвергнутъ, какъ неудобоисполнимый по различію источниковъ права, такъ и потому, что онъ и не можетъ привести къ единству и цѣльности гражд. законовъ. Въ заключеніе же г. Соловьевъ, охарактеризовавъ сводъ

гражд. узак. Остз. губ., сдѣлалъ выводъ что единственный путь для объединенія гражданскаго права представляется совершенно самостоятельная дѣятельность русскаго народа въ лицѣ представителей его юридическаго мышленія — *юристовъ*, которая должна выразиться въ полномъ пересмотрѣ гражд. законовъ имперіи общихъ и мѣстныхъ, новой ихъ кодификаціи и составленіи одного общаго гражд. уложенія, что предварительную работу по этому предмету: критику свода и мѣстныхъ законовъ и общія положенія кодекса можно бы поручить особой изъ юристовъ коммиссіи, уполномоченной заняться этимъ дѣломъ по закрытіи съѣзда.

В. Д. Спасовичъ *) съѣзду придется выбирать одно изъ двухъ предложеній или то, которое выражено въ 3 § программы и предлагаетъ просто на просто совершенствовать наши гражданскіе законы, не задаваясь пока никакими идеями объ ихъ объединеніи, или того, которое, внося въ задачу политическій элементъ, предлагаетъ двѣ цѣли: и совершенствовать и объединять. Ссылаясь далѣе на законы динамики, полагалъ, что создать всероссійское гражданское уложеніе—задача несравненно болѣе обширная, чѣмъ усовершенствовать національное великорусское гражданское право, а такъ какъ то патріотическое чувство, которымъ внушена идея объединенія, не можетъ помириться съ безконечно долгимъ временемъ потребнымъ на это дѣло, то скорости будетъ принесено въ жертву совершенство работы и въ результатѣ получится передѣланная кое какъ наскоро, I ч. X т. и введенная потомъ обязательно во всѣ области обширной имперіи. Сомнительно, по словамъ г. Спасовича, будетъ ли отъ этаго въ выигришѣ какая либо страна, тамъ гдѣ господствуетъ книга Донича, или та, которая произвела законъ Вахтанга. Еще печальнѣе будетъ участь областей, которыхъ законы гражданскіе въ культурномъ отношеніи выше нашей I ч. X т., потому что наша I ч. X тома *принадлежитъ по своей техникѣ къ семьѣ законодательствъ, средневѣковыхъ, она вся состоитъ изъ казусовъ необобщенныхъ, она не переработана наукою, она не построена дедуктивно, она*

---

*) Къ сожалѣнію, мы не считаемъ себя въ правѣ воспроизвести буквально всю рѣчь г. Спасовича, такъ какъ она in extenso имѣетъ быть помѣщена въ изданіи съѣздомъ своихъ трудовъ. Ред.

поражаетъ рѣзкостью противоположныхъ началъ не согласованныхъ, непримиримыхъ, безъ всякихъ оттѣнковъ и градацій. Обращаясь къ Литовскому статуту, г. Спасовичъ доказывалъ что отмѣну статута и введеніе свода нельзя никакъ назвать событіемъ благопріятнымъ для страны, гдѣ господствовалъ статутъ, потому что они много хорошихъ вещей разрушили и заставили сдѣлать шагъ назадъ въ развитіи; что защитники объединенія напираютъ на то что вводимы были законы гражданскіе одного народа въ жизнь другихъ народовъ и послѣ короткаго періода времени прививались, были усвоиваемы; но что при этомъ не слѣдовало бы имъ забывать, что удачи совершились при условіяхъ, что вводимый законъ, въ культурномъ отношеніи, былъ гораздо выше того закона, который онъ вытѣснялъ. Далѣе г. Спасовичъ утверждалъ, что только единство *политическихъ* нормъ можетъ быть отстаиваемо какъ необходимое условіе, но что *единство гражданскихъ нормъ, хотя и возможно, но вовсе не желательно*, и что онъ отвергая всякую мысль объ объединеніи гражданскаго права имперіи, стоитъ за болѣе скромную задачу кодификаціи великорусскаго гражданскаго права, при успѣшности которой, быть можетъ, и страны управляемыя мѣстными своими законами, пожелаютъ ее усвоить.

А. М. Фальковскій, возражая В. Д. Спасовичу, замѣтилъ, что кажется, уважаемый оппонентъ не удостоилъ достаточнымъ вниманіемъ докладъ, изъ котораго видно, что въ немъ не идетъ рѣчь объ *абсолютномъ* объединеніи частнаго права, не навязываются окраинамъ Россіи законы, въ культурномъ отношеніи стоящіе ниже *мѣстныхъ*, а предлагается совокупный пересмотръ гражданскихъ законовъ какъ *общихъ*, такъ и *мѣстныхъ* при дружномъ дѣйствіи всѣхъ нашихъ духовныхъ силъ и не съ *политическою* цѣлью, но съ цѣлью *гражданской равноправности*. Такое дѣло не можетъ вызвать ни тѣхъ чувствъ въ жителяхъ странъ, пользующихся особыми гражданскими законами, ни тѣхъ затрудненій, ни тѣхъ послѣдствій, на которыя угодно было указать оратору. Предложеніе соединенія дѣйствующаго права въ одно цѣлое имѣетъ исходною основною мыслью не внѣшнее, насильственное объединеніе, а цѣльный жизненный процессъ народной дѣятельности, взаимные обмѣнъ и ассимиляцію правовыхъ нормъ, возможность обобщенія наибольшей части институтовъ гражданскаго права, приведенія ихъ къ единству началъ и цѣльности системы. Далѣе при глубоко сознаваемой необходимости усо-

вершенствованія нашей 1 ч. X т., что можетъ быть достигнуто только *уложеніемъ*, естественно возникаетъ мысль объ *общемъ* гражданскомъ уложеніи, которое не можетъ нанести ущербъ достоинству странъ, изъ которыхъ многія надѣлены же чуждыми ихъ національной жизни кодексами. Не о силѣ стало быть дѣло тутъ идетъ, но объ общей творческой дѣятельности для изданія единаго для Россіи гражданскаго кодекса наиболѣе соотвѣтствующаго настоящимъ бытовымъ условіямъ народностей, въ составъ имперіи входящихъ. Въ трудѣ, который придется для этого совершить, составители предложенія конечно видятъ и средство одновременно поднять великорусское право на возможно высшій уровень его развитія и, въ этомъ его видѣ, уже распространить на остальныя части государства, оставя, быть можетъ, въ силѣ лишь немногія мѣстныя узаконенія, тѣсно связанныя *съ существенными особенностями* каждаго края. Когда Правительство отмѣнило дѣйствіе Литовскаго статута, оно же оставило съ силѣ нѣкоторыя изъ его постановленій. Этотъ пріемъ здѣсь порицается; но *уложеніе* и не можетъ повторить его. Во всякомъ случаѣ, соображенія, высказанныя г. Спасовичемъ, какъ направленныя противъ положеній, или не высказанныхъ въ докладѣ, или же выраженныхъ совершенно въ иномъ смыслѣ, какой имъ придаетъ энергичный оппонентъ, не могутъ считаться опроверженіями.

М. П. Соловьевъ въ отвѣтъ на рѣчь В. Д. Спасовича, напомнивъ мнѣніе свое о томъ, что совершенствовать великорусское гражданское право нынѣ возможно только при условіи государственнаго значенія великорусскаго племени т. е. въ формѣ кодекса *обязательнаго для всѣхъ частей государства, гдѣ уровень цивилизаціи, болѣе или менѣе одинъ и тотъ же* и гдѣ слѣдовательно возможны одинаковыя гражданскія нормы, а потому и желательны; что онъ не имѣлъ въ виду мысли распространять нормы, возможныя въ гражданской цивилизованной жизни, на чукчей или киргизовъ, гдѣ онѣ конечно не примѣнимы; что даже и въ странахъ, какъ Франція, гдѣ строго проведено единство закона, допускаются такія изъятія относительно низшихъ расъ (мѣстное арабское право въ Алжирѣ.)

Что касается началъ, которыя должны быть положены въ основаніе общаго гражданскаго уложенія, то, по мнѣнію г. Соловьева, существуютъ общія всѣмъ законодательствамъ начала, при-

нятыя и наукою и составляющія общую теорію права, примѣненіе которой для жизни народа нельзя считать невозможнымъ.

Въ наше время невозможна замкнутая, характерная племенная жизнь. Жизненныя условія складываются однообразно во всѣмъ цивилизованномъ мірѣ. Личныя права почти повсюду одинаковы. Различіе въ нормахъ имущественныхъ отношеній, какъ препятствіе свободному экономическому обороту цѣнностей, повсюду постепенно исчезаютъ, сливаясь въ одну общую систему, всѣмъ одинаково извѣстную, для всѣхъ одинаково удобную. Право слѣдуетъ за жизнью на этомъ пути объединенія и цивилистическаго нивеллированія. Въ этомъ отношеніи заимствованіе хотя и чуждыхъ, но болѣе совершенныхъ, а потому болѣе соотвѣтствующихъ потребностямъ жизни и болѣе удобныхъ юридическихъ нормъ, находитъ себѣ полное оправданіе и постоянно практикуется во всѣхъ новыхъ западныхъ законодательствахъ. Даже наши судебные уставы представляютъ сплошное заимствованіе. По этому опасенія, что введеніе новаго закона не можетъ не сопровождаться сильнымъ потрясеніемъ историческихъ основъ юридическаго быта народа, радикальнымъ переворотомъ въ освященныхъ временемъ частныхъ отношеніяхъ людей, далеко преувеличены и не находятъ оправданія въ исторіи. Напротивъ того, можно указать на примѣры подтверждающіе полное усвоеніе народами чуждыхъ имъ кодексовъ и въ такой мѣрѣ, что попытки реставраціи національнаго стараго права впослѣдствіи встрѣчали сильнѣйшій отпоръ со стороны населеній. Такъ въ провинціяхъ, вошедшихъ въ составъ Рейнскаго союза, созданнаго Наполеономъ I которымъ, въ замѣнъ ихъ національнаго гражданскаго права, силою навязаны были французскіе кодексы матеріальнаго права и судопроизводства, по сверженіи чуземнаго ига и уничтоженіи союза, когда онѣ отошли частью къ Баваріи, частью къ Пруссіи, эта послѣдняя не рѣшилась отмѣнить кодексъ Наполеона, сохранившій дѣйствіе свое и до настоящаго времени: до такой степени провинціи Рейнскаго союза въ немногіе годы успѣли ассимилировать себѣ французское право и привыкнуть къ чуждому имъ кодексу, вытѣснившему, въ силу своего внутренняго совершенства, прежній нѣмецкій законъ, интересы жизни, какъ всегда, взяли верхъ надъ интересами археологической привязанности къ старинѣ.

Тоже почти повторилось и у насъ въ царствѣ Польскомъ, гдѣ, въ началѣ текущаго столѣтія, Наполеонъ предписалъ ввести чуждый странѣ во всѣхъ отношеніяхъ кодексъ Наполеона. Не

прошло десяти лѣтъ, когда въ 1817 году зашла рѣчь о томъ, что бы внести въ кодексъ измѣненія, то за исключеніемъ духовенства и нѣкоторыхъ представителей аристократіи, все остальное населеніе царства высказалось за сохраненіе заимствованнаго отъ Франціи антикатолическаго закона. Можно бы насчитать и много другихъ примѣровъ, заключилъ г. Соловьевъ, но это излишне и онъ остается при убѣжденіи о неотложности объединенія въ Россіи гражданскаго права, которое должно охватить собою великороссійскія равнины и всѣ народности, достигшія одной степени цивилизаціи.

В. Д. Спасовичъ, не убѣждаясь выслушанными возраженіями счелъ необходимымъ, прежде всего, сказать нѣсколько словъ въ опроверженіе мнѣнія А. М. Фальковскаго и именно, относительно оставленія нашимъ законодательствомъ въ силѣ нѣкоторыхъ постановленій Литовскаго статута. По словамъ оратора, такое положеніе не имѣетъ за себя фактической достовѣрности. Стоитъ лишь вспомнить рядъ хорошихъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ гражданскаго и торговаго права, достаточно разоблачившихъ, въ какой степени начала статута, *оторванныя отъ своей почвы, разбросанныя и такъ сказать искалѣченныя*, перемѣшанныя съ положеніями свода (т. X ч I.) примѣняются вкривь и вкось и вовсе не достигаютъ цѣли. Это настоящій фактъ. Обращаясь къ рѣчи другаго своего противника *) г. Спасовичъ, не отвергая возможности теоретическаго построенія права, и задаваясь вопросомъ желательно ли такое обобщенное законодательство отвѣчалъ на послѣдній отрицательно. Можно желать, продолжалъ онъ, общихъ государственныхъ нормъ, но что за бѣда если частныя отношенія людей въ разныхъ странахъ будутъ нормированы различно и какая необходимость къ ихъ объединенію, когда для этого нельзя указать правильнаго основанія. Приведенные примѣры усвоенія чужеземнаго кодекса вытѣснившаго въ Рейнскихъ провинціяхъ нѣмецкій законъ и въ царствѣ Польскомъ прежніе его законы не могутъ быть у насъ предметомъ подражанія, пока не будутъ вполнѣ доказаны хорошія стороны предлагаемаго объединенія и потому онъ г. Спасовичь остается при прежнемъ своемъ заключеніи.

С. А. Муромцевъ, (*нынѣ доцентъ Московскаго Университета*

---

*) М. П. Соловьева.

по каѳедрѣ римскаго права) находилъ что вопросъ объединенія во всякомъ случаѣ долженъ быть послѣднимъ вопросомъ въ процессѣ кодификаціи, что пока мы не имѣемъ предъ собою готоваго русскаго кодекса не возможно сравненіе его съ мѣстными гражданскими узаконеніями и немыслимо распространеніе его на всѣ части государства и дѣло такое слѣдуетъ считать преждевременнымъ. Затѣмъ обращаясь къ мнѣнію весьма распространенному у насъ, что гдѣ то на западѣ существуетъ готовая общая теорія гражданскаго права, теорія содержащая принципы, одинаково примѣнимые ко всѣмъ народамъ и странамъ міра, г. Муромцевъ объяснялъ что вѣра въ такую общую теорію есть чистое заблужденіе и обязана своимъ существованіемъ не вполнѣ вымершимъ представленіямъ объ естественномъ правѣ и не ясному пониманію историческаго факта столь извѣстнаго наукѣ подъ именемъ *рецепціи* римскаго права.

Для Россіи, заключилъ г. Муромцевъ, въ дѣлѣ кодификаціи римское право можетъ конечно быть принято только для соображенія, но не какъ *критеріумъ*. Изученіе нашего обычнаго права и народной жизни вообще должно лечь въ основаніе законодательства; оно то и лучше всего раскроетъ несостоятельность положеній сторонниковъ объединенія. За тѣмъ въ виду безконечнаго разнообразія бытовыхъ условій и потребностей тѣхъ или другихъ классовъ населенія каждой страны, сомнительно, чтобы возможенъ былъ для всѣхъ одинъ гражданскій законъ. Что же касается неудовлетворительности дѣйствующаго у насъ Сводъ Зак. гражд. то по мнѣнію г. Муромцева, повторяя истину давно всѣмъ извѣстную, Съѣздъ этимъ не можетъ оказать существенной пользы и потому слѣдовало бы подумать и о средствахъ къ выходу изъ неудовлетворительнаго положенія. Для этаго г. Муромцевъ полагалъ всего бы лучше образовать Коммисcію для разработки поднятаго вопроса, которая могла бы подготовить дѣло къ будущему Съѣзду.

К. А. Рихтеръ. Въ дополненіе сказаннаго противниками объединенія гражданскаго права, вошелъ въ разсмотрѣніе вопроса, правильное разрѣшеніе котораго, по мнѣнію его, можетъ освѣтить все дѣло и съ точки зрѣнія метода наиболѣе пригоднаго при начертаніи той или другой системы законодательства. Ссылаясь на общеизвѣстное дѣленіе метода на индуктивный и дедуктивный, г. Рихтеръ продолжалъ, что первый изъ нихъ примѣняется когда законодательство, терпѣливо изучая въ част-

ности отдѣльныя явленія юридической жизни народа и формулируя ихъ въ правовыя положенія, строитъ затѣмъ на нихъ общіе принципы права, и второй, когда оно, стремиться осуществить извѣстныя признанныя начала въ отдѣльныхъ, данныхъ случаяхъ. Такъ, по словамъ г. Рихтера, законодательство, отмѣняя крѣпостное право исходило изъ общаго начала равноправности, справедливости, распространяя его на всѣ частности; тому же методу оно слѣдуетъ и тогда когда надобно напр: начертать уставъ какого нибудь учрежденія, общества, однимъ словомъ всякій разъ когда приходится осуществить уже сознанный принципъ. Но когда дѣло идетъ о созданіи самыхъ принциповъ, этотъ методъ никуда не годится и остается только индуктивный т. е. такой, который требуетъ прежде всего изученія явленій, фактовъ, народнаго быта, его частныхъ правовыхъ воззрѣній и затѣмъ уже возможнаго ихъ обобщенія, установленія принциповъ права. Не такъ ли создавалось римское право, институты котораго и донынѣ цивилистами почитаются какъ образецъ юридическаго творчества. Что же нынѣ намъ предлагаютъ сторонники объединенія частнаго права въ Россіи? Привитіе къ нашей русской почвѣ и при томъ дедуктивно началъ добытыхъ другими народами индуктивнымъ опытнымъ путемъ, не замѣчая, что мы живемъ при совершенно другихъ условіяхъ, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ. На этомъ основаніи г. Рихтеръ, имѣя въ виду что обсуждаемое предложеніе именно имѣетъ цѣлью созданіе общихъ началъ, пришелъ къ тому заключенію, что объединеніе гражданскаго права въ такомъ обширномъ государствѣ какъ Русское, совмѣщающее въ себѣ страны, и народы, различные по положенію и характеру, даже опасно и что частное право, какъ выраженіе жизни каждаго народа, должно быть уважаемо и сохраняемо въ дѣйствіи.

Л. А. Куперникъ находилъ что авторы предложенія во время дебатовъ сдѣлали уступки равносильныя отреченію отъ своихъ положеній, отъ первоначальныхъ требованій объ изданіи общаго гражданскаго закона для всѣхъ и отъ безусловной отмѣны мѣстныхъ гражданскихъ узаконеній. По мнѣнію г. Куперника теперь дѣло идетъ уже объ объединеніи въ великорусской равнинѣ, объ оставленіи въ силѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ законовъ. Спрашивается, что же придется объединять, гдѣ та разграничительная черта, которою кончается объединеніе? это остается неразъясненнымъ, да едвали и возможно такое разъя-

сненіе. Обращаясь и къ вопросу возможно ли единство гражданскаго закона въ имперіи столь обширной какъ Россія, г. Куперникъ напомнивъ Римъ, гдѣ не было одного общаго закона для всѣхъ и сѣверную Америку гдѣ почти каждый штатъ имѣетъ свое мѣстное гражд. законодательство, полагалъ, что и у насъ не только не желательно, но и не возможно общее для всего государства гражданское уложеніе.

А. М. Фальковскій, опровергая выслушанныя возраженія просилъ своихъ оппонентовъ обратиться къ историческимъ фактамъ, вспомнить что отечественное законодательство въ 1730,1754 и 1766 годахъ стремилось къ начертанію общаго уложенія и что затѣмъ въ царствованіе Александра I составленъ былъ проектъ такого уложенія и что вопросъ объ отношеніи общихъ законовъ къ мѣстнымъ былъ предметомъ весьма основательнаго обсужденія. Далѣе, что ни онъ, ни его товарищъ по составленію предложенія никакихъ уступокъ не сдѣлали, такъ какъ, и въ первоначальныхъ своихъ соображеніяхъ они не выступали и не могли выступить защитниками *абсолютнаго* объединенія, *такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенія*, что эти послѣднія въ извѣстныхъ отдѣлахъ гражданскаго права должны найти мѣсто, но лишь въ той мѣрѣ въ какой могутъ быть вызваны существенными особенностями каждой изъ окраинъ Россіи и что изъятія неизбѣжны даже при совершенной *однородности населенія* въ государствѣ. Почему, г. Фальковскій, оставаясь при мнѣніи своемъ, дополнилъ, что только на почвѣ исторіи нашего законодательства можетъ быть сказано послѣднее слово объ единомъ гражданскомъ уложеніи для Россіи

П. К. Скорделли (*Пр. Лицея Князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, по каѳ. зак. полиц. и уголов.*), замѣчая не только несогласіе, но и противорѣчіе между составителями предложенія, такъ какъ г. Фальковскій требуетъ одновременнаго пересмотра гражданскихъ законовъ какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ, а г. Соловьевъ ограничиваетъ этотъ пересмотръ лишь мѣстностями государства стоящими на одинаковой степени — культуры, доказывалъ, что противники объединенія борются не съ *призраками*, но съ положеніями, высказанными въ докладѣ, что тема, какъ она занесена въ программу занятій съѣзда, ясно выражаетъ и не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что авторы ея имѣли первоначально въ виду, съ одной стороны, изданіе общаго гражданскаго закона, а съ другой стороны, отмѣну мѣстныхъ гражданскихъ

кодексовъ, нынѣ дѣйствующихъ и что если онъ г. Скорделли не ошибается въ точномъ содержаніи выслушаннаго предложенія, то дальнѣйшія возраженія противъ него были бы излишни послѣ рѣчей другихъ опоннентовъ, при чемъ г. Скорделли вполнѣ согласенъ съ г. Спасовичемъ, что распространеніе еще неизвѣстнаго будущаго кодекса даже на ташкентцевъ, на мѣстности гдѣ дѣйствуетъ законъ Вахтанга или книга Донича было бы затруднительно и что по этому гораздо лучше ограничиться улучшеніями нашего св. гражд. законовъ и торговаго устава, а потомъ, по указанію опыта, подумать и о дальнѣйшемъ ихъ распространеніи.

Ф. Н. Плевако. Доказывалъ что защитники объединенія, въ своихъ положеніяхъ о соединеніи дѣйствующаго частнаго права въ одно цѣлое безспорно исходятъ не отъ современныхъ формъ, но отъ идеи, что само право должно, какъ культурная сила, оказать вліяніе на жизнь, поднять и укрѣпить нравственное начало; но законъ не есть привходящее нравственное правило. Это послѣднее получаетъ свое выраженіе въ дѣятельности народа, у котораго первые моменты бытія права имѣютъ своимъ источникомъ народное сознаніе. При настоящихъ же условіяхъ нашего народнаго быта желать объединенія гражданскаго права въ государствѣ — это все равно, что желать чтобы во всей Россіи былъ одинаковой климатъ, одинаковая почва и чтобы всѣ люди были въ одинаковыхъ отношеніяхъ.

За тѣмъ г. Плевако, переходя къ нашему своду зак. гражд. и задаваясь вопросомъ, можетъ ли наше великорусское право быть распространено на остальныя части государства т. е. быть факторомъ объединенія, пришелъ къ отрицательному отвѣту, такъ какъ ничѣмъ не опровергнуто возраженіе противниковъ объединенія, состоявшее въ томъ, что наша 1 ч. X. т. не имѣетъ національнаго характера, и не соотвѣтствуетъ нашей цивилизаціи и наконецъ по своей техникѣ должна быть отнесена къ средневѣковымъ законодательствамъ, намъ же предлагаютъ вдругъ разстаться съ нимъ и жить подъ дѣйствіемъ новаго кодекса. Но вѣдь скачки не возможны ни въ какомъ умственномъ трудѣ, въ особенности же въ дѣлѣ законодательства. Что же сказать о такомъ скачкѣ, которымъ мы могли бы опередить и наполеоновъ кодексъ и гражданскія узаконенія Остзейскихъ губерній? Ежедневный опытъ убѣждаетъ каждаго изъ насъ, что быстрое развитіе жизни непрерывно уноситъ то или другое по-

становленіе свода, заставляетъ вычеркивать изъ него мѣста, гдѣ говорится о человѣкѣ какъ о рабѣ, крѣпостномъ. Этимъ уже достаточно опредѣляется низшій его уровень сравнительно съ законодательствомъ нѣкоторыхъ изъ русскихъ окраинъ. Не покажется ли этимъ послѣднимъ тираннiей, если мы отнимемъ отъ нихъ то, что они привыкли считать своею святынею, то съ чѣмъ они въ теченіи долгаго времени сроднились? И такъ заключилъ г. Плевако станемъ совершенствовать прежде свое, чтобы сравниться съ окраинами, и тогда уже придетъ пора и подумать о дальнѣйшемъ.

В. Н. Лешковъ. Находилъ что возбужденный вопросъ затрогиваетъ одно изъ тѣхъ національныхъ чувствъ, которымъ не можетъ не дорожить ни одинъ народъ. На этой почвѣ обсужденіе предложенія А. М. Фальковскаго и М. П. Соловьева могло бы привести только къ нескончаемымъ, страстнымъ спорамъ. Мы должны такъ или иначе сойти съ этого ненадежнаго пути и стать на другой болѣе спокойный — это на путь науки. По мнѣнію уважаемаго профессора, гражданское право, какъ тѣсно связанное со всѣми явленіями народной жизни, какъ результатъ безконечно разнообразныхъ условій и требованій ея, составляетъ право въ высшей степени національное и служитъ живымъ выраженіямъ юридическаго творчества каждаго народа. Мало того, частное право преимущественно можетъ быть названо *правомъ*, потому что основаніемъ его служитъ наша воля, что оно въ отличіе отъ другихъ правъ, напр. уголовнаго, запечатлѣно всецѣло характеромъ субъективности и знамя его—свобода. Принципы частнаго права, продолжалъ В. Н. Лешковъ, прежде всего, могутъ быть извлечены изъ частныхъ правовыхъ положеній, въ свою очередь имѣющихъ реальную, фактическую подкладку, которая указываетъ грань, за которую не можетъ переступить законодательство съ своими отвлеченными началами и если сходство въ началахъ права у разныхъ народовъ и можно подмѣтить, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эти начала могли быть переносимы по произволу отъ одного народа въ правовую жизнь другаго. Поучительнымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ можетъ служить Римъ гдѣ стойкость и крѣпость юридическаго порядка были непоколебимы до тѣхъ поръ, пока право было національно, пока въ него не привзошли элементы разложившіе и ослабившіе его, объединеніе права возможно

2*

въ государственномъ, но не въ частномъ и въ особенности силою.

В. Я. Фуксъ, полагалъ, что и та уступка, на которую указываютъ сами сторонники объединенія гражданскаго права, заключающаяся въ томъ, что для нѣкоторыхъ институтовъ, неподдающихся принципу универсальности, обобщенія, слѣдуетъ допустить нѣкоторыя изъятія, также не можетъ быть принята, какъ противорѣчащая понятію о происхожденіи права. Никто не станетъ спорить, продолжалъ Г. Фуксъ, что народныя воззрѣнія, взгляды не служатъ исключительно выраженіемъ напр. семейнаго, наслѣдственнаго права, а распространяются на всю систему законодательства; почему, по мнѣнію г. Фукса, точно также не возможно и частичное объединеніе частнаго права, не нанося въ тоже время вреда цѣльности его.

А. М. Фальковскій просилъ вспомнить то мѣсто его реферата гдѣ сказано: „*при такомъ направленіи государственной жизни Россіи было бы крайне не раціонально думать о надѣленіи нѣкоторыхъ изъ окраинъ ея законами, стоящими ниже уровня тѣхъ которымъ они пользуются. Но общее уложеніе......*“ и затѣмъ „*быть можетъ потребуется и у насъ по уваженію мѣстныхъ обстоятельствъ, оставленія въ силѣ нѣкоторыхъ частныхъ законовъ, въ видѣ изъятія изъ общихъ*“ что составители предложенія въ исторической части предложенія прямо указали, что желанія Россійскихъ законодателей въ 1730, 1754 и 1766 года не осуществились, потому, что тогда еще не были собраны законы, какъ общіе, такъ и мѣстные, что нынѣ все это мы имѣемъ и дѣло идетъ о пересмотрѣ существующаго и приведеннаго уже въ систематическій порядокъ законодательства, а не о небываломъ кодексѣ и что предложеніе смотритъ на уложеніе какъ на дѣло *развитія общества и права* и что составителямъ его не могло и придти на мысль о радикальномъ уничтоженіи всякаго различія въ нормахъ частнаго права.

А. В. Соколовъ началъ съ изложенія своихъ соображеній о преждевременности гражданскаго уложенія. По мнѣнію почтеннаго профессора мы не имѣемъ еще сборника обычнаго права. Подготовительныя работы, указанныя въ предложеніи Н. В. Калачова юридическому обществу не только не совершены, но и не начаты. Масса историческаго матеріала, разбросаннаго въ полномъ собраніи законовъ не приведена въ порядокъ, не провѣрена и неподверглась всесторонней критикѣ. Систематическій сводъ

нашихъ гражданскихъ законовъ, представляющій законодательство случаевъ не изученъ въ такой мѣрѣ, чтобы представлялась возможность возвыситься до основныхъ началъ нашего частнаго права; еще менѣе совершено работъ по методу сравнительнаго законовѣдѣнія и въ особенности по отношенію нашихъ общихъ гражданскихъ законовъ къ *мѣстнымъ*. Все что возможно было бы сдѣлать по мнѣнію г. Соколова, это, не касаясь мѣстныхъ правъ, провѣрить только въ какой степени послѣднія согласуются съ основными началами нашего государственнаго права и въ этомъ отношеніи только воздѣйствовать на нихъ. Что касается вообще усовершенствованія нашего свода гражд. зак., то въ настоящее время это дѣло должно быть ограничено только указаніемъ къ тому способовъ и плана работъ. **В. Д. Спасовичъ** возразилъ г. Соколову, замѣтивъ, что его предложеніе слишкомъ консервативно и пришлось бы долго ждать улучшенія нашего частнаго права, тогда какъ неотложность этого дѣла признается безспорно юристами - практиками, встрѣчающими непрестанно многочисленныя затрудненія въ примѣненіи I ч. X т. зак.

А. В. Соколовъ въ весьма пространной рѣчи старался уяснить, что подготовительныя работы не потребуютъ слишкомъ много времени, что человѣку науки и не могло придти на умъ увлекаться излишнимъ консерватизмомъ, что, по его мнѣнію, хотя общее гражд. уложеніе можетъ быть желательно, но осуществленіе его, изданіе слѣдуетъ считать преждевременнымъ. Что касается усовершенствованія св. зак. гражд. и составленія уложенія, то г. Соколовъ напомнилъ, что тотъ путь, который нѣкогда избранъ былъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и въ послѣдствіи Екатериною II и въ наше время возможенъ.

Послѣ рѣчи г. предсѣдателя и указанія имъ предѣловъ правъ съѣзда, приступлено было къ собранію голосовъ, причемъ единогласно признано было, что предложеніе А. А. Книрима слѣдуетъ принять, а предложеніе объ общемъ для имперіи гражданскомъ уложеніи весьма значительнымъ большинствомъ отвергнуто, какъ *преждевременное*.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НЕДОСТАТКИ ВЪ ПРОИЗВОДСТВѢ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ СЛѢДСТВІЙ.

Девятилѣтняя практика новыхъ судебныхъ учрежденій на столько упрочила ихъ репутацію, что въ настоящее время можно говорить, не опасаясь быть заподозрѣннымъ въ недоброжелательствѣ къ нимъ, какъ о недостаткахъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, такъ и о недостаткахъ въ примѣненіи ихъ на практикѣ.

Судебные уставы въ свое время были подвергнуты всестороннему обсужденію спеціалистовъ; они съ честію выдержали строгую критику и потому теперь былобы даже странно возвращаться къ старому. Другое дѣло практика новыхъ судебныхъ учрежденій; до послѣдняго времени объ ней едвали можно было судить сколько нибудь основательно. Только теперь, когда наступилъ десятый годъ существованія новыхъ судовъ, когда они выработали болѣе или менѣе опредѣленный и постоянный взглядъ на сущность и значеніе новыхъ законоположеній, и когда послѣднія стали примѣняться судами всѣхъ округовъ болѣе или менѣе однообразно, только теперь можно говорить о сложившейся судебной практикѣ, можно обсуждать правильность ея, указывать на недостатки, на неточное толкованіе и не правильное практическое примѣненіе новыхъ законоположеній.

Что предметъ, о которомъ мы говоримъ важенъ, это понятно и сознается всѣми. Чѣмъ же иначе объяснить то постоянное и серьезное вниманіе юристовъ къ практикѣ кассаціоннаго департамента правительствующаго Сената, каждое рѣшеніе котораго служитъ предметомъ всесторонняго обсужденія, рѣшенія котораго въ ихъ совокупности обработываются въ систематическіе

сборники, служатъ матеріаломъ изысканій общихъ началъ, руководящихъ Сенатомъ въ его практической дѣятельности. Но развѣ дѣятельность низшихъ органовъ судебной власти не заслуживаетъ такого же вниманія? Развѣ значеніе этихъ органовъ въ жизни общественной и въ общей системѣ отправленія правосудія настолько ничтожно, что можно игнорировать его? Что касается насъ, то мы отдаемъ въ этомъ отношеніи предпочтеніе низшимъ органамъ судебной власти: отъ нихъ зависитъ движеніе и направленіе дѣла во все время его производства, и окончательное его рѣшеніе, такъ какъ большинство дѣлъ вовсе не доходитъ до кассаціонной инстанціи; по этому-то кассаціонный Сенатъ никогда не будетъ имѣть того непосредственнаго, серьезнаго значенія, какъ въ жизни общественной, такъ и въ жизни частнаго человѣка, какое имѣетъ напр. судебный слѣдователь. Уже ежели послѣдній, положимъ по причинѣ дурно произведеннаго дознанія, или неправильнаго анализа фактической стороны дѣла, или признаковъ преступленія, привлекъ разъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго человѣка, оказавшагося потомъ по слѣдствію же невиновнымъ, то уже тутъ ни Сенатъ, ни обвинительная камера, ни прокурорскій надзоръ не смоютъ съ него пятна, которое при самомъ благопріятномъ исходѣ дѣла все таки клеймитъ человѣка, бывшаго подъ слѣдствіемъ; или если судебный слѣдователь по одной изъ множества встрѣчающихся на практикѣ причинъ, къ устраненію которыхъ до сего времени не принято никакихъ мѣръ, опоздаетъ произвести осмотръ или обыскъ у заподозрѣннаго лица и послѣдній успѣетъ скрыть похищенное имущество и слѣды преступленія, то уже никто не возвратитъ потерявшему его состоянія, никто не разъяснитъ преступленія и не найдетъ виновнаго. Иногда отъ тѣхъ же причинъ можетъ быть потеряно доброе имя, честь, можетъ быть разбита вся жизнь ни въ чемъ невиновнаго человѣка. А если дѣятельность судебнаго слѣдователя имѣетъ такое серьозное, нерѣдко роковое значеніе въ жизни, то неужели не важно разсмотрѣть, почему же дознаніе было произведено неудовлетворительно? Какимъ образомъ слѣдователь могъ ошибиться въ анализѣ факта и закона? Какія обстоятельства препятствуютъ энергической его дѣятельности? Однимъ словомъ,—разсмотрѣть, чего же еще не достаетъ, чѣмъ слѣдуетъ восполнить судебные уставы, чтобы по возможности обезпечить земное правосудіе.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года можно сказать безукоризненны и не заставляютъ желать ничего лучшаго. Но это еще не гарантируетъ достиженія цѣлей уголовнаго правосудія; послѣднее зависитъ главнымъ образомъ не отъ совершенства уставовъ, а отъ примѣненія ихъ на практикѣ, отъ возможности пользоваться ими такъ, какъ они сами того требуютъ; поэтому то и важно найдти тѣ причины, которыя парализируютъ вліяніе уставовъ на успѣхъ уголовнаго правосудія, принять серьезныя мѣры къ ихъ устраненію, дать возможность органамъ судебной власти, руководствуясь хорошими уставами, достигать цѣлей уголовнаго правосудія въ возможно большей мѣрѣ, насколько это доступно человѣческимъ силамъ. А между тѣмъ въ этомъ отношеніи сдѣлано еще такъ мало, что дѣятельность органовъ судебной власти даетъ самыя неудовлетворительные результаты; это лучше всего доказывается статистическими свѣдѣніями, что въ свою очередь служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что еще много будетъ измѣнено и выработано, прежде чѣмъ органы судебной власти достигнутъ того значенія въ жизни, какого отъ нихъ въ правѣ ожидать общество.

Предметъ этой статьи позволяетъ намъ не входить въ подробное и полное разсмотрѣніе статистическихъ свѣдѣній и отчетовъ о дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій; но чтобы оправдать вышесказанное, мы приведемъ взятую нами изъ свѣдѣній, собранныхъ при ревизіи судебныхъ установленій г. Министромъ Юстиціи въ 1873 году, таблицу, изъ которой видно, что процентное отношеніе дѣлъ, по которымъ были составлены обвинительные акты, къ общему числу дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ въ означенномъ году:

Въ	Орловскомъ	округѣ равняется	34%
»	Саратовскомъ	» »	31%
»	Тамбовскомъ	» »	30½%
»	Пензенскомъ	» »	30½%
»	Смоленскомъ	» »	29%
»	Елецкомъ	» »	24½%
»	Курскомъ	» »	24½%

Такимъ образомъ можно сказать, что болѣе 70% общаго числа оффиціальныхъ преслѣдованій уголовныхъ преступленій не достигаетъ цѣли и не приводитъ къ желаемому результату. Изъ

этаго числа впрочемъ слѣдуетъ исключить тѣ дѣла, которыя прекращаются на основаніи 277 ст. уст. уг. суд. за отсутствіемъ факта преступленій; но число этихъ дѣлъ настолько незначительно, что не можетъ серьезно измѣнить вышеозначенное отношеніе; даже въ томъ случаѣ, если изъ общей массы преступленій исключить всѣ безъ изъятія дѣла, направляемыя по 277 ст., то и тогда цифры измѣнятся весьма незначительно. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ получаются слѣдующіе проценты дѣлъ, по которымъ составлены обвинительные акты:

по Саратовскому округу	»	»	51%
» Орловскому	»	»	49%
» Тамбовскому	»	»	46%
» Смоленскому	»	»	43%
» Пензенскому	«	»	42%
» Елецкому	»	»	35½ %
» Курскому	»	»	32%

При этомъ нельзя оставить безъ вниманія и того, что число преступленій, остающихся негласными и безъ преслѣдованія со стороны общественныхъ властей, очень велико, а потому приведенное выше процентное отношеніе должно быть измѣнено, въ смыслѣ достиженія цѣлей уголовнаго правосудія, значительно къ худшему.

И такъ, вотъ къ какому неудовлетворительному выводу приводитъ насъ разсмотрѣніе числовыхъ данныхъ. Основываясь на этомъ выводѣ можно сказать, что только въ рѣдкихъ сравнительныхъ случаяхъ достигается цѣль уголовнаго правосудія, если даже понимать послѣднее въ самомъ узкомъ смыслѣ, такъ какъ она понимается въ общежитіи. Конечно нельзя незамѣтить, что большинство уголовныхъ дѣлъ, получающихъ всеобщую извѣстность, или по серьезности ихъ содержанія, или по общественному ихъ значенію, или по какимъ либо другимъ причинамъ, выдвигающимъ отдѣльныя дѣла изъ ряда обыкновенныхъ, не пропадаютъ безслѣдно въ канцеляріяхъ и архивахъ, однако правосудіе отнюдь не можетъ удовлетвориться этимъ, и безъ сомнѣнія никто не станетъ утверждать, что кража Ковнеромъ денегъ изъ московскаго купеческаго банка, или мошенничества игуменьи Митрофаніи, и т. п. преступленія,—имѣютъ въ жизни общества большое значеніе, чѣмъ тысячи преступленій въ ихъ совокупности не столь громкихъ, сложныхъ и интересныхъ.

Отчего же новые судебные уставы не оправдываютъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагаетъ на нихъ общество, не смотря на то, что организація ихъ основана на вполнѣ раціональныхъ началахъ? Мы уже отвѣчали частью на этотъ вопросъ, а теперь прибавимъ къ сказанному, что какъ бы хорошо не были устроены кассаціонный Сенатъ, судебная палата и пожалуй окружный судъ, приведенныя выше цифры не измѣнятся, до тѣхъ поръ, пока не будетъ обращено серьезное вниманіе на низшій органъ судебной власти—на судебныхъ слѣдователей, и послѣднимъ не будетъ дана возможность къ лучшему достиженію цѣли ихъ практической дѣятельности. Считаемъ лишнимъ распространяться о значеніи судебныхъ слѣдователей въ общей системѣ отправленія уголовнаго правосудія, потому что всякій, кого можетъ интересовать предметъ настоящей статьи, безъ сомнѣнія хорошо знакомъ съ тѣми практическими соображеніями, которыя побудили составителей судебныхъ уставовъ поставить слѣдователей на первой, низшей ступени судебной іерархіи, и конечно каждый согласится съ тѣмъ, что благопріятное измѣненіе вышеприведенныхъ цифръ зависитъ главнымъ образомъ отъ дѣятельности судебныхъ слѣдователей, и что такое измѣненіе можетъ послѣдовать лишь въ томъ случаѣ когда слѣдственная часть организуется такъ, что все будетъ способствовать тому, чтобы дѣятельность слѣдователей приносила бы лучшіе результаты, и когда наконецъ другія власти, принимающія прямое или косвенное участіе въ производствѣ слѣдствій, напр. полиція, будутъ также лучше организованы и поставлены въ такія отношенія къ слѣдователю, какихъ требуетъ успѣхъ дѣла. Поэтому то представляются въ высшей степени странными то крайнее равнодушіе и невниманіе, какими пользуются до сего времени судебные слѣдователи и полиція; а этимъ то невниманіемъ къ нимъ и объясняется съ одной стороны то, что какъ въ организаціи этихъ органовъ власти, такъ и въ ихъ дѣятельности замѣчается такая масса безпорядковъ и неустройства, вслѣдствіе которыхъ желаемое измѣненіе вышеприведенныхъ цифръ къ лучшему представляется невозможнымъ.

Что касается полиціи, то организація ея, отношенія къ слѣдователю, и практическая дѣятельность полицейскихъ чиновниковъ по отношенію къ слѣдственной части, представляютъ столь многочисленные и серьезные безпорядки и затрудненія, что мы не находимъ возможнымъ говорить о нихъ въ настоящей статьѣ,

и будемъ касаться лишь настолько, насколько это представится необходимымъ при объясненіи тѣхъ затрудненій, какія встрѣчаетъ на практикѣ судебный слѣдователь.

Обратимся опять къ цифрамъ, лучше которыхъ ничто не можетъ выяснить неудовлетворительное состояніе слѣдственной части. Мы видѣли, что результаты дѣятельности судебныхъ слѣдователей крайне неутѣшительны, теперь укажемъ еще на слѣдующіе факты, характеризующіе неудовлетворительное состояніе дѣлопроизводства слѣдователей. По свѣденіямъ, добытымъ тойже ревизіей г. Министра Юстиціи, съ которыми обязательно былъ ознакомленъ, согласно предложенію графа Палена, весь прокурорскій надзоръ округа московской судебной палаты среднее число дней, въ продолженіи которыхъ каждое дѣло находится въ производствѣ, до поступленія къ товарищу прокурора:

въ	Орловскомъ	округѣ	равняется	67	днямъ
›	Тамбовскомъ	›	›	68	›
›	Пензенскомъ	›	›	81	›
›	Смоленскомъ	›	›	96	›
›	Саратовскомъ	›	›	104	›
›	Курскомъ	›	›	118	›
›	Елецкомъ	›	›	153	›

Можно ли въ виду такихъ цифръ удивляться, что только въ рѣдкихъ случаяхъ достигается цѣль предварительнаго слѣдствія? Быстрота въ производствѣ и разслѣдованіи это conditio sine qua non успѣха въ дѣятельности судебнаго слѣдователя, а насколько возможно соблюденіе этаго условія при существующей обстановкѣ слѣдователей, это мы увидимъ ниже. Тотъ же документъ, которымъ мы пользуемся, замѣчаетъ, что разница въ средней цифрѣ движенія дѣлъ не объясняется относительно большимъ, или меньшимъ обремененіемъ слѣдственныхъ участковъ количествомъ дѣлъ въ различныхъ округахъ, ибо количество поступающихъ дѣлъ не находится въ той же постепенности, какъ быстрота движенія слѣдствій. Такъ на каждаго слѣдователя въ 1872 году приходилось, съ остаткомъ отъ предъидущаго года,

въ	Саратовскомъ	округѣ	298	дѣлъ
›	Смоленскомъ	› ›	189	›
›	Пензенскомъ	› ›	146½	›
›	Тамбовскомъ	› ›	145	›
›	Елецкомъ	› ›	162½	›
›	Курскомъ	› ›	118	›

Изъ послѣднихъ двухъ таблицъ видно, что продолжительность слѣдствій можетъ оправдаться обремененіемъ участковъ лишь въ Саратовскомъ и Смоленскомъ округахъ. Но чѣмъ же объяснить медленное производство слѣдствій въ Елецкомъ и Курскомъ округахъ, которые наименѣе обременены дѣлами? Тотъ же документъ указываетъ на другую причину, кромѣ большаго числа дѣлъ, замедляющую быстроту движенія слѣдствій и заключающуюся въ томъ, что время въ продолженіи котораго дѣла находятся въ производствѣ полиціи, производящей дознанія, составляетъ 30% всего времени, употребляемаго на производство слѣдствій. Такъ средняя продолжительность производства дѣлъ въ полиціи и у слѣдователей:

въ Тамбовскомъ	округѣ	25 дней	43
» Пензенскомъ	» »	32 »	49
» Орловскомъ	» »	16 »	51
» Смоленскомъ	» »	29 »	67
» Курскомъ	» »	45 »	73
» Саратовскомъ	» »	24 »	80
» Елецкомъ	» »	35 »	118

Соглашаясь вполнѣ съ справедливостью этихъ указаній, мы не можемъ не замѣтить, что существуетъ еще много другихъ причинъ замедляющихъ производство и потому оказывающихъ серьезное вредное вліяніе на результаты предварительныхъ слѣдствій, такъ какъ послѣднія, повторяемъ, находятся въ тѣсной зависимости отъ быстроты разслѣдованія и энергіи судебныхъ слѣдователей; но эти причины, о которыхъ мы говоримъ, не могутъ быть обнаружены ревизіей, хотя бы самой внимательной; ихъ можетъ выяснить только практика, только она одна можетъ указать и на средства къ ихъ устраненію. Такъ, практика уже успѣла выяснить еще одну изъ главныхъ причинъ замедляющихъ быстроту производства слѣдствій, и заключающуюся въ крайней неудовлетворительности такъ сказать внѣшней обстановки судебныхъ слѣдователей, которая оказываетъ серьезное, вредное вліяніе на успѣхъ и результаты дѣятельности послѣднихъ. Мы теперь и займемся этимъ вопросомъ, и поговоримъ о мѣстѣ занятій судебныхъ слѣдователей, помѣщеніи ихъ канцеляріи и личномъ составѣ послѣднихъ, здѣсь замѣтимъ, что городскіе и уѣздные судебные слѣдователи стоятъ не въ

одинаковыхъ условіяхъ, а поэтому мы не находимъ возможнымъ относиться къ тѣмъ и другимъ безразлично, и будемъ имѣть въ виду главныхъ образомъ первыхъ, а на недостатки и преимущества въ обстановкѣ послѣднихъ укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

По Высочайше утвержденному росписанію окладовъ содержанія всѣмъ чинамъ судебнаго вѣдомства назначены квартирныя деньги; исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ одни лишь судебные слѣдователи, которымъ независимо отъ содержанія назначены квартиры, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда окажется невозможнымъ отвести квартиры въ натурѣ, имъ должны быть отпускаемы также квартирныя деньги. Такое единственное исключеніе изъ общаго правила ясно указываетъ на то, что составители судебныхъ уставовъ сознавали исключительное положеніе слѣдователей, обусловливаемое характеромъ ихъ дѣятельности и сущностью ихъ обязанностей, а потому и не считали возможнымъ предоставить на собственное ихъ усмотрѣніе выборъ квартиры, какъ мѣста ихъ оффиціальныхъ занятій. Штаты окружныхъ судовъ говорятъ только о канцелярскихъ расходахъ слѣдователей, а личнаго состава канцелярій и мѣста помѣщенія послѣднихъ не опредѣляютъ; объ этомъ нигдѣ въ суд. уставахъ и рѣчи нѣтъ; отсюда очевидно, что послѣдніе имѣли въ виду, что всѣ слѣдователи должны будутъ заниматься производствомъ предварительныхъ слѣдствій, или на своихъ квартирахъ, или на мѣстѣ совершенія преступленія. Понятно, что только въ смыслѣ оффиціальнаго мѣста производства предварительныхъ слѣдствій, квартиры судебныхъ слѣдователей и могли обратить на себя особенное вниманіе уставовъ; при этомъ конечно имѣлось въ виду, что предоставленіе слѣдователямъ полной свободы въ выборѣ мѣста ихъ занятій, привело бы къ большимъ практическимъ неудобствамъ и затрудненіямъ, иначе чѣмъ же объяснить то исключеніе, о которымъ мы говоримъ; и эта предусмотрительность оправдалась какъ нельзя лучше.

На дѣлѣ оказалось невозможнымъ отвести слѣдователямъ квартиры въ натурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно слѣдователю нельзя дать менѣе шести-семи комнатъ, нельзя же производить слѣдствія въ комнатахъ, занятыхъ семьей слѣдователя. Гдѣ же могли бы быть отведены имъ такія квартиры? Конечно только въ полицейскихъ домахъ, въ которыхъ, какъ оказывается, нѣтъ достаточныхъ для этаго помѣщеній. Что же остается дѣлать? Нельзя же нанимать для слѣдователей квартиры въ домахъ,

принадлежащихъ частнымъ лицамъ; очевидно проще всего выдавать имъ деньги и предоставить самимъ заботиться о своихъ квартирахъ, какъ и дѣлается до сего времени. Но это ведетъ къ большимъ безпорядкамъ и крайне неудовлетворительному состоянію дѣлопроизводства у слѣдователей. Послѣдніе нанимаютъ квартиры въ 5, много 6 комнатъ самыхъ скромныхъ размѣровъ; исключите изъ этаго числа только три комнаты подъ помѣщеніе семьи слѣдователя, остается двѣ, много три, которыя собственно и могутъ быть заняты канцеляріей. Намъ нерѣдко случалось бывать въ этихъ канцеляріяхъ, и мы видѣли только одну комнату, которая занимала пространство приблизительно въ 5 квадратныхъ саженъ, большая же часть изъ нихъ занимаетъ не болѣе 3 много 4, а иногда и только 2 квадратныхъ сажени. А между тѣмъ можно ли найдти какое нибудь другое должностное лицо, квартира котораго посѣщалась бы большимъ числомъ лицъ, чѣмъ квартира судебнаго слѣдователя? Вызовъ въ 15—20 человѣкъ на одно утро считается обыкновеннымъ даже въ небольшихъ слѣдственныхъ участкахъ, а въ наибольшихъ вызывается иногда около 40 человѣкъ, до кромѣ этаго, сколько бываетъ ежедневно въ квартирѣ слѣдователя приходящихъ за разными справками и съ разными заявленіями, сколько полицейскихъ, конвойныхъ, разсыльныхъ и т. д. и все это должно вмѣщаться на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженей. Не будемъ уже говорить о томъ, что большей части вызванныхъ лицъ приходится ожидать своей очереди стоя, такъ какъ сѣсть бываетъ негдѣ, а также и о тѣхъ случаяхъ когда успѣхъ слѣдствія требуетъ особенно удобнаго расположенія комнатъ; мы спросимъ только есть ли какая нибудь возможность при такой обстановкѣ соблюдать 407, 446 ст. уст. уг. суд.? а между тѣмъ строгое соблюденіе требованій этихъ статей закона въ высшей степени важно, а иногда отъ этаго зависитъ даже успѣхъ предварительнаго слѣдствія.

Кромѣ этаго нерѣдко бываетъ, въ особенности въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ, что слѣдователи поселяются внѣ своего участка и при томъ довольно далеко отъ мѣстнаго частнаго дома. Такой порядокъ ведетъ къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ, заключающимся во первыхъ уже въ томъ, что публика не знаетъ гдѣ искать слѣдователя, а потому тѣ, по отношенію къ которымъ было только что совершено какое либо преступленіе, требующее немедленныхъ распоряженій, должны от-

правится съ начала за справкою въ полицію, а потомъ уже розыскивать квартиру слѣдователя по указанію послѣдней; въ этихъ поискахъ легко можетъ пройдти болѣе часа времени, послѣ чего самыя энергическія мѣры со стороны слѣдователя ни къ чему не поведутъ; вѣдь не рѣдко бываетъ, что тотчасъ по совершеніи преступленія каждыя пять минутъ бываютъ дороги, и эти минуты всегда бываютъ роковыми для слѣдствія. Во вторыхъ такой порядокъ вредно отзывается на всемъ слѣдственномъ дѣлопроизводствѣ, замедляя его часто до крайности. Эта медленность обнаруживается съ первыхъ же моментовъ возникновенія и до окончанія дѣла. Такъ, увѣдомленіе полиціи о вновь совершающихся преступленіяхъ въ большой части случаевъ присылаются слѣдователю позже сутокъ по полученіи полиціею свѣденій о происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія, такъ что 250 ст. уст. угол. суд. очень часто нарушается, а основное правило, выраженное въ этой статьѣ о немедленномъ увѣдомленіи,—исполняется лишь въ экстренныхъ случаяхъ; такимъ образомъ полицейскіе чиновники сами, по собственному своему усмотрѣнію, судя по важности и экстренности дѣла, имѣя при томъ въ виду, въ случаѣ запроса, представить въ оправданіе уважительную причину—дальность разстоянія избираютъ тотъ или другой срокъ и нерѣдко увѣдомляютъ слѣдователя слишкомъ поздно; бываетъ даже такъ, что вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ о вновь совершившемся преступленіи, слѣдователь получаетъ въ одномъ конвертѣ и произведенное полиціей по поводу того преступленія дознаніе. Предоставленіе полиціи права выбора того или другаго срока указанныхъ въ 250 ст. ус. уг. суд., какъ это принято на практикѣ, едвали соотвѣтствуетъ прямому смыслу означенной статьи. Мы признаемъ за общее правило, что полиція *немедленно* должна увѣдомить судебнаго слѣдователя и прокурорскій надзоръ *о всякомъ* происшествіи заключающемъ въ себѣ признаки преступленія, и думаемъ, что выраженіе «никакъ непозже сутокъ» должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что суточный срокъ можетъ быть допущенъ только въ исключительныхъ случаяхъ, въ виду уважительной причины, каковой въ городахъ представится не можетъ, а потому этотъ срокъ и слѣдуетъ признать назначеннымъ главнымъ образомъ для сельской полиціи, которая дѣйствительно, по дальности разстояній, не имѣетъ возможности увѣдомлять слѣдователей немедленно о совершающихся преступленіяхъ. А если такое тол-

кованіе 250 ст. правильно, то почему бы не обязать городскихъ полицейскихъ чиновниковъ обозначать въ самихъ же сообщеніяхъ по какимъ именно причинамъ послѣднія не были немедленно посланы слѣдователю, и когда именно они были посланы. Такая мѣра нисколько не затрудняя полицію, дала бы возможность, въ случаѣ важныхъ упущеній, представлять объ этомъ кому слѣдуетъ, и побудила бы полицейскихъ чиновниковъ относиться внимательно къ обязанности, возложенной на нихъ 250 ст., строгое соблюденіе которой весьма важно, особенно въ виду крайней неудовлетворительности большей части полицейскихъ дознаній.

Причины серьезныхъ упущеній, со стороны производящихъ дознаніе, весьма часто заключаются, во первыхъ въ неумѣньи взяться за дѣло, направить дознаніе въ ту, или другую сторону; во вторыхъ въ непониманіи сущности того или другаго преступленія, вслѣдствіе чего полицейскіе чиновники часто не обращаютъ вниманія на такія обстоятельства, которыя имѣютъ существенное въ дѣлѣ значеніе, такъ что нерѣдко, не имѣя возможности принять дѣло къ своему производству, за ненахожденіемъ къ тому основаній въ дознаніи, слѣдователи бываютъ вынуждены возвращать послѣднія, для дополненія ихъ по указанію; въ этой перепискѣ проходитъ иногда болѣе недѣли времени, что конечно очень часто бываетъ причиною того, что въ это время слѣды преступленія изглаживаются, или скрываются, виновные также скрываются, свидѣтели разъѣзжаются,—начинаются розыски, дѣло затягивается на нѣсколько мѣсяцевъ, иногда болѣе чѣмъ на годъ, и слѣдствіе всетаки не приводитъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, такъ что слѣдователи, давно потерявъ всякую надежду разъяснить преступленіе и открыть виновныхъ, заботятся только о томъ, чтобы найдти хоть какой нибудь предлогъ къ дальнѣйшему направленію дѣла и такимъ образомъ сбыть его съ рукъ. У каждаго почти судебнаго слѣдователя, во всякое время когда угодно, можно найдти такія дѣла, которыя лежатъ безъ всякаго движенія и не могутъ получить окончанія единственно по вышеозначенной причинѣ,—по крайней медленности при началѣ слѣдствія дѣлопроизводства, которая происходитъ, какъ мы уже сказали, главнымъ образомъ отъ того, что слѣдователи живутъ далеко отъ мѣстныхъ полицейскихъ управленій, вслѣдствіе чего, съ одной стороны, сами они не имѣютъ возможности руководить и слѣдить за на-

правленіемъ дознаній, въ особенности въ виду все болѣе и болѣе укореняющагося обычая посылать имъ сообщенія одновременно съ произведеннымъ уже дознаніемъ,—а съ другой, потому что и полицейскіе чиновники также дѣйствительно не имѣютъ возможности ѣздить безпрестанно къ слѣдователю и просить его о тѣхъ или другихъ указаніяхъ и разъясненіяхъ.

Таже причина замедляетъ дѣлопроизводство и въ слѣдующихъ случаяхъ. Полиція, какъ извѣстно, должна сообщать судебнымъ слѣдователямъ только о преступленіяхъ подлежащихъ его изслѣдованію, свѣденія же по преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ вѣдомству мировыхъ судей, на основаніи 251 ст., обязана передавать послѣднимъ по принадлежности. Отсюда ясно, что полицейскіе чиновники должны быть хорошо знакомы съ законами о подсудности; но мы уже сказали что они не рѣдко обнаруживаютъ при производствѣ дознанія неясное понимание сущности тѣхъ или другихъ преступленій, а поэтому понятно, что въ столь сложномъ и неопредѣленномъ вопросѣ, рѣшеніе котораго часто зависитъ отъ личнаго взгляда на то или другое обстоятельство дѣла, они очень часто ошибаются и передаютъ слѣдователямъ дознанія о преступленіяхъ, подсудныхъ мировымъ учрежденіямъ и наоборотъ; вслѣдствіе этаго является масса совершенно лишней переписки и большая потеря времени, которое вскорѣ по совершеніи преступленія бываетъ особенно дорого. Квартальный надзиратель, какъ извѣстно, передаетъ всѣ произведенныя имъ, или его помощникомъ, дознанія мѣстному частному приставу, который не имѣя возможности во всякое время обратиться къ слѣдователю съ вопросомъ о правильной передачѣ дознанія, по собственному своему усмотрѣнію, весьма часто неправильно, и только на слѣдующій день, т. е. на второй по совершеніи преступленія, отсылаетъ дознаніе къ слѣдователю; послѣдній получаетъ его отношеніе никакъ не ранѣе вечера того же дня, а иногда на третій день по совершеніи преступленія; разсмотрѣвъ немедленно дознаніе, и находя въ немъ признаки преступленія, подсуднаго мировымъ учрежденіямъ, слѣдователь составляетъ тѣмъ же числомъ постановленіе о передачѣ дознанія по принадлежности, и за симъ ждетъ своего разсыльнаго, который приходитъ къ нему не каждый день, а потому случается, что дознаніе съ постановленіемъ о передачѣ его, часто остается у слѣдователя до слѣдующаго дня, т. е. четвертаго по совершеніи преступленія, когда наконецъ прихо-

дитъ разсыльный, обыкновенно вечеромъ, который, на другой день и передаетъ его по назначенію. Такая же потеря времени, если еще небольшая, бываетъ и въ томъ случаѣ, когда частный приставъ неправильно передаетъ дознаніе мировому судьѣ. Такимъ образомъ только на пятый день по совершеніи преступленія является возможность сдѣлать первыя по дѣлу распоряженія; нечего и говорить, что послѣднія какъ несвоевременныя, часто бываютъ безполезны и ни къ чему не ведутъ. Подобная проволочка времени бываетъ по поводу каждой бездѣлицы, каждаго недосмотра или промаха, которыхъ на практикѣ замѣчается весьма много, такъ какъ полицейскіе чиновники до сего времени не привыкли еще къ осмотрительному составленію актовъ дознаній; они не выработали даже сколько нибудь общей формы дознанія, и излагаютъ въ послѣднихъ обстоятельства дѣла крайне не ясно, небрежно и при томъ безъ всякой послѣдовательности и системы, такъ что читать актъ дознанія бываетъ затруднительно; случается напримѣръ, что одно и тоже дознаніе относится къ двумъ преступленіямъ, неимѣющимъ между собою ничего общаго, что впрочемъ въ актѣ не обозначается, и при томъ обстоятельства дѣла излагаются на столько не ясно, и такъ перепутываются, что только послѣ допроса потерпѣвшаго лица выясняется подсудность одного преступленія общимъ судебнымъ учрежденіямъ, а другаго мировымъ.

Понятно, что ничего подобнаго вышеизложенному не моглобы случаться если бы между полиціей и слѣдователемъ были бы возможны не требующія такой потери времени сообщенія, и если бы слѣдователи имѣли бы возможность наблюдать за производствомъ дознаній и руководить неопытныхъ полицейскихъ чиновниковъ.

Все вышеизложенное далеко не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ неудобствъ и затрудненій, которыя сопряжены съ занятіями судебныхъ слѣдователей на частныхъ квартирахъ. Нѣсколько ниже выяснится еще много подобныхъ неудобствъ, а здѣсь скажемъ еще только, что такой порядокъ занятій замедляетъ производство предварительнаго слѣдствія также и потому что вызовы всѣхъ лицъ, которыя должны быть допрошены по дѣлу, замедляются на нѣсколько дней, и во всякомъ случаѣ свидѣтели не могутъ быть вызваны на квартиру слѣдователя раньше, какъ на третій день по поступленіи къ нему новаго дознанія, и только по экстренной телеграммѣ на другой; а мы уже говорили, что

слѣдствіемъ подобныхъ промедленій бываютъ обыкновенно розыски, которые въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ цѣли, чаще же ведутъ къ розыскамъ по публикаціямъ, какъ показываетъ практика никогда не приводящимъ къ желаемому результату, развѣ по какому нибудь исключительному случаю.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ народонаселеніе отличается особенною подвижностію, какъ напр. въ южныхъ портовыхъ городахъ, куда стекается отовсюду бездомный, неимѣющій пристанища людъ, неблагопріятныя послѣдствія медленности въ вызовахъ, особенно ощутительны, такъ что опытъ привелъ наконецъ къ тому что нѣкоторые слѣдователи, въ участкахъ которыхъ проживаетъ особенно много бродячаго народа, входятъ въ частное соглашеніе съ приставами о томъ, чтобы всѣ свидѣтели по вновь возникшему дѣлу, поименованные въ дознаніи, и неимѣющіе опредѣленнаго мѣстожительства и занятій, всѣ поденные работники, мастеровые и даже прислуга приглашались бы въ частный домъ одновременно съ передачею туда дознанія, если послѣднее производилось въ конторѣ квартала, гдѣ они и допрашиваются немедленно слѣдователемъ. Нельзя назвать такой порядокъ правильнымъ и согласнымъ съ постановленіями о вызовѣ къ слѣдствію свидѣтелей, но опытъ доказалъ что въ противномъ случаѣ, если даже послать повѣстки съ вызовомъ на другое утро, къ допросу явятся далеко не всѣ свидѣтели и розыскать ихъ послѣ не представляется никакой возможности. Въ этихъ то розыскахъ и проходитъ почти все время, которое употребляется на производство слѣдствія; послѣднія по большей части обыкновенныхъ дѣлъ, исключая тѣхъ, которыя отличаются особенною сложностью, или которыя останавливаются за не розыскомъ обвиняемыхъ, могли бы быть оканчиваемы въ одинъ, два, много три дня, еслибы только не приходилось розыскивать свидѣтелей. Мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ слѣдственныхъ участкахъ не осталось бы почти ни однаго дѣла, еслибы явились къ допросу всѣ розыскиваемые свидѣтели, а между тѣмъ въ нихъ постоянно лежитъ по 15—20 дѣлъ, и окончить ихъ представляется невозможнымъ. Вотъ какое серьезное значеніе для успѣшнаго производства слѣдствій имѣетъ быстрота въ вызовѣ свидѣтелей и въ сообщеніи съ полиціей, а эта быстрота не возможна, если слѣдователи будутъ заниматься на своихъ частныхъ квартирахъ.

Полагаемъ, что послѣ всего сказаннаго, нельзя не признать

глубокой обдуманности и предусмотрительности въ исключеніи слѣдователей изъ числа чиновъ судебнаго вѣдомства, которымъ по общему правилу были назначены квартирныя деньги, и думаемъ, что нельзя также не признать необходимости измѣнить при первой возможности существующій порядокъ, согласно требованію закона, отъ строгаго соблюденія котораго такъ много зависитъ успѣшное производство предварительныхъ слѣдствій. Какъ мы уже сказали судебные уставы безъ сомнѣнія разумѣли подъ выраженіемъ «квартира слѣдователя» оффиціальное мѣсто производства слѣдствій, такъ какъ только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ квартира слѣдователя и имѣетъ особенное значеніе, такъ что выборъ ея помѣщенія дѣйствительно не можетъ быть предоставленъ на усмотрѣніе послѣднихъ, въ противномъ случаѣ въ этомъ отношеніи можно дойдти до абсурда. Такъ въ настоящее время нельзя запретить, или по крайней мѣрѣ нѣтъ къ тому законнаго основанія, московскому слѣдователю, въ участкѣ котораго находятся напр. Сокольники или Петровское-Разумовское село, нанять себѣ квартиру, въ виду дешевизны, въ концѣ Дѣвичьяго поля, и пожалуй и еще дальше, и этимъ заставитъ и полицію, и потерпѣвшихъ лицъ и арестантовъ и однимъ словомъ всѣхъ кто только долженъ быть у него, ходить къ нему можетъ быть очень часто, за нѣсколько вертъ; да и возможно ли успѣшное производство слѣдствій при такихъ условіяхъ? А если выборъ помѣщенія канцеляріи не будетъ зависѣть отъ произвола слѣдователя и мѣсто ея нахожденія въ каждомъ участкѣ будетъ разъ на всегда опредѣлено, тогда слѣдователь не найметъ себѣ квартиры далеко отъ мѣстнаго полицейскаго дома, потому что конечно не найдетъ для себя удобнымъ, по характеру возложенныхъ на него обязанностей, являться во всякое время дня и ночи по первому требованію въ официальное мѣсто своихъ занятій. Если такимъ образомъ не смѣшивать двухъ понятій, неимѣющихъ между собою ничего общаго, то кажется не трудно будетъ найдти выходъ изъ затрудненія и осуществить вполнѣ раціональную и глубоко обдуманную мысль судебныхъ уставовъ. Подъ словомъ «квартира судебнаго слѣдователя» мы понимаемъ его мѣстожительство и мѣстопребываніе его семьи, и думаемъ, что для служебныхъ его обязанностей безразлично гдѣ будетъ находится его квартира, а поэтому мы не имѣемъ ничего противъ выдачи слѣдователямъ денегъ на наемъ этихъ помѣщеній по ихъ

усмотрѣнію; а затѣмъ несомнѣнно въ каждомъ частномъ домѣ можно найдти по двѣ комнаты для помѣщенія «канцелярія слѣдователей», которые нанимаетъ какъ главное оффиціальное мѣсто производства слѣдствій въ опредѣленномъ участкѣ. Это конечно встрѣтитъ протестъ со стороны полицейскихъ чиновниковъ занимающихъ въ частныхъ домахъ большія квартиры и живущихъ въ нихъ совсѣми чадами и домочадцами, но нельзя же не признать, что казенныя зданія полицейскихъ домовъ не имѣютъ своимъ назначеніемъ доставлять полицейскимъ чиновникамъ всѣ удобства въ ихъ частной жизни въ ущербъ государственнымъ интересамъ. Весьма незначительное стѣсненіе въ помѣщеніи полицейскихъ чиновниковъ доставитъ огромныя удобства слѣдователямъ, внесетъ порядокъ въ ихъ занятія и несомнѣнно будетъ много способствовать успѣшному производству предварительныхъ слѣдствій и достиженію лучшихъ результатовъ. Вопросъ идетъ здѣсь только о двухъ просторныхъ и удобныхъ комнатахъ, такъ какъ пріемныя, гдѣ должны будутъ ожидать своей очереди вызываемыя къ слѣдствію, могутъ быть общіе съ пріемными частнаго пристава. Если такое помѣщеніе для канцелярій послѣднихъ будетъ предоставлено, то вмѣстѣ съ этимъ разомъ прекратятся всѣ тѣ безпорядки и затрудненія, о которыхъ мы говорили выше, и кромѣ того явятся слѣдующія удобства, имѣющія весьма важное значеніе при производствѣ предварительныхъ слѣдствій.

Извѣстно, во первыхъ, что въ каждомъ частномъ домѣ бываютъ всегда дежурные полицейскіе чиновники, которыхъ слѣдователи и будутъ имѣть подъ руками, что весьма важно въ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость немедленно предпринять какія либо слѣдственныя дѣйствія, или сдѣлать распоряженія, исполненіе которыхъ не терпитъ промедленія и отлагательства. Такія дежурства полицейскихъ чиновниковъ безусловно необходимы и имѣютъ осебенно важное значеніе при обыскахъ, которые почти всегда производятся внезапно, а потому розыскивать полицейскихъ бываетъ нѣкогда. Кромѣ этого на югѣ Россіи нѣкоторые слѣдователи вошли въ частныя соглашенія съ приставами, о томъ, чтобы послѣдніе назначали къ нимъ ежедневно по два дежурныхъ городовыхъ, которые замѣняютъ разсыльныхъ, и вообще находятся въ полномъ распоряженіи слѣдователей, что по нашему мнѣнію и должно быть принято за общій порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя слѣдователи и по-

лучаютъ на канцелярію, наемъ разсыльныхъ и другіе по должности расходы по 500 руб. въ годъ, однако расходы оказываются настолько велики, что ни одинъ слѣдователь, насколько намъ извѣстно, не держитъ при своей канцеляріи спеціальныхъ разсыльныхъ, которые находились бы постоянно при немъ, такъ что онъ могъ бы воспользоваться имъ во всякую данную минуту когда потребуется; обыкновенно разсыльный бываетъ одинъ на нѣсколькихъ слѣдователей и приходитъ къ послѣднимъ большею частію чрезъ день вечеромъ, забираетъ заготовленныя бумаги и на другой день доставляетъ ихъ по назначенію. Мы уже видѣли къ чему ведетъ такой порядокъ даже при обыкновенной неспѣшной работѣ, а какъ же быть въ экстренныхъ случаяхъ, которыхъ бываетъ на практикѣ очень много? Немедленную разсылку всѣхъ бумагъ слѣдователя, безъ малѣйшаго промедленія, а также и доставленіе всѣхъ адресованныхъ ему конвертовъ безъ задержекъ, мы считаемъ необходимымъ условіемъ успѣшнаго производства слѣдствій; несоблюденіе этаго условія въ настоящее время и составляетъ одну изъ тѣхъ главныхъ причинъ, которыя такъ сильно замедляютъ движеніе дѣлъ. Кромѣ этого, ктоже можетъ поручится за разсыльнаго, служащаго по вольному найму, что переданныя ему бумаги будутъ доставлены во время, и что при этомъ съ его стороны не будетъ злоупотребленій, что онъ не вынетъ изъ конверта, не прочтетъ какой нибудь секретной бумаги, и не передастъ ее содержаніе тому, кого это можетъ интересовать? Вѣдь онъ не будетъ отвѣчать за это? нѣсколько рублей жалованья вотъ все, чѣмъ онъ рискуетъ, а выгоды, какія онъ можетъ получить могутъ быть очень велики. Городовой, состоящій на коронной службѣ, не такъ легко рискнетъ на какое либо преступленіе.

Другія также несомнѣнно важныя удобства, являющіяся при помѣщеніи канцеляріи слѣдователя въ частномъ домѣ, заключаются, во первыхъ въ имѣніи всегда подъ руками телеграфа, къ которому приходится прибѣгать весьма часто; во вторыхъ въ помѣщеніи подслѣдственныхъ арестантовъ въ томъ же частномъ домѣ, гдѣ производится слѣдствіе, что весьма важно въ началѣ предварительнаго слѣдствія, когда дѣло еще не вполнѣ выяснилось и опредѣлилось, когда каждую минуту могутъ открытся новыя обстоятельства, разъясненіе которыхъ требуетъ немедленнаго присутствія арестанта, такъ что слѣдователь не можетъ опредѣлить напередъ, когда именно послѣдній будетъ

ему нуженъ. Мы ничего не говоримъ о новой тюрьмѣ для подслѣдственныхъ арестантовъ въ С. Петербургѣ, потому что незнакомы съ ее порядками и съ примѣненіемъ послѣднихъ на практикѣ.

За симъ удобства въ храненіи дѣлъ, и удобства надзора за производствомъ предварительныхъ слѣдствій со стороны мѣстнаго товарища прокурора также заставляютъ желать, чтобы канцеляріи слѣдователей помѣщались въ частныхъ домахъ.

Послѣ всего сказаннаго считаемъ возможнымъ умолчать о множествѣ другихъ второстепенныхъ, иногда едва уловимыхъ неудобствахъ и преимуществахъ, которыя зависятъ отъ выбора помѣщенія канцеляріи судебнаго слѣдователя.

Справедливость всего вышеизложеннаго давно сознается судебными слѣдователями, и потому они употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы добыть въ полицейскихъ домахъ помѣщенія для своихъ канцелярій, но встрѣчаютъ неопреодолимое препятствіе въ нежеланіи полицейскихъ чиновниковъ уступить вполнѣ основательному требованію, такъ что если въ этомъ дѣлѣ не примутъ участія высшія власти, то вѣроятно слѣдователи еще долго будутъ вынуждены безполезно тратить много силъ и дорогаго времени, и еще много преступленій пропадатъ безслѣдно единственно благодаря крайне неудовлетворительной обстановкѣ послѣднихъ.

Только немногіе частные пристава отвели, въ находящихся въ ихъ распоряженіяхъ зданіяхъ, помѣщенія для канцеляріи слѣдователей. Но чтоже это за помѣщенія! Укажемъ на нѣкоторія изъ нихъ. Для канцеляріи слѣдователя 8 участка г. Москвы, участокъ котораго выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, какъ по числу, такъ и по серьезности и сложности дѣлъ, въ городскомъ частномъ домѣ отгороженъ заборомъ, вышиною до половины стѣны, подобнымъ тѣмъ, какіе встрѣчаются на всѣхъ постоялыхъ дворахъ, чуланъ, правда очень свѣтлый, но всетаки въ полномъ смыслѣ слова—чуланъ величиною въ полторы квадратныхъ сажени; вывѣска на заборѣ гласитъ что за ней помѣщается «канцелярія судебнаго слѣдователя» участокъ котораго повторяемъ, такъ великъ, что при немъ постоянно занимаются не менѣе двухъ, а иногда и три кандидата на судебныя должности. Такимъ образомъ на пространствѣ, скажемъ двухъ крадратныхъ сажень, чтобы насъ не могли упрекнуть въ неточности, въ одно и тоже время должны производить слѣдствія трое; при нихъ

бываетъ всегда еще письмоводитель, итого четверо, для которыхъ нужны столы и стулья. Конечно всякій спроситъ, куда же посадить еще трехъ, по числу производящихъ слѣдствіе, свидѣтелей, которыхъ нужно допрашивать? Пусть на этотъ вопросъ отвѣтитъ тотъ, кто отвелъ означенному слѣдователю такое помѣщеніе. Въ Арбатскомъ частномъ домѣ отведенъ подъ канцелярію слѣдователя не чуланъ, а нѣчто въ родѣ подвала въ которомъ зимой даже въ шубѣ нельзя сидѣть не рискуя простудиться. И подобныя помѣщенія отводятся въ Москвѣ! Что же дѣлается въ другихъ городахъ Россіи. Для примѣра укажемъ на одинъ изъ лучшихъ городовъ, на Одессу, въ Херсонскомъ участкѣ котораго въ распоряженіе слѣдователя предоставлено довольно просторная комната въ два окна, но въ зимнее время случается, что самъ слѣдователь, кандидаты и письмоводитель сидятъ въ ней въ шубахъ, при чемъ непрерывно топится угарная желѣзная печь, а вызванные свидѣтели, которыхъ иногда быватъ въ означенномъ участкѣ до 40 въ день ожидаютъ своей очереди въ открытомъ корридорѣ на сквозномъ морскомъ вѣтру; намъ не разъ случалось слышать просьбы о томъ, чтобы ихъ отпустили и позволили бы придти, когда будетъ потеплѣе; конечно они получали на это разрѣшеніе,—не замерзать же въ самомъ дѣлѣ передъ канцеляріей слѣдователя. Мы знаемъ только пречистенскій и сущовскій частные дома въ Москвѣ, въ которыхъ помѣщенія слѣдовательскихъ канцелярій могутъ быть признаны удовлетворительными, какъ по размѣрамъ комнатъ, такъ и по другимъ удобствамъ, напр. по близости ихъ отъ пріемныхъ комнатъ приставовъ, но въ обоихъ домахъ слѣдователи имѣютъ только по одной комнатѣ, а мы не считаемъ такихъ помѣщеній достаточными для канцелярій Московскихъ слѣдователей, участки которыхъ на столько велики, что постоянно требуютъ усиленнаго личнаго состава канцелярій; къ каждому слѣдователю въ Москвѣ прикомандировываются обыкновенно по одному или по два, а иногда по три кандидата на судебныя должности, которые принимаютъ дѣятельное участіе въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій, а потому понятно для нихъ также должно быть мѣсто въ канцеляріи. При этомъ нельзя забывать, что допрашивать свидѣтелей въ двоемъ, или въ троемъ въ одной комнатѣ, сравнительно всетаки небольшой, не только крайне неудобно, а часто бываетъ невозможно по ходу предварительнаго слѣдствія.

Мы уже давно сказали что не находимъ возможнымъ говорить безразлично о городскихъ и уѣздныхъ слѣдователяхъ, и теперь повторяемъ, что почти все вышеизложенное относится преимущественно къ слѣдователямъ городскимъ; чтоже касается уѣздныхъ, то мы не защищаемъ необходимости оффиціальнаго помѣщенія ихъ канцелярій въ зданіяхъ полицейскихъ управленій; по нашему мнѣнію это не можетъ способствовать болѣе успѣшному производству слѣдствій въ уѣздахъ, такъ какъ слѣдователи послѣднихъ находятся въ иныхъ условіяхъ, въ силу которыхъ вопросъ о мѣстѣ помѣщенія ихъ канцелярій теряетъ всякій смыслъ и значеніе. Число предварительныхъ слѣдствій въ уѣздныхъ участкахъ несравненно меньше чѣмъ въ городскихъ, а потому тамъ возможно, и даже необходимо болѣе правильное производство слѣдствій; въ тѣхъ уѣздахъ въ которыхъ не бываетъ болѣе 120 слѣдствій въ годъ, послѣднія должны производиться преимущественно на мѣстѣ совершенія преступленій что положительно невозможно, по количеству дѣлъ, въ городахъ. Мы стоимъ за такой же порядокъ производства слѣдствій въ уѣздахъ уже потому, что несравненно удобнѣе пріѣхать слѣдователю на мѣсто совершенія преступленія чѣмъ всѣмъ свидѣтелямъ ѣхать къ нему; вообще въ уѣздѣ почти всегда слѣдуетъ соблюдать 434 ст. уст. уг. суд., исключая тѣхъ случаевъ, когда преступленіе совершено въ самомъ уѣздномъ городѣ. Во вторыхъ вызовы свидѣтелей въ городъ ведутъ, по дальности разстояній и неудобству сообщеній, къ крайнему замедленію вообще всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, тогда какъ при производствѣ слѣдствія на мѣстѣ совершенія преступленія, большая часть изъ нихъ будетъ оканчиваться въ два, много три дня, если дѣло не затянется розысками. Нельзя также не замѣтить и того, что въ уѣздахъ слѣдователи въ большей части случаевъ вынуждены приступать къ производству слѣдствій, не ожидая полицейскаго дознанія, по одному только сообщенію о совершившемся преступленіи; это опять таки потому, что требованіе непремѣннаго производства дознанія, повело бы къ такой значительной потери времени, послѣ чего производство слѣдствія легко могло бы обратиться въ соблюденіе пустой формальности, не могущей ни въ какомъ случаѣ привести къ цѣли. Чтоже касается до самаго уѣзднаго города, то размѣры его бываютъ обыкновенно на столько незначительны, что гдѣ бы не жилъ слѣдователь, сообщенія его съ полиціей не встрѣ-

тятъ серьезныхъ затрудненій. Вотъ почему мы полагаемъ, что слѣдователи въ уѣздахъ не нуждаются въ непремѣнномъ помѣщеніи ихъ канцелярій въ зданіяхъ полицейскихъ управленій. Понятно, что къ нимъ не можетъ также относиться все то, что тѣсно связано съ этимъ вопросомъ, о чемъ мы говорили выше.

Теперь обратимся къ личному составу канцелярій судебныхъ слѣдователей.

Мы уже сказали, что судебные уставы предоставляютъ устройство канцеляріи вполнѣ на усмотрѣніе слѣдователей; о личномъ составѣ, письмоводителяхъ или писцахъ канцеляріи, они также нигдѣ не упоминаютъ, а между тѣмъ этотъ вопросъ имѣетъ весьма важное значеніе для слѣдователей, особенно городскихъ, которые обременены большимъ количествомъ дѣлъ, а потому болѣе уѣздныхъ нуждаются въ помощи письмоводителей. Мы уже указывали на недостатки служащихъ по вольному найму, когда говорили о разсыльныхъ; понятно, что все нами сказанное еще съ большею основательностію можетъ быть повторено здѣсь, такъ какъ письмоводители стоятъ къ дѣламъ слѣдователя несравненно ближе чѣмъ разсыльные. На практикѣ дѣйствительно письмоводители не рѣдко злоупотребляютъ своимъ положеніемъ въ канцеляріи, своимъ знаніемъ тайнъ предварительныхъ слѣдствій и возможностью слѣдить за ходомъ послѣднихъ. Разумѣется все это тщательно скрывается, по очень понятной причинѣ, потому что вся отвѣтственность за злоупотребленія письмоводителей упадаетъ на слѣдователей; а сами виновные, какъ служащіе по вольному найму, никакому взысканію не подвергаются. А между тѣмъ не рѣдко случается, что письмоводитель за два-три рубля выдаетъ безъ разрѣшенія слѣдователя копіи съ протоколовъ и постановленій тѣмъ, кто получить ихъ не имѣетъ права, или выдаетъ ихъ несвоевременно, или, тоже за вознагражденіе, сообщаетъ постороннимъ лицамъ извѣстныя ему изъ дѣла свѣдѣнія. Подобныя злоупотребленія иногда обнаруживаются слѣдователемъ, который и дѣлаетъ письмоводителю, въ томъ случаѣ, если они не имѣли послѣдствій, внушеніе, или отказываетъ ему отъ должности; но къ этой крайней мѣрѣ прибѣгаютъ рѣдко, потому, что должность письмоводителя требуетъ опытности, которая нескоро пріобрѣтается и рѣдко встрѣчается во вновь поступающихъ на эту службу, а потому слѣдователи дорожатъ тѣми изъ писцовъ, которые уже занимались сво-

имъ дѣломъ два три года. Продѣлки письмоводителей далеко не ограничиваются указанными; нѣкоторые изъ нихъ пускаются въ столь сложныя и рискованныя предпріятія, что будь они на государственной службѣ, они подвергались бы серьезной уголовной отвѣтственности. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, получившихъ оффиціальную извѣстность. Одному изъ слѣдователей въ Одессѣ было предоставлено въ частномъ домѣ для его канцеляріи помѣщеніе въ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна, рѣшительно негодная для занятій, была отдана подъ квартиру письмоводителя. Проживая такимъ образомъ въ зданіи частнаго дома, и потому имѣя полную возможность часто видѣться съ полицейскими чиновниками, городовыми и стражей, письмоводитель съумѣлъ убѣдить ихъ въ своемъ огромномъ вліяніи на слѣдователя. Разъ, поддавшись такому обману, полицейскіе чиновники стали оказывать ему всякое уваженіе и между прочимъ позволяли вступать въ разговоры съ подслѣдственными арестантами, а этаго только и нужно было ему. Постоянно слушая разговоры слѣдователя съ кандидатами на судебныя должности, занимавшимися при немъ, и имѣя возможность прочитывать всѣ предложенія мѣстнаго товарища прокурора, письмоводитель конечно всегда зналъ, кого изъ подслѣдственныхъ арестантовъ предполагалось освободить на дняхъ отъ ареста. Запасшись такимъ свѣденіемъ онъ отправлялся вечеромъ, когда всѣ расходились, въ арестантскую, и здѣсь торговался съ арестантомъ за его освобожденіе, увѣряя, что онъ имѣетъ такое огромное значеніе и вліяніе на слѣдователя, что послѣдній дѣлаетъ все такъ, какъ онъ ему скажетъ, но что взять съ него дешево за освобожденіе онъ не можетъ, потому что ему нужно будетъ подѣлиться со слѣдователемъ. Разумѣется арестантъ давалъ что могъ, условіе заключалось, а на другой, или на третій день дѣйствительно, какъ уже раньше предвидѣлось слѣдователемъ, арестантъ освобождался. Такимъ путемъ не трудно было письмоводителю пріобрѣсти въ глазахъ арестантовъ и полиціи важное значеніе, которымъ онъ и пользовался до тѣхъ поръ, пока наконецъ, по секретной жалобѣ одной арестантки, напрасно возлагавшей свои надежды на письмоводителя, у послѣдняго не былъ произведенъ слѣдователемъ, въ присутствіи товарища прокурора, обыскъ, при чемъ въ его столѣ были найдены цѣнныя вещи арестанки, а подъ постелью оказались кажется 7 слѣдственныхъ дѣлъ, вполнѣ оконченныхъ производствомъ, и

пять мѣсяцевъ тому назадъ, какъ значилось по настольному реэстру, отправленныхъ за извѣстными нумерами къ товарищу прокурора; по сущности этихъ дѣлъ, для обвиняемыхъ было выгодно задержать ихъ, по этому услужливый письмоводитель не записалъ ихъ въ разносную книгу и не отправилъ по назначенію, такъ что ни слѣдователь, ни товарищъ прокурора не могли замѣтить утайки 7 дѣлъ, изъ числа 43 ежемѣсячно направляемыхъ первымъ. Дѣло по обвиненію письмоводителя въ мошенничествѣ было прекращено и отвѣтственности за нее долженъ былъ подлежать слѣдователь. Въ чемъ же была вина его? Упущеніе съ его стороны заключалось единственно въ томъ, что онъ не повѣрялъ разносной книги. Но мы уже сказали, что этотъ слѣдователь направлялъ ежемѣсячно по 43 дѣла, и конечно, кто можетъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ этой массѣ работы, тотъ признаетъ невозможность повѣрять разносную книгу; на такую работу ни у однаго слѣдователя не достанетъ времени. Можно еще замѣтить, что слѣдователь былъ не остороженъ въ выборѣ письмоводителя; но гдѣ же найдти такого, за добросовѣстность котораго можно было бы поручиться, и который въ свою очередь поручится за аккуратное сохраненіе всѣхъ бумагъ въ цѣлости. Мы не сомнѣваемся, что каждый изъ городскихъ слѣдователей откровенно скажетъ, что въ отношеніи порядка и цѣлости бумагъ, всѣ они, какъ говорится, подъ Богомъ ходятъ, и что ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать, что въ данную минуту у него въ канцеляріи все цѣло, потому что, что нибудь одно, или заниматься производствомъ слѣдствій, или канцеляріей; возложить оба эти занятія на одно лицо, можно только въ тѣхъ слѣдственныхъ участкахъ, гдѣ число дѣлъ не превышаетъ десяти въ мѣсяцъ, а такихъ участковъ въ городахъ нѣтъ. Мы полагаемъ, что только зачисленіемъ письмоводителей на коронную службу, можно сколько нибудь гарантировать слѣдователей отъ злоупотребленій первыхъ. Насколько намъ извѣстно нѣкоторые слѣдователи на югѣ Россіи обращались къ предсѣдателямъ окружныхъ судовъ съ просьбой зачислять по ихъ представленіямъ письмоводителей на коронную службу, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ принимаются на службу канцелярскіе чиновники съ откомандированіемъ къ нимъ для занятій, но въ этомъ имъ было отказано, на какомъ основаніи мы не знаемъ.

Вотъ въ какой неблагопріятной обстановкѣ находятся до се-

го времени слѣдователи новыхъ судебныхъ учрежденій. Понятно, что такая масса затрудненій не можетъ не отозваться крайне вредно на результатахъ предварительныхъ слѣдствій, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ, при чемъ будемъ имѣть въ виду одну только процессуальную сторону, потому что другая сторона производства предварительныхъ слѣдствій не поддается никакому контролю.

Судебные уставы опредѣляютъ извѣстныя условія производства предварительныхъ слѣдствій; въ неправильномъ соблюденіи и толкованіи этихъ то условій и заключаются преимущественно главнѣйшіе процессуальные недостатки предварительныхъ слѣдствій. Начнемъ съ перваго дѣйствія слѣдователя — съ разсмотрѣнія полученнаго имъ дознанія, заявленія или жалобы. Понятно, слѣдователь обязанъ прежде всего разсмотрѣть подсудно ли имѣющееся въ виду преступленіе окружному суду, при которомъ онъ состоитъ, есть ли законный поводъ и достаточное основаніе къ начатію предварительнаго слѣдствія, а наконецъ, кто именно изъ слѣдователей обязанъ произвести послѣднее; признавъ эту обязанность за собою, онъ долженъ составить объ этомъ постановленіе, съ обозначеніемъ въ немъ также и того преступленія о которомъ онъ будетъ производить слѣдствіе. Но это исполняется далеко не всѣми слѣдователями, почему случается, что послѣдніе не уяснивъ себѣ сущности преступленія, составляющаго предметъ дѣла, тратятъ много труда и времени на разъясненіе постороннихъ, неимѣющихъ никакого въ дѣлѣ значенія, обстоятельствъ, и этимъ только запутываютъ производство. Постановленіе о пріемѣ дѣла имѣетъ значеніе и въ томъ отношеніи, что оно опредѣляетъ моментъ, съ котораго предварительное слѣдствіе должно быть признано начатымъ, а опредѣленіе такого момента весьма важно при дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Мы знаемъ слѣдующій случай. У одного изъ слѣдователей, если не ошибаемся въ продолженіи трехъ лѣтъ, находилось въ производствѣ, безъ постановленія о пріемѣ къ таковому, дѣло по обвиненію въ преступленіяхъ по должности кураторовъ конкурснаго управленія, учрежденнаго по дѣламъ одной изъ московскихъ несостоятельныхъ должницъ. Во время производства слѣдователь нашелъ, что это дѣло подлежитъ прекращенію на основаніи 277 уст. уг. суд., а потому, составивъ въ этомъ смыслѣ постановленіе, направилъ его въ окружный судъ, который замѣтивъ безпорядки въ производствѣ возвратилъ по-

слѣднее обратно при чемъ объяснилъ, что на основаніи 277 ст. прекращаются слѣдствія уже начатыя, каковымъ не представляется дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, такъ какъ постановленія о пріемѣ его къ производству нѣтъ, а розыски свидѣтелей, изъ которыхъ собственно и состояло все производство, не могутъ быть признаны началомъ слѣдствія. Очевидно слѣдователь не далъ даже себѣ труда уяснить, куда слѣдуетъ направить дѣло, чего не могло бы случиться, если бы онъ, съ указаніемъ основаній и статей закона, составилъ бы постановленіе о пріемѣ дѣла; а между тѣмъ сколько времени и труда было напрасно потеряно на разсмотрѣніе дѣла мѣстнымъ товарищемъ прокурора и окружнымъ судомъ. Мы моглибы также привести не мало примѣровъ гдѣ слѣдователи, не принявъ еще дѣла къ производству, давали ему направленіе указанное 482 ст. и на оборотъ, направляли по 309 начавъ уже, предварительное слѣдствіе. Обязательность такихъ постановленій мы основываемъ на прямомъ смыслѣ 472 ст., которая требуетъ составленія особыхъ постановленій, когда это необходимо для объясненія хода слѣдствія или распоряженія слѣдователя; но неужели нѣтъ необходимости объяснить причину и основанія самаго возникновенія слѣдствія! Начало предварительнаго слѣдствія не предоставлено закономъ на усмотрѣніе слѣдователя и на его свободную волю, оно стоитъ въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, и потому слѣдователь долженъ, такъ сказать, оправдать въ постановленіи свое распоряженіе о начатіи слѣдствія, иначе основанія послѣдняго не будутъ вполнѣ ясны.

Уставъ уголовнаго судопроизводства требуетъ непремѣннаго составленія постановленій только въ двухъ случахъ, когда обвиняемый отдается подъ залогъ или поручительство (ст. 426) и когда онъ арестуется (ст. 430); во всѣхъ другихъ случаяхъ составлеіе особыхъ постановлеій предоставлено, на усмотрѣніе слѣдователей; которые должны руководствоваться при этомъ 472 ст. Но необходимость въ объясненіи хода слѣдствія, или распоряженія слѣдователя, какъ говоритъ эта статья, можетъ быть понимаема весьма различно, а потому практика до сего времени еще не выработала сколько нибудь общихъ правилъ для составленія постановленій; иногда нельзя даже составить себѣ приблизительнаго понятія о томъ, чѣмъ руководствовался слѣдователь при составленіи того или другаго постановленія, или почему онъ не оставилъ его по поводу какого нибудь сво-

его распоряженія. Только П. В. Макалинскій въ своемъ извѣстномъ „Практическомъ руководствѣ для судебныхъ слѣдователей", указываетъ на общія начала, которыми должны руководствоваться слѣдователи при составленіи постановленій. Онъ говоритъ, обыкновенно предпринимаемыя по слѣдствію дѣйствія и распоряженія сами собою вытекаютъ изъ собраннаго матеріала, такъ что слабое объясненіе мѣръ слѣдователя представляется излишнимъ. Такъ напр. жалобщикъ, или обвиняемый указываетъ на свидѣтеля по существенному обстоятельству дѣла; само собою разумѣется, свидѣтеля этого необходимо допросить, и объяснять эту необходимость въ постановленіи значитъ тратить по напрасну время (замѣтимъ, что нѣкоторые слѣдователи не согласны съ этимъ, и составляютъ такія постановленія). Но если слѣдователь предпринимаетъ какое либо дѣйствіе или распоряженіе, которое не вызывается, или не вполнѣ объясняется имѣющимися въ дѣлѣ свѣдѣніями, или отказываетъ въ такомъ ходатайствѣ, которое при обыкновенномъ ходѣ вещей, непремѣнно подлежитъ удовлетворенію, то конечно онъ долженъ изложить мотивы своего распоряженія, а сдѣлать онъ это можетъ только въ формѣ постановленія (стр. 360. т. II). Соглашаясь вполнѣ съ этими общими началами, мы не можемъ не замѣтить что они слишкомъ общи и не могутъ внести единства и порядка въ слѣдственныя производства, потому, что могутъ быть понимаемы различно. Такъ, г. Макалинскій относитъ къ случаямъ, въ которыхъ необходимо составлять постановленія, слѣдующіе: 1) наложеніе взысканій за неявку понятыхъ, свѣдущихъ людей, или свидѣтелей; 2) отмѣна принятыхъ уже по слѣдствію мѣръ и распоряженій; 3) приглашеніе къ допросу въ качествѣ свидѣтеля лица, не указываемаго обстоятельствами дѣла; 4) привлеченіе къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго лица, виновность котораго усматривается самимъ слѣдователемъ, безъ указаній со стороны спрошенныхъ при дознаніи или слѣдствіи лицъ. Что касается послѣдняго случая, то циркуляромъ г. Министра Юстиціи, отъ 28 февраля 1874 города № 8047, разъяснено, что обвиняемые *всѣ безъ исключенія* должны быть привлекаемы къ слѣдствію въ качествѣ таковыхъ не иначе какъ по особымъ постановленіямъ. „Сопостановленіе 303—396 статей ус. уг. суд., говорится въ циркулярѣ, приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что начатіе слѣдствія и призывъ кого либо къ допросу, въ качествѣ обвиняемаго, составляютъ два совершенно различ-

ныхъ періода слѣдственнаго производства, изъ которыхъ послѣдній можетъ лишь составлять послѣдствіе данныхъ, обнаруженныхъ первымъ изъ нихъ, но никакъ не предшествовать ему. „За симъ, продолжаетъ далѣе циркуляръ, въ виду того значенія, которое имѣетъ призывъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, не подлежитъ сомнѣнію, что это распоряженіе слѣдователя составляетъ одно изъ тѣхъ дѣйствій, которое согласно 472 ст. уст. гр. суд. требуетъ составленія особаго постановленія по сему предмету. Постановленіе это имѣетъ кромѣ того и ту несомнѣнную пользу, что слѣдователь при составленіи его будетъ поставленъ въ необходимость составить себѣ ясный отчетъ о тѣхъ соображеніяхъ, которыя послужили ему основаніемъ для обвиненія кого либо въ преступленіи, составляющемъ предметъ дѣла". Циркуляръ этотъ далеко не всегда исполняется слѣдователями; о привлеченіи обвиняемыхъ къ слѣдствію часто постановленій въ дѣлахъ не бываетъ, и еще чаще они соединяются съ постановленіями о пріемѣ дѣла къ производству, при чемъ мотивы привлеченія почти не излагаются. Послѣдній порядокъ не правиленъ уже потому, что оба эти постановленія имѣютъ въ виду два совершенно различныхъ обстоятельства, неимѣющія между собою ничего общаго; мы не можемъ также согласиться съ г. Макалинскимъ и относительно приглашенія къ допросу по особому о томъ постановленію, свидѣтелей неуказываемыхъ обстоятельствами дѣла. По нашему мнѣнію, такое приглашеніе не требуетъ никакихъ объясненій, потому что оно найдетъ свое оправданіе въ сущности самаго показанія свидѣтеля; что же касается тѣхъ случаевъ, когда свидѣтели, которыхъ не имѣетъ въ виду слѣдователь, являются къ послѣднему безъ вызова или приводятся потерпѣвшимъ лицомъ или обвиняемымъ и заявляютъ о своемъ желаніи дать по дѣлу показаніе, то допросъ такихъ свидѣтелей мы относимъ къ тѣмъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, которыя должны быть объяснены въ самомъ протоколѣ допроса, какъ и принято на практикѣ. Да и какое постановленіе могъ бы составить слѣдователь въ этихъ случаяхъ? Очевидно мотивы для постановленія онъ можетъ найдти только въ самомъ показаніи свидѣтеля, и такимъ образомъ протоколъ допроса послѣдняго заключалъ бы повтореніе того же о чемъ уже сказано въ постановленіи. Другое дѣло, если слѣдователь отказываетъ въ допросѣ свидѣтеля, выставленнаго участвующимъ въ дѣлѣ лицомъ, или озна-

ченнаго въ дознаніи; такой отказъ необходимо оправдать, объяснить его основанія въ особомъ постановленіи. Укажемъ еще слѣдующіе случаи, въ которыхъ по нашему мнѣнію необходимо составленіе постановленій: 1) прекращеніе разъ начатыхъ розысковъ свидѣтелей, но не доведенныхъ до конца; 2) распоряженіе о приводѣ свидѣтелей и обвиняемыхъ, въ случаѣ неявки ихъ къ допросу по вызовамъ, а о послѣднихъ также и въ томъ случаѣ, когда они подвергаются приводу, по какимъ либо обстоятельствамъ прежде допроса ихъ въ первый разъ; въ этомъ случаѣ приводъ равносиленъ аресту, который согласно 430 ст. непремѣнно требуетъ особаго постановленія; 3) всѣ распоряженія о передачѣ, представленіи или направленіи дѣла, также должны основываться на постановленіяхъ. Г. Макалинскій указываетъ еще, что нѣкоторые окружные суды требуютъ постановленій о сыскѣ обвиняемыхъ чрезъ публикацію и о наложеніи запрещенія или ареста на ихъ имущество; это требованіе вполнѣ основательно, и кромѣ этаго удобно, по тому что слѣдователи, вмѣсто того чтобы излагать основанія и соображенія этихъ распоряженій въ представленіи суду, посылаютъ послѣднимъ копіи съ своихъ постановленій. Кромѣ этого замѣтимъ, что прокурорскій надзоръ московскаго окружнаго суда, не ограничиваясь передаваемыми ему сообщеніями о необходимости допросить по вопроснымъ пунктамъ свидѣтелей живущихъ за границей, непремѣнно требуетъ копію съ постановленія о допросѣ тѣхъ свидѣтелей.

Возвратимся опять къ условіямъ пріема слѣдователемъ дѣлъ къ производству; мы уже говорили о крайнѣ неудовлетворительной дѣятельности полиціи, а потому понятно, что 309 ст. уст. гр. суд. практикуется весьма часто. „Если судебный слѣдователь, сказано въ этой статьѣ, въ сообщеніи полицейскихъ или другихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ (замѣтимъ кромѣ случаевъ указанныхъ въ 1008 — 1156 ст. уст. уг. суд.) не найдетъ достаточныхъ основаній къ производству слѣдствія, то немедленно сообщаетъ о томъ прокурору или его товарищу". Но въ какой формѣ нужно сообщать о такомъ дознаніи, зачѣмъ нужно такое сообщеніе и наконецъ, что дѣлать послѣ этого съ дознаніемъ, этого уставы не опредѣляютъ; практика же нѣсколько отступаетъ отъ буквальнаго смысла 309 ст., такъ что слѣдователи обыкновенно не сообщаютъ, а передаютъ прокурорскому надзору, вмѣстѣ съ постановленіемъ своимъ о

таковой передачѣ какъ самое сообщеніе, или дознаніе, такъ и всю присланную при нихъ переписку; этотъ порядокъ мы признаемъ желательнымъ особенно потому, что онъ даетъ возможность прокурору немедленно разсмотрѣвъ всѣ эти бумаги, или согласиться съ постановленіемъ слѣдователя, или предложить ему произвести слѣдствіе; въ послѣднемъ случаѣ слѣдствіе будетъ производиться уже не по сообщенію полиціи, а по предложенію прокурора; что же касается перваго случая, то прокурорскій надзоръ еще не принялъ общаго для всѣхъ порядка; одни возвращаютъ всю переписку опять къ слѣдователю, съ увѣдомленіемъ, что они съ постановленіемъ его согласны; другіе же пересылаютъ ее въ то мѣсто, откуда она поступила къ слѣдователю; этотъ послѣдній порядокъ мы признаемъ наиболѣе правильнымъ, потому, что онъ безъ потери времени приводитъ скорѣе къ цѣли, и не затрудняетъ слѣдователей совершенно лишней перепиской, такъ какъ послѣдніе, не имѣя архива очевидно должны препроводить полученную обратно отъ прокурора переписку по принадлежности; такимъ образомъ въ этомъ случаѣ слѣдователи являются какъ бы передаточной инстанціей, что едвали согласно съ ихъ обязанностями.

Подъ выраженіемъ 309 ст., текстъ которой мы сей часъ привели, „достаточныя основанія“ практика совершенно правильно понимаетъ, какъ наличность указаній на признаки преступленія, такъ и достовѣрность этихъ указаній; неправильная же передача дознанія по ошибочному опредѣленію подсудности дѣла, или, такъ сказать, подслѣдственности послѣдняго именно тому слѣдователю, которому оно передано, не можетъ служить основаніемъ примѣненія 309 ст; такія дознанія должны быть передаваемы по принадлежности на основаніи 289 и 482 ст. Передача эта на практикѣ часто совершается чрезъ полицейское управленіе такимъ образомъ, что слѣдователь передаетъ дознаніе обратно въ то полицейское управленіе откуда получилъ, въ этомъ смыслѣ составляются иногда и постановленія, а послѣднее уже отъ своего лица отсылаетъ дознаніе кому слѣдуетъ. Такой порядокъ не согласенъ съ прямымъ смысломъ 186 ст. учреж. суд. уст. и 482 ст. уст. уг. суд., и кромѣ этаго ведетъ къ крайней медленности производства, о чемъ мы уже говорили выше.

Примѣчаніе 309 ст. возбуждаетъ на практикѣ еще слѣдующій весьма важный вопросъ. „Отказываясь отъ производства слѣд-

ствія, говоритъ г. Макалинскій, слѣдователь, согласно 269 ст. обязанъ отмѣнить всѣ принятыя при дознаніи или обнаруженіи происшествія стѣснительныя для какого бы то ни было мѣры, какъ напр. мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія, опечатаніе жилища или имущества, отобраніе вещей и т. п. къ сожалѣнію довольно распространено противуположное мнѣніе, основывающееся на томъ, что слѣдователь, не принимая дѣла къ своему производству, не имѣетъ права дѣлать никакихъ по немъ распоряженій. Это основаніе совершенно вѣрно въ томъ смыслѣ, что слѣдователь не можетъ дѣлать распоряженій, клонящихся къ дальнѣйшему разслѣдованію, но нѣтъ причины утверждать, будтобы слѣдователь не имѣетъ права освободить неосновательно привлеченныхъ къ дѣлу лицъ отъ наложенныхъ на нихъ стѣсненій только потому, что (если только?) лица эти привлечены къ дѣлу дѣйствительно безъ всякихъ основаній, ибо въ противномъ случаѣ, при малѣйшемъ къ тому основаніи, не можетъ быть и вопроса о правѣ слѣдователя примѣнять 269 ст.“ Мы не согласны съ г. Макалинскимъ и думаемъ, что въ защиту противоположнаго мнѣнія, можно привести болѣе серьезное основаніе, кромѣ того на которое онъ самъ указываетъ. Почему же слѣдователь, „обязанъ“, какъ говоритъ г. Макалинскій, отмѣнить стѣснительныя мѣры, откуда вытекаетъ такая обязанность, если она прямо не указана въ законѣ? Если бы послѣдній дѣйствительно имѣлъ бы въ виду возложить на слѣдователя эту обязанность, то понятно въ виду ея важности, о ней было бы прямо упомянуто въ уставахъ, однако такого постановленія мы не находимъ. 269 ст. на которую ссылается г. Макалинскій, говоритъ, что судебный слѣдователь“ имѣетъ право“, а не „обязанъ“, отмѣнять дѣйствія полиціи по произведенному ею первоначальному изслѣдованію, и это право не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, если слѣдователь принялъ дѣло къ своему производству: онъ хозяинъ слѣдствія, распоряжается имъ по своему усмотрѣнію, отвѣчаетъ за него, и прокурорскому надзору не предоставлено по своему усмотрѣнію прекратить, или даже пріостановить слѣдствіе; на это имѣютъ право только слѣдователь и судъ. Другое дѣло, если слѣдователь не находитъ основанія къ производству слѣдствія, и передаетъ дознаніе прокурору согласно 309 ст.; въ этомъ случаѣ слѣдователь „не отказывается отъ производства слѣдствія“, какъ говоритъ г. Макалинскій, а только „пріостанавливаетъ“

дальнѣйшее производство его; отказаться отъ производства слѣдствія на основаніи 309 ст. судебный слѣдователь не имѣетъ права, онъ можетъ только „сообщить прокурору о томъ что не находитъ достаточныхъ основаній къ производству слѣдствія". Очевидно, что эта статья не предоставляетъ судебному слѣдователю по собственному своему усмотрѣнію отказаться отъ производства слѣдствія и прекратить возникающее дѣло; прокуроръ можетъ дать о производствѣ слѣдствія предложеніе, которое для слѣдователя обязательно; какъ же тогда онъ будетъ производить слѣдствіе, если принятыя полиціей мѣры отмѣнены, освобожденныя подозрѣваемыя лица успѣли уже скрыться, унести имущество, и скрыть слѣды преступленія? Если же принятыя полиціей мѣры неправильны или противузаконны, то при разсмотрѣніи дознанія и всей переписки съ постановленіемъ слѣдователя, это будетъ замѣчено прокуроромъ, который на основаніи 279 ст. сдѣлаетъ распоряженіе объ отмѣнѣ принятыхъ полиціей мѣръ, и прекращеніи розысковъ и т. д. и привлечетъ къ отвѣтственности на основаніи 485 ст., допустившихъ не правильныя дѣйствія. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Макалинскаго.

Здѣсь будетъ мѣсто разсмотрѣть порядокъ отказа въ производствѣ предварительнаго слѣдствія на основаніи 27 ст. уст. уг. суд. Очевидныя преимущества уголовнаго процесса для гражданскихъ истцовъ передъ процессомъ гражданскимъ, часто заставляютъ желать заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, путемъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія, избавиться отъ гражданскаго суда или обойти законъ гражданскаго права; вслѣдствіе этого нерѣдко подаются слѣдователю самыя неосновательныя жалобы и заявленія, а потому 27 ст. давно уже обратила на себя особенное вниманіе; при чемъ на практикѣ оказалось, что ограниченія, установленныя этой статьей относительно возбужденія уголовнаго преслѣдованія не достаточны, а поэтому началось расширеніе въ ея примѣненіи; явилось множество рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ сената, изъ которыхъ однако нельзя вывести общихъ, твердыхъ руководящихъ началъ въ разграниченіи подсудностей гражданскаго и уголовнаго суда. Мы не будемъ разсматривать этого вопроса, потому что намъ пришлось бы войдти въ область матеріальнаго права и такимъ образомъ отступить отъ программы настоящей статьи, скажемъ только, что отсутствіе общихъ принциповъ ведетъ во первыхъ къ постояннымъ жалобамъ на

слѣдователей со стороны заинтересованныхъ лицъ, и во вторыхъ ставитъ первыхъ иногда въ такія затрудненія изъ которыхъ мы не находимъ выхода. Что касается перваго обстоятельства, то безъ сомнѣнія для слѣдователей весьма важно установить правильный порядокъ отказа въ производствѣ слѣдствія. Конечно послѣдній долженъ быть выраженъ въ формѣ постановленія съ подробнымъ изложеніемъ мотивовъ; но что же потомъ дѣлать съ постановленіемъ и заявленіемъ? Многіе слѣдователи ограничиваются тѣмъ, что выдаютъ, или пересылаютъ чрезъ полицію подъ росписку и то и другое тому самому лицу, которое подало заявленіе. Но случается иногда, что жалобщикъ чрезъ нѣсколько дней подаетъ адресованную въ окружный судъ жалобу на постановленіе слѣдователя, въ которой излагаетъ обстоятельства дѣла совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ они были изложены въ заявленіи, переданномъ слѣдователю, а о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и со всѣмъ умалчиваетъ, что конечно ставитъ, какъ слѣдователя, такъ и окружный судъ въ затрудненіе, перваго при составленіи объясненія, а послѣдняго при обсужденіи правильности основаній постановленія слѣдователя. Вотъ почему мы полагаемъ, что слѣдователи должны держаться другаго порядка, а именно, объявивъ подъ росписку жалобщику постановленіе свое объ отказѣ въ производствѣ слѣдствія на основаніи 27 ст. оставить у себя какъ жалобу такъ и постановленіе, а если жалобщикъ потребуетъ, то выдать ему копію съ нихъ. Въ случаѣ обжалованія этого распоряженія, слѣдователь долженъ будетъ представить въ судъ, вмѣстѣ съ своимъ объясненіемъ и жалобой, подлинное заявленіе и составленное имъ по поводу этого заявленія подлинное постановленіе. Мы сей часъ сказали, что отсутствіе общихъ принциповъ въ примѣненіи 27 ст. ведетъ иногда на практикѣ къ большимъ затрудненіямъ, вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Къ имуществу Г., однаго изъ крупныхъ наслѣдодателей, не оставившаго духовнаго завѣщанія, были назначены опекунами два его сына, съ начала В, а потомъ К. Старшій В, безъ вѣдома младшаго, по сдѣлкѣ, утвержденной мировымъ судьею, призналъ довольно крупный долгъ покойнаго отца своего третьему лицу И., вслѣдствіе чего мировой судья, согласно условію сдѣлки, выдалъ И исполнительный листъ, наложивъ на имѣнія наслѣдодателя запрещеніе. При заключеніи мировой В и И скрыли отъ мироваго судьи то обстоятельство, что къ имѣнію покойнаго Г назначенъ ещ

другой опекунъ К. Часть недвижимаго наслѣдственнаго имущества была продана съ публичнаго торга по исполнительному листу И., при чемъ проданныя имѣнія достались послѣднему. Между тѣмъ В былъ утвержденъ окружнымъ судомъ въ правахъ наслѣдства на все оставшееся по смерти отца его имущество, исключая законной части сестры его С., которая также была утверждена въ своихъ правахъ наслѣдства; а младшему сыну покойнаго К. равно и вдовѣ его А. въ утвержденіи въ правахъ на наслѣдство и на вдовью часть было отказано за пропускомъ сроковъ. Это опредѣленіе суда было обжаловано въ гражданскій департаментъ палаты, которая апелляцію оставила безъ послѣдствій и утвердила опредѣленіе суда, предоставивъ апелляторамъ искать свои наслѣдственныя части въ порядкѣ исковомъ. По этому К предъявилъ въ окружномъ судѣ искъ къ своему брату В; къ этому иску присоединились С., а позднѣе и вдова А. Между тѣмъ послѣдняя еще раньше этого подала судебному слѣдователю жалобу по обвиненію И въ мошенничествѣ, именно въ томъ что послѣдній будтобы обманомъ заставилъ ее сына В признать долгъ умершаго отца. Къ этой жалобѣ присоединились позднѣе остальные сонаслѣдники, которые уже предъявили искъ въ окружномъ судѣ и просили признать ихъ гражданскими истцами. Несостоятельность обвиненія И въ мошенничествѣ очень скоро была выяснена слѣдствіемъ, да кромѣ этаго слѣдователь не нашелъ возможнымъ продолжать послѣднее потому, что встрѣтился съ вопросами гражданскаго права, отъ рѣшенія которыхъ, по его мнѣнію, зависѣлъ уголовный процессъ, а потому онъ направилъ все производство по 27 ст. Мы не будемъ входить въ подробное обсужденіе этаго сложнаго и весьма интереснаго дѣла уже потому, что намъ пришлось бы привести постановленіе слѣдователя совсѣми мотивами и вообще войдти въ разсмотрѣніе дѣла на что мы не считаемъ себя вправѣ, такъ какъ дѣло находится еще въ производствѣ у слѣдователя и потому мы говоримъ о немъ какъ бы о не существующемъ въ дѣйствительности, представляемомъ нами въ видѣ возможнаго примѣра; скажемъ только, что уголовный департаментъ судебной палаты разсмотрѣвъ дѣло, и не зная ничего о гражданскомъ искѣ, предъявленномъ въ окружномъ судѣ, такъ какъ это обстоятельство выяснялось уже послѣ слѣдствіемъ, не согласился съ постановленіемъ слѣдователя, и опредѣлилъ возвратить послѣднему дѣ-

ло для дальнѣйшаго производства и привлеченія къ отвѣтственности не только И но и самаго В., такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что послѣдній зналъ, что имѣнія покойнаго отца его были въ управленіи двухъ опекуновъ и не заявилъ объ этомъ мировому судьѣ; но палата не указала въ какихъ именно статьяхъ уложенія предусмотрѣны преступныя дѣянія В и И а потому первому было предъявлено обвиненіе, за невозможностью предъявить другаго, по признакамъ 1700 ст. улож. о нак., а второму 1702 ст. Такимъ образомъ гражданскій департаментъ палаты призналъ дѣло гражданскимъ, и оно разсматривается въ окружномъ судѣ въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, а уголовный департаментъ призналъ дѣло уголовнымъ и оно одновременно производится у слѣдователя; при этомъ, ни слѣдователь, ни окружный судъ, въ виду опредѣленій департаментовъ палаты, не считаютъ себя въ правѣ нетолько прекратить, но даже пріостановить производство. Строго правильнаго выхода изъ этого процессуальнаго затрудненія мы не находимъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію законныхъ поводовъ къ начатію предварительныхъ слѣдствій, т. е. формальныхъ основаній къ возбужденію уголовныхъ преслѣдованій. Второй пунктъ 297 ст. и слѣдующіе за нимъ, не представляютъ никакихъ затрудненій. 309 ст. разрѣшаетъ тотъ случай, если судебный слѣдователь въ сообщеніи полицейскихъ или другихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, не найдетъ достаточныхъ основаній къ производству слѣдствія. 310 ст. указываетъ слѣдователю порядокъ дѣйствій въ томъ случаѣ, если повинная опровергается имѣющимися у него свѣдѣніями, слѣдователь обязанъ составить протоколъ о причинахъ, побудившихъ его оставить явку съ повинною безъ послѣдствій, и сообщить копію протокола прокурору или его товарищу. Такимъ образомъ 310 ст. опредѣляетъ порядокъ дѣйствій одинаковый съ тѣмъ, какой указанъ въ 309 ст., а потому все что было сказано о направленіи дѣлъ по этой послѣдней статьѣ, одинаково относится и къ направленію дѣлъ по 310 ст. Нельзя только не замѣтить, что 310 ст. говоритъ о составленіи протокола, но очевидно такое названіе той бумаги, которую долженъ составить слѣдователь, употреблено здѣсь ошибочно вмѣсто слова «постановленіе», которое согласно 472 ст. дѣйствительно должно быть составлено въ этомъ случаѣ. Непонятно также почему 310 ст. требуетъ, чтобы слѣдователь сообщилъ прокурору «копію» постановленія,

или протокола, какъ называетъ въ этомъ случаѣ законъ актъ слѣдователя о которомъ идетъ здѣсь рѣчь; что же будетъ дѣлать слѣдователь съ подлиннымъ постановленіемъ? У него нѣтъ архива, гдѣ же онъ будетъ хранить эту бумагу и зачѣмъ? По нашему мнѣнію въ данномъ случаѣ точно также какъ при примѣненіи 309 ст., слѣдователь долженъ отослать все производство прокурору, сообщивъ ему конечно и тѣ имѣющіяся у него свѣденія, которыми повинная опровергается. Четвертый и пятый пункты 297 ст. не представляютъ никакихъ затрудненій; но нельзя сказать того же о 1-мъ пунктѣ. Согласно 303 ст. «жалобы почитаются достаточнымъ поводомъ къ начатію слѣдствія. Ни судебный слѣдователь, ни прокуроръ не могутъ отказать въ томъ лицу потерпѣвшему отъ преступленія или проступка». «Категоричность этого постановленія говоритъ г. Макалинскій, породило на практикѣ мнѣніе, будто судебный слѣдователь и прокуроръ *ни въ какомъ случаѣ* не имѣютъ права отказать въ начатіи производства слѣдствія, по поданной имъ жалобѣ,—на томъ основаніи, что принесеніе жалобы есть предъявленіе уголовнаго иска, что ни слѣдователю, ни прокурору не предоставлено судить о правильности или неправильности предъявленія иска, что такое право принадлежитъ только суду, что поэтому уставъ уголовнаго судопроизводства безусловно предписываетъ приступать къ слѣдствію по всякой жалобѣ и ни одною статьею своею не указываетъ на возможность слѣдователя или прокурора отказать жалующемуся въ начатіи слѣдствія, и что затѣмъ всякая жалоба, принесенная слѣдователю или прокурору, каковъ ни былъ предметъ ея, хотя бы поступки или происшествія были самаго невиннаго свойства, если только жалующійся считаетъ себя лицомъ потерпѣвшимъ отъ этихъ поступковъ или происшествій, должно повлечь за собою начатіе слѣдствія! Мнѣніе это до сихъ поръ поддерживается всѣми извѣстными намъ практиками, которые нерѣдко, получивъ очевидно неосновательную жалобу, всетаки считаютъ себя обязанными начать предварительное слѣдствіе, и потомъ уже, не доводя послѣднее до конца, направляютъ его по 277 ст. или же поручаютъ полиціи произвести по жалобѣ дознаніе и за симъ передаютъ послѣднее прокурорскому надзору на основаніи 309 ст. Между практиками идетъ только разногласіе относительно правильности послѣдняго порядка, который очевидно противорѣчитъ мнѣнію защитниковъ безусловной обязанности слѣдователя непремѣнно «начать про-

изводство слѣдствія» по каждой жалобѣ; но всѣ согласны въ томъ, что отказать въ такомъ производствѣ, ни слѣдователь, ни прокуроръ ни въ какомъ случаѣ права не имѣютъ. Такое толкованіе 303 ст. ставитъ слѣдователя и прокурора каждый разъ въ крайне ложное и неловкое отношеніе къ жалобщику и къ его дѣлу, и обращаетъ слѣдственное производство, завѣдомо для нихъ въ соблюденіе формальности не имѣющей никакого смысла, а это едвали согласно съ достоинствомъ означенныхъ лицъ и съ серьезнымъ значеніемъ предварительнаго слѣдствія; думаемъ также, что вышеприведенное мнѣніе не можетъ выдержать даже поверхностной критики. Мы вполнѣ согласны съ толкованіемъ этаго вопроса Макалинскимъ, а потому и приведемъ здѣсь его разсужденіе. «Мнѣніе это, очевидно противорѣчащее предписанію 262 ст., требующей для начатія слѣдствія нетолько законнаго повода, но и достаточнаго основанія, опровергается еще слѣдующими соображеніями. Прямой смыслъ 301 и 302 ст. показываетъ, что жалобы могутъ быть приносимы только по поводу преступленій или проступковъ, которые и должны быть въ жалобахъ указаны. Слѣдовательно такія заявленія лицъ потерпѣвшихъ, которыя не содержатъ въ себѣ этихъ указаній, не должны быть признаваемы жалобами, а потому и не могутъ служить, по 303 ст., поводомъ къ начатію слѣдствія. Далѣе прокурору и слѣдователю жалоба можетъ быть приносима не о всякомъ преступленіи или проступкѣ. Ст. 303 помѣщена въ 3-й главѣ 2-го раздѣла уст. уг. суд. «о поводахъ къ начатію предварительнаго слѣдствія». Уже одно это обстоятельство показываетъ, что слѣдователю и прокурору должны быть приносимы жалобы по такимъ только преступленіямъ и проступкамъ, которые могутъ быть предметомъ предварительнаго слѣдствія, а какъ въ общемъ порядкѣ судопроизводства предварительныя слѣдствія, по силѣ 249 ст., производятся только по преступленіямъ и проступкамъ, подсуднымъ окружному суду, то очевидно, что въ общемъ порядкѣ только жалобы на преступленія и проступки такого рода могутъ быть приносимы судебному слѣдователю и прокурору, который на основаніи 4 ст. устава не имѣетъ права возбуждать слѣдствія по дѣламъ не заключающимъ въ себѣ признаковъ уголовныхъ преступленій, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. «Все вышеизложенное, продолжаетъ нѣсколько далѣе г. Макалинскій, несомнѣнно приводитъ къ убѣжденію, что только *жалобы на преступленія или проступки,*

подсудные окружнымъ судамъ, служатъ достаточнымъ поводомъ къ начатію предварительныхъ слѣдствій, и что всякія иныя заявленія лицъ потерпѣвшихъ, неуказывающія на такія преступленія или проступки, не должны считаться жалобами, въ смыслѣ 301—303 ст., и не могутъ послужить поводомъ къ начатію предварительнаго слѣдствія. При такомъ взглядѣ само собою падаетъ возраженіе основанное на томъ, что подача жалобы составляетъ предъявленіе уголовнаго иска; ибо, какъ скоро заявленіе потерпѣвшаго лица не удовлетворяющее требованію 301 и 302 ст. не считается жалобою въ уголовномъ смыслѣ, то и не можетъ быть рѣчи о предъявленіи уголовнаго иска,—иначе слѣдовало бы допустить, что всякое должностное лицо и мѣсто обязано принять всякую жалобу, что очевидно, произвело бы огромную путаницу въ дѣлахъ. Правильность сказаннаго выше подтверждается рѣшеніями Сената: по дѣлу Штишевскаго, въ которомъ Сенатъ призналъ, что мировой судья не имѣлъ права давать хода жалобѣ, не заключавшей въ себѣ указаній на признаки преступленія или проступка (рѣш. 1869 г. № 1053), и по дѣлу Зонтъ, гдѣ Сенатъ объяснилъ, что ни прокуроръ, ни судебный слѣдователь, получившій предложеніе прокурора, не имѣли права возбуждать по жалобѣ Руситской уголовное преслѣдованіе по обвиненію Зонтъ въ злоумышленномъ нарушеніи такого договора, существованіе котораго гражданскимъ судомъ признано недоказаннымъ (рѣш. 1868 г. № 770) и т. д. Такимъ образомъ истинный смыслъ 303 ст. заключается въ томъ, что въ отличіе отъ объявленій лицъ не потерпѣвшихъ, *по законно принесенной жалобѣ не можетъ быть отказано въ начатіи слѣдствія, подъ предлогомъ недостовѣрности содержащихся въ ней указаній и свѣдѣній* (ст. 170 т. II)»

Чтоже касается до формы и порядка отказа въ производствѣ предварительнаго слѣдствія по неосновательной или неправильно поданной жалобѣ, то мы полагаемъ, что и въ этомъ случаѣ долженъ быть принятъ тотъ же порядокъ какой мы признали наиболѣе правильнымъ, при отказѣ на основаніи 27 ст.

При пріемѣ жалобъ часто возникаетъ еще одинъ весьма важный вопросъ отъ правильнаго рѣшенія котораго практика по видимому уклоняется, усвоивъ себѣ очень простое но неосновательное правило; это вопросъ о принятіи жалобъ, подаваемыхъ по довѣренности. 306 — 308 ст. уст. уг. суд. имѣютъ въ виду исключительно личную подачу жалобъ, а потому слѣдователи

признаютъ только таковую, не допуская при этомъ никакихъ довѣренностей и повѣренныхъ. Но это едвали правильно. Г. Макалинскій предлагаетъ слѣдующія общія основанія для рѣшенія этаго вопроса. «Личная подача жалобы безусловно необходима, говоритъ онъ, въ тѣхъ случаяхъ: 1) когда жалоба основывается на личномъ удостовѣреніи; 2) если при ней не представлены, а только указаны доказательства и 3) если въ ней заключается прямое обвиненіе, т. е. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, *когда жалующійся принимаетъ на себя отвѣтственность за справедливость своихъ показаній или основательность своего обвиненія.* Только принятіе на себя жалобщикомъ такой отвѣтственности, дѣлаетъ жалобу, какъ видно изъ объясненій къ 297 ст. въ изд. госуд. канц. достаточнымъ поводомъ къ начатію слѣдствія. Но такъ какъ принимать на себя по довѣренности уголовную отвѣтственность нельзя, то жалоба можетъ быть принесена по довѣренности въ такомъ только случаѣ, если она заключаетъ въ себѣ заявленіе о преступленіи, доказываемомъ не личнымъ удостовѣреніемъ жалобщика, а другими доказательствами, представленными при жалобѣ, и если она при томъ не взводитъ никакого обвиненія въ преступленіи, т. е. *если принесеніе жалобы, по самому свойству ея не можетъ подвергать никакой отвѣтственности.* Отъ довѣренности на принесенія жалобы нужно впрочемъ отличать довѣренность на подачу жалобы. Въ принятіи послѣдней нѣтъ ничего неправильнаго, но жалоба эта получаетъ свою силу, какъ поводъ къ слѣдствію, все таки не прежде, какъ по выполненіи въ отношеніи самаго жалобщика 307 ст. ус. уг. суд.“

Нерѣдко также неправильно примѣняются 545, 546 и 35 ст. уст. уг. суд. По дѣламъ рѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, слѣдователи часто начинаютъ слѣдствіе и потомъ уже передаютъ дѣло на основаніи 545 ст. прокурорскому надзору; или передаютъ дѣло мировымъ судьямъ на основаніи 35 ст. для склоненія сторонъ къ миру уже по принятіи дѣла къ своему производству, но до начала послѣдняго. Такой порядокъ очевидно неправиленъ; въ этихъ случаяхъ нѣтъ законнаго повода къ начатію слѣдствія, такъ какъ они составляютъ исключеніе изъ общаго правила а потому, слѣдователь, по особому своему постановленію, долженъ или отказаться отъ принятія такой жалобы, или передать ее куда слѣдуетъ. Мировые судьи точно также возвращаютъ слѣдователямъ, не

успѣвъ склонить сторонъ къ миру, полученныя отъ нихъ дѣла возникшія по частнымъ жалобамъ, не смотря на то угрожаетъ или нѣтъ обвиненіе лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, и слѣдователи по такимъ дѣламъ тоже начинаютъ производить слѣдствіе, вмѣсто того, чтобы возвращать ихъ обратно мировымъ судьямъ, какъ неправильно къ нимъ направленныя. Изъ разъясненій 546 ст. въ изданіи государственной канцеляріи видно, что дѣла, которыя производятся въ порядкѣ частнаго обвиненія, безъ всякаго участія лицъ прокурорскаго надзора въ уголовномъ искѣ, должны передаваться мировыми судьями въ окружный судъ, если жалобы подтверждаются достаточными доказательствами и обжалованныя преступныя дѣянія окажутся принадлежащими къ числу преслѣдуемыхъ закономъ подъ страхомъ такихъ наказаній, опредѣленіе которыхъ выходитъ изъ предѣловъ предоставленной мировымъ судьямъ власти; точно также жалобы, по дѣламъ этого рода, не подкрѣпленныя ни какими доказательствами не могутъ быть передаваемы судебнымъ слѣдователямъ въ виду 46, 302, 304 п. 3 и 546 ст. уст. уг. суд., что высказано Сенатомъ въ его рѣшеніи по дѣлу Жаркова 1868 г. № 399. Такимъ образомъ мировой судья обязанъ передавать за несостоявшимся примиреніемъ слѣдователю, а послѣдній принимать къ своему производству, только тѣ жалобы частныхъ обвинителей, которыя указываютъ на преступленія, влекущія за собою лишеніе или ограниченіе правъ, и доказательства которыхъ могутъ быть повѣрены только предварительнымъ слѣдствіемъ; исключеніе составляютъ тольчо тѣ дѣла этого рода, которыя по совокупности преступленій, на основаніи 205 и 207 ст. рѣшаются тѣмъ судомъ, которому подсудно важнѣйшее изъ преступленій, и если послѣднѣе подлежитъ разсмотрѣнію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то понятно, что и дѣло частнаго обвинителя также будетъ разсматриваться съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а всѣ такія дѣла непремѣнно требуютъ предварительнаго слѣдствія.

Хотя 288, 289 и слѣдующія статьи устраняютъ и объясняютъ повидимому всѣ возможные случаи и поводы къ недоразумѣніямъ могущимъ возникнуть при опредѣленіи подслѣдственности дѣлъ, тѣмъ не менѣе все это далеко не могло устранить на практикѣ пререканій между судебными слѣдователями. Въ самомъ дѣлѣ согласно 1 п. 289 ст. напр., слѣдствіе по дѣлу обязанъ производить тотъ судебный слѣдователь, въ участкѣ

котораго преступленіе совершено; но понятно, что въ опредѣленіи мѣста совершенія того или другаго преступленія возможно несогласіе слѣдователей. Такъ, не смотря на множество рѣшеній Сената, разъясняющихъ вопросовъ о мѣстѣ совершенія подлога, вопросъ этотъ до сихъ поръ часто служитъ поводомъ къ пререканіямъ; еще чаще ведетъ къ послѣднимъ вопросъ о мѣстѣ совершенія присвоенія и однородныхъ ему преступленій, такъ какъ опредѣленіе дѣйствій ясно обнаруживающихъ въ обвиняемомъ animus rem sibi habendi зависитъ не рѣдко отъ личнаго взгляда на значеніе того или другаго дѣйствія. Для слѣдствія пререканія крайнѣ вредны, потому что пріостанавливаютъ его производство на весьма продолжительное время, которое затягивается еще болѣе по слѣдующей причинѣ. Судебный слѣдователь, обнаруживъ поводъ къ передачѣ дѣла въ участокъ другаго слѣдователя, составляетъ объ этомъ постановленіе, и отсылаетъ послѣднему все производство; а этотъ, не соглашаясь принять дѣло, возвращаетъ его при своемъ постановленіи опять къ первому слѣдователю, въ надеждѣ, что онъ убѣдится его доводами, но не успѣваетъ въ этомъ и получаетъ дѣло обратно; въ этой перепискѣ и пересылкѣ дѣла проходитъ иногда болѣе мѣсяца времени; мы знаемъ одно дѣло, которое передавалось до 6 разъ отъ одного слѣдователя къ другому и во все это время оставалось безъ движенія. Такой порядокъ крайнѣ вреденъ и очевидно неправиленъ. Судебный слѣдователь получивъ дѣло отъ другаго для дальнѣйшаго производства, не имѣетъ права отослать его обратно къ первому слѣдователю, а долженъ, если не согласенъ производить слѣдствіе, прямо отъ себя передать дѣло въ окружный судъ, при которомъ состоитъ для разрѣшенія возникшаго пререканія. Но здѣсь встрѣчается затрудненіе, заключающееся въ томъ, что судебные уставы какъ извѣстно, не опредѣляютъ порядка разрѣшенія пререканій между судебными слѣдователями; и между послѣдними мировыми и съѣздами. Однако настоятельныя требованія практики давно уже побудили примѣнять къ этимъ случаямъ по аналогіи постановленіе 4-й главы I-го раздѣла уст. уг. суд. Мы не войдемъ въ подробное разсмотрѣніе этаго вопроса, потому, что онъ на столько уже выясненъ практикой, что не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, и рѣшается всегда правильно; укажемъ только на одинъ случай, который до сихъ поръ толкуется различно практикой окружныхъ судовъ; мы говоримъ о пререканіяхъ ме-

жду судебными слѣдователями однаго и того же города. Согласно 293 ст. „въ городѣ, хотя бы онъ былъ раздѣленъ на нѣсколько слѣдственныхъ участковъ, каждый судебный слѣдователь непосредственно производитъ всѣ дѣйствія по возникшему въ его участкѣ дѣлу“. Эта статья до сихъ поръ поддерживаетъ мнѣніе будто между судебными слѣдователями однаго города пререканій быть не можетъ, а потому случается, что окружные суды отказываютъ слѣдователямъ въ разрѣшеніи ихъ недоразумѣній. Однако практика показываетъ, что такія пререканія, и при томъ вполнѣ основательныя, возможны и настоятельно требуетъ ихъ разрѣшенія. 288 ст. опредѣляя, что каждый судебный слѣдователь производитъ предварительныя слѣдствія въ назначенномъ ему участкѣ уѣзда или города, не дѣлаетъ ни какого различія въ условіяхъ производства предварительныхъ слѣдствій въ уѣздахъ и городахъ, а потому, если практика признаетъ возможность пререканій между уѣздными слѣдователями, то почему же не допустить ихъ и между слѣдователями двухъ городскихъ участковъ? 293 ст., на которую указываютъ защитники противоположнаго мнѣнія не служитъ, по нашему мнѣнію, препятствіемъ къ этому; толковать такъ эту статью, значитъ признавать, что въ городѣ каждый слѣдователь обязанъ принять къ своему производству и разъ принявъ, довести слѣдствіе до конца, каждую жалобу, заявленіе или сообщеніе, хотя бы послѣднія были поданы съ нарушеніемъ всѣхъ условій производства предварительныхъ слѣдствій; такого смысла 293 ст. очевидно не имѣетъ; изложенное въ ней правило помѣщено не послѣ 288 ст., а непосредственно за постановленіемъ 292 ст., при чемъ прямой смыслъ этихъ статей не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ 293 ст. указано лишь исключеніе изъ правила, изложеннаго въ 292 ст. и потому она не только не измѣняетъ, но даже не касается общихъ началъ, изложенныхъ въ предыдущихъ статьяхъ. „Когда окажется необходимымъ допросить обвиняемыхъ или свидѣтелей, или же произвести иное слѣдственное дѣйствіе внѣ участка, гдѣ слѣдствіе возникло, то исполненіе сихъ дѣйствій возлагается на того слѣдователя, въ участкѣ коего они должны быть произведены (292 ст.).

„Въ городѣ же, хотя бы онъ былъ раздѣленъ на нѣсколько слѣдственныхъ участковъ, каждый судебный слѣдователь непосредственно производитъ всѣ дѣйствія по возникшему въ его

участкѣ дѣлу" (293 ст.), очевидно потому, что послѣднее нетолько возможно, но даже очень удобно и необходимо въ виду соблюденія 295 ст., а примѣненіе этого правила въ первомъ случаѣ не только неудобно, но даже и не возможно. Казалось бы, что смыслъ и значеніе этихъ постановленій настолько ясны и очевидны, что не требуютъ никакихъ толкованій; тѣмъ не менѣе говорятъ, „*какъ бы*" не возникло въ городскомъ слѣдственномъ участкѣ дѣло, слѣдователь обязанъ самъ произвести всѣ слѣдственныя дѣйствія; но гдѣ же это слово „*какъ бы*" и откуда видно, что 293 ст. отмѣняетъ для слѣдователей городскихъ участковъ всѣ предыдущія условія, обязательныя при производствѣ предварительныхъ слѣдствій? Однако не далѣе какъ въ прошломъ ноябрѣ двое изъ извѣстныхъ намъ городскихъ слѣдователей были поставлены въ затрудненіе вслѣдствіе отказа окружнаго суда разрѣшить ихъ пререканіе. И тотъ и другой не только не хотѣли но не считали даже себя вправѣ, послѣ своихъ постановленій, принять дѣло къ своему производству. По этому слѣдователь, представлявшій дѣло въ судъ для разрѣшенія пререканія былъ вынужденъ передать все производство товарищу прокурора того участка, изъ котораго оно было передано; послѣдній разсмотрѣвъ дѣло нашелъ, что слѣдствіе должно быть произведено во ввѣренномъ его надзору участкѣ, а потому предложилъ слѣдователю принять дѣло къ своему производству. Нечего и говорить, что такой порядокъ нарушаетъ основныя начала угололовнаго судопроизводства; но несомнѣнно онъ будетъ принятъ практикой, какъ единственно возможный.

Иногда 247 ст., вслѣдствіе неправильнаго направленія дѣлъ, также служитъ поводомъ къ пререканіямъ между судебными слѣдователями. Судебные уставы ничего не говорятъ о перенесеніи производства предварительныхъ слѣдствій изъ однаго округа въ другой; однако на практикѣ этотъ вопросъ не рѣдко возникаетъ и рѣшается по аналогіи съ постановленіями пятой главы I раздѣла уставовъ. Но примѣненіе 247 ст. къ предварительнымъ слѣдствіямъ не всегда допускается окружными судами; и иногда бываетъ неправильно; такъ, мы знаемъ слѣдующій случай. Въ прошломъ году изъ уѣзднаго города П, В—ской губерніи, пріѣхалъ въ Москву лѣсопромышленникъ А съ своимъ повѣреннымъ Б, который немедленно отправился въ

судъ за справками и вернувшись оттуда показалъ А исполнительный листъ, выданный будтобы ему изъ московской судебной палаты на взысканіе двухъ, или трехъ тысячъ руб. съ другаго купца С., Въ тотъ же день А и Б уѣхали обратно домой. Черезъ нѣсколько времени Б. передалъ исполнительный листъ А, который и предъявилъ его судебному приставу. Послѣдній сомнѣваясь въ подлинности исполнительнаго листа, возвратилъ его А отказавъ во взысканіи по немъ денегъ. Тогда А опять пріѣхалъ въ Москву и показалъ исполнительный листъ одному изъ чиновниковъ канцеляріи судебной палаты, который, замѣтивъ, что исполнительный листъ подложный отъ начала до конца, заявилъ объ этомъ кому слѣдуетъ. Затѣмъ о случившемся былъ составленъ актъ, который и былъ переданъ по мѣсту обнаруженія преступленія, одному изъ московскихъ судебныхъ слѣдователей. Но производить предварительное слѣдствіе въ Москвѣ оказалось невозможнымъ, такъ какъ всѣ слѣдственныя дѣйствія исключая допроса чиновника канцеляріи палаты, подлежали производству въ В—ской губ., такъ что московскому слѣдователю пришлось бы потребовать отъ слѣдователя П-скаго уѣзда производства всѣхъ вообще по дѣлу слѣдственныхъ дѣйствій; но такое требованіе едвали можетъ быть признано законнымъ, такъ какъ на основаніи 292 ст. слѣдователь, въ участкѣ котораго дѣло возникло, имѣетъ право требовать отъ другаго слѣдователя производства только отдѣльныхъ, а не всѣхъ по дѣлу слѣдственныхъ дѣйствій, т. е. не предварительнаго слѣдствія отъ его начала до конца. На этомъ основаніи московскій слѣдователь передалъ дѣло по постановленію, слѣдователю П-скаго уѣзда и просилъ его принять дѣло къ своему производству на основаніи 3 п. 289 ст., по мѣсту пребыванія обвиняемаго въ подлогѣ Б такъ какъ мѣсто совершенія преступленія оставалось неизвѣстнымъ. Но послѣдній слѣдователь не согласился съ этимъ постановленіемъ и просилъ разрѣшить возникшее пререканіе. В-скій окружный судъ, который возвратилъ дѣло московскому слѣдователю для производства предварительнаго слѣдствія. Очевидно въ данномъ случаѣ московскій слѣдователь неправильно передалъ дѣло слѣдователю П-скаго уѣзда на основаніи 3 п. 289 ст.; правило изложенное въ этомъ пунктѣ никогда не можетъ служить основаніемъ передачи дѣла отъ одного судебнаго слѣдователя къ другому. Онъ могъ пред-

ставить московскому окружному суду о необходимости передать дѣло П-скому слѣдователю согласно 1 п. 247 ст. такъ какъ въ данномъ случаѣ вопросъ шелъ не объ опредѣленіи подсудности или подслѣдственности дѣла, а о перенесеніи дѣла въ другой округъ, не смотря на то, что по общимъ правиламъ оно должно было производиться въ округѣ московскаго суда, а потому слѣдователь неправильно воспользовался здѣсь 231 ст. а В-скій окружный судъ также неправильно принялъ къ своему разсмотрѣнію представленіе своего слѣдователя, такъ какъ согласно 247 и 246 ст. перенесеніе уголовныхъ дѣлъ изъ однаго судебнаго округа въ другой разрѣшается высшимъ въ порядкѣ подчиненности судомъ, „въ вѣдомствѣ котораго дѣло производится", а такъ какъ въ данномъ случаѣ вопросъ шелъ о перенесеніи дѣла, производившагося въ округѣ московскаго суда, то разрѣшеніе этаго вопроса и могло послѣдовать только отъ московской судебной палаты, и уже ни въ какомъ случаѣ отъ В-скаго окружнаго суда.

Мы сейчасъ сказали нѣсколько словъ о 292 ст. и потому обратимъ здѣсь вниманіе на крайнюю медленность въ исполненіи такъ называемыхъ отдѣльныхъ требованій. Рѣдкое изъ нихъ исполняется безъ понужденій со стороны пославшаго требованіе о производствѣ какого либо слѣдственнаго дѣйствія. Случается даже такъ, что нѣсколько подтвержденій о скорѣйшемъ исполненіи требованія остаются безъ отвѣта. Послѣ двухъ такихъ подтвержденій, которыя дѣлаются обыкновенно по принятому практикой сроку, чрезъ каждыя двѣ недѣли, посылается третье, одновременно съ просьбой къ прокурору окружнаго суда, при которомъ состоитъ слѣдователь обязанный исполнить требованіе, о понужденіи послѣдняго къ скорѣйшему исполненію отдѣльнаго слѣдственнаго дѣйствія; но и эти отношенія остаются также безъ отвѣта, такъ что слѣдователь, сомнѣваясь наконецъ въ цѣлости посланныхъ иногда весьма важныхъ документовъ, обращается къ мѣстному прокурору палаты, объясняя ему свои опасенія, съ просьбой разъяснить дѣло; и только послѣ этого наконецъ получается какое нибудь увѣдомленіе. Мы знаемъ случаи, когда требованія слѣдователя не исполнялись въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ и потому полагаемъ, что было бы цѣлесообразно, во избѣжаніе лишней переписки и напрасныхъ тревогъ, обязать слѣдователей увѣдомлять кого слѣдуетъ, по-

ложимъ чрезъ каждыя двѣ недѣли, почему такъ долго не исполняется имъ отдѣльное требованіе.

Вотъ всѣ наиболѣе выдающіеся недостатки въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій; указать на болѣе мелкіе, которые замѣчаются при чтеніи слѣдственныхъ производствъ нельзя, потому что говорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности невозможно, а между тѣмъ они не поддаются группировкѣ, по этому мы и вынуждены ограничиться вышеизложенным.

А. Соколовъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

«Когда должникъ лица, объявленнаго несостоятельнымъ, въ то же время состоитъ и заимодавцемъ послѣдняго, тогда замѣнъ долга искомъ допускается сполна, сумма противъ суммы» (ст. 1966 т. XI, уст. о торг. несост.).

1875 года октября 2 дня по указу Его Императорскаго Величества, Московской Окружный Судъ, по V отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя В. Н. Лаврова, въ составѣ членовъ: С. С. Перфильева и В. О. Киселева, слушалъ жалобу повѣреннаго купца Петра Никифоровича Боровкова присяжнаго повѣреннаго Фальковскаго на опредѣленіе Конкурснаго Управленія по дѣламъ несостоятельнаго должника Бартенева. Обстоятельства дѣла: Конкурсное управленіе по дѣламъ несостоятельнаго должника Николая Бартенева взыскивало съ купца Боровкова 6248 рублей по исполнительному листу Московской Судебной Палаты; но Боровковъ, съ своей стороны, еще до открытія несостоятельности Бартенева, предъявилъ къ нему искъ въ Московскомъ Окружномъ Судѣ въ 5442 руб. съ процентами и судебными издержками, признанный судомъ подлежащимъ удовлетворенію, и, по открытіи несостоятельности Бартенева, свою претензію заявилъ Московскому Окружному Суду. Боровковъ имѣя въ виду,

что эта претензія, согласно 1966 ст. XI т. зак. уст. о торг. несост. должна быть зачтена ему сполна *сумма противъ суммы* въ счетъ требуемыхъ отъ него Конкурсомъ Бартенева 6248 рублей сер., 16 августа, обратился въ Конкурсное Управленіе по дѣламъ Бартенева съ просьбою объ этомъ зачетѣ. 23-го августа сего года, Конкурсное Управленіе по разсмотрѣніи прошенія Боровкова находя что 1) конкурсное управленіе, по закону, прежде всего приводитъ въ извѣстность имущество должника, собираетъ его и затѣмъ уже занимается распредѣленіемъ этого имущества, повозможности обращеннаго въ деньги, между кредиторами, что нѣтъ никакого основанія производить уплату долга одному изъ кредиторовъ раньше всѣхъ другихъ и даже раньше самаго распредѣленія претензій по родамъ и разрядамъ. Своевременное взысканіе конкурснымъ управленіемъ денегъ по имѣющейся претензіи съ такого лица, которое само имѣетъ претензію къ несостоятельному, нисколько не исключаетъ для этаго лица возможности въ будущемъ, по исполненіи Конкурснымъ Управленіемъ возложенныхъ на него обязанностей, получить одновременно съ другими кредиторами удовлетвореніе по своей претензіи полнымъ рублемъ, на основаніи ст. 1966 уст. о торг. несост., что слѣдовательно нѣтъ никакого основанія произвести теперь же учетъ взаимныхъ претензій Боровкова и Бартенева и выдать Боровкову взысканныя съ него конкурсомъ деньги. 2) Конкурсное Управленіе кромѣ претензій по исполнительному листу въ 6248 рублей, должно предъявить къ нему еще искъ въ 4944 руб. 90 коп. основаніе котораго и самый искъ въ существѣ были признаны правильными рѣшеніемъ смоленскаго окружнаго суда и Бартеневу присуждено было право требовать съ Боровкова убытки и только о разсчетѣ этихъ убытковъ было предоставлено ему просить въ порядкѣ *исполнительнаго производства.* Принимая 1966 ст. уст. торг. буквально и разбирая самый смыслъ ея Конкурсное Управленіе обязано бы было сдѣлать зачетъ долга Боровкова этимъ искомъ, сумма противъ суммы, въ томъ случаѣ, если бы оно признало, что претензія Боровкова подлежитъ удовлетворенію по вышеупомянутой статьѣ. 3) ст. 1966 по ея внутреннему смыслу и по содержанію всего отдѣла, въ которомъ она находится, должна относиться только къ такимъ должникамъ несостоятельнаго, которые были уже его кредиторами *до открытія несостоятельности*, а не къ тѣмъ,

которые, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи несостоятельности, скупили у разныхъ лицъ векселя несостоятельнаго должника, по цѣнѣ, вѣроятно, несравненно низшей ихъ номинальной стоимости и потомъ предъявили эти векселя къ учету своего долга несостоятельному въ полной суммѣ. Подобное примѣненіе ст. 1966 дало бы очень легкій способъ должникамъ несостоятельнаго отдѣлываться отъ уплаты должной ими суммы во вредъ другимъ кредиторамъ, а именно такой случай представляется въ настоящемъ случаѣ. Бартеневъ объявилъ себя несостоятельнымъ 13 апрѣля 1874 годъ на 661.268 руб. и представилъ въ уплату имущества на 67.000 рублей по большой части въ искахъ на другихъ лицъ, въ томъ числѣ и на Боровкова; 25 апрѣля было уже первое засѣданіе въ Судѣ по дѣлу о его несостоятельности, а 5 іюня Боровковъ купилъ у крестьянина Шлямина вексель Бартенева въ 5442 руб. сер.; потому, не находя возможнымъ примѣнить по дѣлу Боровкова ст. 1966 уст. торг. Конкурсное Управленіе постановило: въ просьбѣ Боровкова о зачетѣ его претензіи въ полной суммѣ по 1966 ст. уст. торг. отказать; взысканныя же съ него деньги оставить въ распоряженіи Конкурснаго Управленія. На это постановленіе, копія съ котораго, согласно прошенію Боровкова, отослана была повѣренному его, присяжному повѣренному Фальковскому, послѣдній, чрезъ Конкурсное Управленіе, подалъ жалобу въ московскій окружный судъ, въ которой объяснилъ: 1) разсужденіе Конкурснаго Управленія о несвоевременности требованія купца Боровкова объ удовлетвореніи его претензіи полнымъ рублемъ, ранѣе самаго распредѣленія претензій по родамъ и разрядамъ, лишены всякаго законнаго основанія; такъ какъ понятіе объ удовлетвореніи кредитора изъ конкурсной массы существенно разнится отъ понятія *о зачетѣ или замѣнѣ долга искомъ*, о которомъ упоминается въ 1966 ст. X т. уст. торг. несост. Кромѣ того претензія Боровкова Конкурснымъ Управленіемъ по дѣламъ Бартенева въ суммѣ 5804 руб. 80 коп. отнесена къ первому роду долговъ. 2) Претензія въ 4944 руб. 90 коп. имѣющая быть предъявленною, по мнѣнію конкурса, къ довѣрителю его Боровкову *въ исполнительномъ порядкѣ*, ничего общаго не имѣетъ съ настоящимъ дѣломъ, потому во 1-хъ что эта претензія окончательно не присуждена и во 2-хъ что срокъ на предъявленіе ея истекъ., 3-хъ толкованіе конкур-

снымъ Управленіемъ 1966 ст. уст. о торг. несост. въ томъ смыслѣ что этотъ законъ относится къ должникамъ и заимодавцамъ несостоятельнаго до *открытія несостоятельности* послѣдняго, совершенно произвольно, такъ какъ словесный смыслъ той статьи и не представляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Разсужденіе конкурса о практическихъ неудобствахъ закона вполнѣ неумѣстно, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда постановленіе московскаго окружнаго суда о признаніи Бартенева несостоятельнымъ состоялось только 13 Августа 1874 года т. е. въ то время когда Боровковъ самъ состоялъ кредиторомъ Бартенева; мнѣніе конкурса о цѣнѣ, за которую Боровковъ пріобрѣлъ вексель ни на чемъ не основано, да и самъ конкурсъ указываетъ только на него какъ на предположеніе. Замѣна долга искомъ допущена закономъ вполнѣ справедливо и на началѣ равенства и взаимности правъ.

На основаніи изложеннаго, Фальковскій просилъ окружный судъ постановить: отмѣнивъ, состоявшееся по дѣлу сему опредѣленіе Конкурснаго Управленія по дѣламъ Бартенева, признать претензію купца Петра Боровкова въ суммѣ 5804 руб. 80 коп. подлежащею зачету, сумма противъ суммы, въ счетъ взыскиваемыхъ съ него Конкурснымъ Управленіемъ 6248 руб. сер. по исполнительному листу. Представивъ эту жалобу, 13-го сентября 1875 года, въ московскій окружный судъ Конкурсное Управленіе по дѣламъ несостоятельнаго Бартенева въ рапортѣ своемъ повторивъ основанія отказа своего повѣренному Боровкова въ зачетѣ его претензіи добавило при этомъ, что искъ къ Боровкову въ 4944 руб. предъявленъ въ общемъ порядкѣ, и что къ настоящему дѣлу должна быть примѣнена 1965 ст. уст. о несост. такъ какъ прошеніе Бартенева о признаніи его несостоятельнымъ должникомъ уваженное судомъ, подано было 13 апрѣля, а вексель Шлямина переданъ Боровкову 5 іюня 1874 г. По справкѣ съ дѣломъ о несостоятельности Бартенева оказалось, что прошеніе Бартенева о признаніи его несостоятельнымъ подано было въ московскій окружный судъ 13 апрѣля 1874 года. Постановленіе о признаніи Бартенева несостоятельнымъ состоялось 13-го Августа 1874 года. Разсмотрѣвъ вышеизложенное и принимая во вниманіе: 1) что признаніе штабсъ ротмистра Бартенева несостоятельнымъ должникомъ послѣдовало по опредѣленію окружнаго суда 13 августа 1874 года; 2)

что до сего времени, не смотря на заявленіе о его несостоятельности въ прошеніи, поданномъ суду 13 апрѣля, Бартеневъ не могъ считаться несостоятельнымъ должникомъ, за силою 1880 и 1881 ст. уст. о несост. XI т. 2 ч. св. зак.; 3) что по сему Шляминъ, которому принадлежалъ вексель, переданный за симъ купцу Боровкову, лишь только до 5 іюня 1874 года, то есть до признанія несостоятельности, не можетъ быть причисленъ къ числу кредиторовъ несостоятельнаго должника Бартенева, а за симъ и передача имъ векселя должнику Бартенева Боровкову не можетъ быть сочтена тѣмъ переводомъ долга между заимодавцемъ и должникомъ несостоятельнаго о которомъ говорится въ 1965 ст. уст. о несост. 4) что получивъ отъ Шлямина вексель на Бартенева до признанія последняго несостоятельнымъ, и состоявъ въ тоже время самъ должнымъ Бартеневу 6248 руб., купецъ Боровковъ, при взысканіи съ него этихъ 6248 руб. Конкурснымъ Управленіемъ былъ одновременно должникомъ и заимодавцемъ несостоятельнаго; 5) что искъ его съ Бартенева по векселю, перешедшему отъ Шлямина, причисленъ былъ ранѣе его Конкурсномъ Управленіемъ, въ суммѣ 5804 руб. 80 коп. къ первому роду долговъ, а засимъ и на основаніи 1966 ст. уст. о несост. Боровковъ имѣлъ право при взысканіи съ него въ пользу Бартенева 6248 руб. зачислить въ число этого взысканія свою претензію на Бартенева въ 5804 руб. 80 коп. полнымъ рублемъ; 6) что по точному смыслу 1966 ст. уст. о несост. и по самому свойству понятія о *замѣнѣ*, полученіе съ Боровкова въ пользу конкурсной массы Бартенева долга въ 6248 руб. и отказъ въ свою очередь Боровкову въ немедленномъ учетѣ по иску его въ 5804 руб. 80 к. является нарушеніемъ той взаимности правъ сторонъ, одновременно обладающихъ взаимными другъ на друга претензіями, которая положена въ основаніе закона (1966 ст. уст. о несост); 7) что указаніе Конкурснымъ Управленіемъ на другое основаніе отсрочки въ учетѣ претензіи Боровкова, — на имѣющейся въ конкурсѣ другой искъ съ Боровкова въ 4944 руб. не имѣетъ значенія въ виду того, что искъ этотъ еще не присужденъ, и не можетъ вслѣдствіе сего считаться равносильнымъ взысканію Боровкова съ Бартенева по векселю, признанному самимъ конкурсомъ, а потому и подлежащимъ немедленному удовлетворенію; и 8) что признавая по сему отказъ Конкурснаго Управленія

въ немедленномъ замѣнѣ суммы 6248 р. противъ суммы 5804 руб. 80 коп. взаимныхъ претензій Боровкова и Бартенева противорѣчащимъ точному смыслу 1966 ст. уст. о несост;—окружный судъ опредѣляетъ: постановленіе конкурса, какъ неправильное отмѣнить, прошеніе Боровкова объ обезпеченіи оставить безъ уваженія *).

---

*) Это рѣшеніе утверждено и Московскою Судебною Палатою по 2 гражданскому Департаменту.

II.

Рязанскаго Окружнаго Суда.

Судъ не долженъ постановлять другаго опредѣленія о личномъ задержаніи должника, если первое по сему предмету опредѣленіе оставалось въ теченіе 6 мѣсяцевъ не приведеннымъ въ исполненіе.

22 сентября 1875 г. Рязанскій окружный судъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Д. П. Тихомирова въ составѣ членовъ суда М. С. Горяинова и С. К. Нацевича слушалъ дѣло по прошенію повѣреннаго князя Волконскаго присяжнаго повѣреннаго Родзевича о личномъ задержаніи мѣщанина Астафьева, объясняя, что мѣщанинъ Астафьевъ не платитъ должныхъ Волконскому по исполнительнымъ листамъ 4935 р. 39 к., Родзевичъ просилъ окружный судъ подвергнуть должника личному задержанію. Повѣренный же послѣдняго дворянинъ Трунинъ заявилъ, что 10 октября 1874 г. по прошенію Волконскаго уже состоялось опредѣленіе суда о личномъ задержаніи Астафьева и что оное опредѣленіе 6 мѣсяцевъ повѣреннымъ Волконскаго, получившимъ исполнительный листъ, приведено въ исполненіе не было, по сему другаго опредѣленія по этому предмету постановлять уже невозможно. Принимая во вниманіе, что по 891 ст. уст. гражд. суд. нельзя постановлять новаго опредѣленія по одному и тому же предмету и что опредѣленіе суда о личномъ задержаніи Астафьева по неприведеніи его въ исполненіе въ теченіе 6 мѣсяцевъ уже потеряло силу, окружный судъ опредѣлилъ: въ ходатайствѣ князю Волконскому отказать. По жалобѣ истца дѣло это разсматривалось въ московской судебной палатѣ 5 февраля 1876 г.; палата нашла, что смыслъ 1235

ст. уст. гр. суд. заключается въ томъ, что взыскатель, не представивъ кому слѣдуетъ въ теченіе шести мѣсяцевъ къ исполненію опредѣленія суда о личномъ задержаніи должника, тѣмъ самымъ освобождаетъ должника на всегда отъ личнаго задержанія по тѣмъ претензіямъ, по коимъ состоялось означенное опредѣленіе; придавать же этой статьѣ закона такое значеніе, что пропущеніе взыскателемъ шестимѣсячнаго срока на представленіе къ исполненію опредѣленія суда о личномъ задержаніи должника не лишаетъ взыскателя права возобновить о семъ ходатайство и должно имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь вторичное постановленіе суда объ удовлетвореніи такого ходатайства, было бы несогласно съ коренными началомъ, выраженнымъ въ 891 ст. уст. гр. суд., предстояло бы въ такомъ случаѣ постановлять опредѣленія по предмету уже разрѣшенному и не представляющему никакого измѣненія въ обстоятельствахъ прежде бывшихъ у него въ виду. Кромѣ того, допущеніе такого опредѣленія имѣло бы значеніе признанія за взыскателемъ права требовать непрерывнаго ряда судебныхъ опредѣленій о личномъ задержаніи одного и того же лица за одинъ и тотъ же долгъ и при томъ въ періодъ времени неограниченный никакимъ предѣломъ. По симъ соображеніямъ признавая отказъ окружнаго суда въ ходатайствѣ повѣреннаго князя Волконскаго правильнымъ, судебная палата опредѣлила: жалобу присяжнаго повѣреннаго Родзевича оставить безъ уваженія.

Редакція Юрид. Вѣст. въ кн. 10, 11 и 12, 1875 года имѣла честь объяснить причину поздняго выхода журнала.

Затѣмъ, въ видахъ улучшенія на будущее время внутренняго достоинства журнала, считаетъ обязанностью повторить, что оригинальныя сочиненія строго-научнаго содержанія, по всѣмъ отдѣламъ права, предлагаемыя для напечатанія въ журналѣ, будутъ, по желанію авторовъ, вознаграждаемы отъ 50 до 75 рублей за каждый печатный листъ, а за переводныя отъ 15 до 25 рублей, смотря по достоинству перевода. Статьи, пересылаемыя безъ заявленія о гонорарѣ будутъ сочтены доставленными для безмезднаго помѣщенія ихъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ.

Примѣч. Въ книжкахъ 10, 11 и 12 1875 г. Совр. отд. стр. 20 напечатано: „Анжула“, слѣдуетъ читать „Янжула“.

Ред.

